

МАКСИМ ШАРДАКОВ

Братии в земли
и миссис перккиф...
... все будет
... работа
... на носу
... Фирма
... Да
... работа
... будет
... работа
... работа
... работа
... работа
... работа
... работа

PR **ГЕР** **ЕВ**

Максим Шардаков

PRO героев

Издано центральной библиотекой
Очёрского городского округа
при поддержке Министерства культуры
Пермского края

Очёр 2021

ББК 83.014.46К
Ш 25

Шардаков, М. А. PRO героев : воины-прикамцы – прототипы героев кино и книг / М. А. Шардаков ; Центральная библиотека Очёрского городского округа. – Очёр : [б. и.], 2021. – 237 с.

Научные консультанты: кандидат исторических наук, доцент Ембулаев Виктор Алексеевич; ст. научный сотрудник Очёрского краеведческого музея Бесстрашников Николай Емельянович.

Литературные консультанты: члены Союза писателей России Востриков Фёдор Сергеевич, Дубровин Алексей Александрович, Тюленев Игорь Николаевич.

Печатается в авторской редакции.

Корректурa, вёрстка и дизайн Шадская Е. О.

© Муниципальное автономное учреждение культуры «Центральная библиотека Очёрского городского округа», 2021 г.

© Шардаков Максим Алексеевич, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЕРОЕВ БЫЛЫХ ВРЕМЁН	3
АРКАДИЙ ХРЕНОВ. ПРОРЫВАЯСЬ К ПОБЕДЕ	14
ТОТЛЕБЕН XX ВЕКА.....	15
МОСТ ПЕРВЫЙ. ОЧЁРСКИЙ	18
МОСТ ВТОРОЙ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ	22
МОСТ ТРЕТИЙ. ФИНСКИЙ.....	29
МОСТ ЧЕТВЁРТЫЙ. ОДЕССКИЙ.....	35
МОСТ ПЯТЫЙ. СЕВАСТОПОЛЬ-КАРЕЛИЯ	45
МОСТ ПОСЛЕДНИЙ. ЯПОНСКИЙ	64
ГЕНЕРАЛ И ЧЕЛОВЕК	80
ИГОРЬ ШАРДАКОВ. РОЖДЁННЫЙ ЛЕТАТЬ	90
В ЭТОМ ВЕСЬ ШАРДАКОВ.....	91
КРЕПКИЙ ОЧЁРСКИЙ РОД.....	111
В НЕБЕ – СПЕЦНАЗ!.....	136
РУССКИЙ СЧЁТ ПРОТИВ «ГАМБУРГСКОГО»	146
ДУЭЛИ С «БУБНОВЫМИ».....	155
ТРИ ВАСИЛИЯ.....	175
ОТ ТРИБУНАЛА ДО НАГРАДЫ	185
ПОД ЗВЕЗДОЙ ШВЕЦОВА	194
ОРЛИНЫЙ ГЛАЗ.....	207
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	223
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	227
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	232

ОТ ГЕРОЕВ БЫЛЫХ ВРЕМЁН...

Безумству храбрых поём мы песню.

Максим Горький

«...В атаку пошла пехота –
К полудню была чиста
От убежавших немцев
Скалистая высота.
Всюду валялись трупы,
Раненый, но живой
Был найден в ущелье Лёнька
С обвязанной головой.
Когда размотали повязку,
Что наспех он завязал,
Майор поглядел на Лёньку
И вдруг его не узнал:

Был он как будто прежний,
Спокойный и молодой,
Всё те же глаза мальчишки,
Но только... совсем седой.
Он обнял майора, прежде
Чем в госпиталь уезжать:
– Держись, отец: на свете
Два раза не умирать.
Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! –
Такая уж поговорка
Теперь у Лёньки была...»

Твёрдо, с выражением отчеканил Коля последние слова знаменитого стихотворения и даже как будто стал выше ростом.

В классе повисла напряжённая тишина. На глазах девочек блестели слёзы, да и некоторые мальчишки, играя желваками, едва сдерживали их.

– Вот это настоящий герой! – воскликнула Люда Ширяева и толкнула локтем своего соседа по парте. – Не то, что ты, Буслаев! Только с девочками воевать и умеешь. Зачем в меня на перемене мокрой тряпкой бросил? И Лизкин портфель на шкаф закинул... Уж Лёнька бы так точно не поступил!

– Много ты понимаешь! Да я, если хочешь знать, тоже бы так смог на войне, – буркнул хулиган Витька Буслаев и напряг мускулы. – Я на дзюдо хожу.

– Да ты бы помер там со страха вместе со своим дзюдо, – Люда презрительно посмотрела на надувшегося Витьку, и весь класс грохнул от смеха.

– Тише-тише, ребята! – строго сдвинула брови учительница литературы. – Молодец, Ермаков! Садись – пять!

Коля пошёл к своей парте, но на полпути остановился и обернулся к учителю:

– Лидия Никитична, а где сейчас этот Лёнька?

Иллюстрация к поэме К. Симонова «Сын артиллериста».
Студия «Диафильм», Госкино СССР, 1977 г.

И ребята тут же разом загалдели, перебивая друг друга:

– Да-да, действительно! Он жив или погиб?

– Он и правда был на свете? Поэт его не придумал?

– Надо непременно начать поиски героя! Мы же столько ветеранов нашли, о которых никто ничего не знал – найдем и Лёньку!

– Да где его найдёшь... Знаешь, сколько Леонидов Петровых в стране? Тыщи!

– Не знаю, ребята! – тихо сказала учительница. – Конечно, хотелось бы, чтобы он остался в живых. Но парень уж больно отчаянный – такие на войне гибнут в первую очередь...

– А давайте прямо сейчас напишем поэту Симонову и спросим, – предложил рассудительный Дима Шевардин.

– Увы, Константин Михайлович умер несколько лет назад, – расстроенно развела руками Лидия Никитична. – Он же фронтовик. И на войне был такой же смелый как Лёнька. А такие, к сожалению, тоже долго не живут...

– Ой, как жаль, а что же нам тогда делать?

– Тогда напишем на телевидение или лучше – на радио! Там часто стихи Симонова передают, – не сдавался Дима.

На том и порешили.

Остаток урока Шевардин под громкие подсказки пятиклассников старательно выводил строчки на тетрадном листе. Письмо закончили как раз к звонку. Лидия Никитична с улыбкой исправила ошибки, расставила пропущенные запятые и сказала:

– А вам домашнее задание: найдите других героев произведений Константина Симонова – таких же ярких и запоминающихся, как Лёнька.

Ответ на письмо долго не приходил, и, когда школьники совсем уже было отчаялись и перестали ждать, в класс вошла Лидия Никитична с загадочным выражением на лице.

– Жив! Жив Лёнька! – воскликнула она, потрясая над собой конвертом с московским штемпелем.

– Ураааа! – веселый детский крик потряс всю школу.

«Дорогие ребята! – значилось в корреспонденции. – Направляем Вам письмо Ивана Алексеевича Лоскутова поэту Константину Симонову, которое тот написал в 1966 году. Иван Алексеевич – это и есть тот самый Лёнька Петров, которого вы ищете. Вернее, его прототип» – и дальше указывался владивостокский адрес Лоскутова.

Учительница вслух прочитала его письмо, в котором точь в точь описывался подвиг, рассказанный Симоновым в поэме «Сын артиллериста». Симонов умер в 1979 году, но, оказывается, Константин Михайлович предвидел, что и после его смерти дети будут интересоваться судьбой героя. Поэтому по его просьбе были изготовлены тысячи копий письма Ивана Лоскутова.

– А что такое прототип? – спросила Люда Ширяева. – Тип – знаю, это вон – Буслаев тот ещё тип! А прототип что, ещё хуже, чем он?

– Прототип персонажа книги или фильма – это конкретный человек, который послужил основой для образа героя, – объяснила Лидия Никитична. – Бывает, что литературный герой соткан сразу из нескольких людей. Кто-то отдал свою внешность, другой – характер, третий – эпизод из биографии.

Так, в романе «Живые и мёртвые», о котором вы недавно узнали, прототипами командарма Серпилина являются сразу три военачальника – полковник Кутепов, генералы Горбатов и Петров. И комбат Синцов – тоже собирательный образ. В нём есть частичка и самого Симонова.

– А может Лёнька тоже собирательный? – спросил Дима.

– Не исключено! В Великую Отечественную войну вызов огня на себя был распространённым подвигом. Многие советские люди пренебрегали собственными жизнями ради общей победы, – ответила учительница. – И, если вы внимательно вчитаетесь в письмо Лоскутова, то в нём он говорит ещё о двух разведчиках, что были с ним рядом во время корректировки огня.

Вскоре ребята написали письмо самому Ивану Алексеевичу, в котором торжественно объявили, что приняли героя в почётные пионеры школьной дружины. Ответ не заставил себя ждать. Иван Лоскутов поблагодарил школяров за оказанную честь и рассказал о себе, о Симонове, не забыв упомянуть и двоих товарищей, с которыми пошёл тогда в разведку. К сожалению, за давностью лет он не помнил фамилий героев. Знал только, что одного звали Георгий, а второго – Григорий, и, чтобы не путаться в похожих именах, Георгия он называл Жорой. Но главное, о чём поведал Иван Алексеевич, что он и двое его друзей призывались на войну из Прикамья.

– Ого – земляки! Вот теперь мы точно всех прототипов найдем, – радостно решили ребята.

Иван Алексеевич Лоскутов –
прототип Лёньки Петрова

С тех пор минуло уже почти сорок лет, а я всё ещё с теплотой вспоминаю школьные годы, интересные и нестандартные уроки литературы Лидии Никитичны Володиной, дружный коллектив одноклассников, что рьяно кинулся на поиски симоновского Лёньки и его товарищей.

«Бороться и искать, найти и не сдаваться!» – под таким девизом жили мы тогда, находясь под впечатлением «Двух капитанов» Вениамина Каверина. Ребята были всецело поглощены таинством поиска, роясь в гуще информации – часто за счёт учёбы и игр во дворе.

Мы искренне радовались, когда удавалось обнаружить что-то новое, доселе неизвестное, чувствовали себя настоящими разведчиками. И огорчались до слёз, когда наши изыскания заходили в тупик...

Двух таинственных друзей Петрова-Лоскутова мы тогда, увы, как ни старались, не нашли. В нас было много азарта, но мало знаний и умений. А спасительного интернета ещё не было и в помине. В архивы нас по малолетству не пускали, а к запросам юных школяров ответственные лица относились безответственно, спустя рукава...

Зато попутно мы с интересом узнавали о прототипах других произведений. А ещё больше о тех замечательных людях Прикамья, героях войны и труда, чья невероятная судьба ещё только ждала своего литературного или киношного отображения. И через много лет они тоже станут прототипами, как мы и желали. Как, например, лётчик-штурмовик Герой Советского Союза Сергей Краснопёров.

В советское время каждая пионерская дружина или отряд носили имена известных героев. В нашей школе имени Аркадия Гайдара их было принято называть в честь пермяков – участников Великой Отечественной войны. Были отряды памяти комсомольского вожака Льва Шатрова, карагайца Леонида Ерофеевских, краснокамца Ивана Лядова и чернушинца Сергея Краснопёрова. Пионеры оформляли стенды, посвященные героям, изучали их биографии, приглашали на открытые уроки родственников, друзей или однополчан. Школьникам было интересно слушать о подвигах Сергея Леонидовича, совсем ещё молодого лётчика, мастерством и отвагой которого восхищались лучшие авиаторы страны Советов. Он принимал участие в самых горячих сражениях под Сталинградом, на Северном Кавказе и героически погиб, освобождая Белоруссию. «Вот про кого надо книги писать!» – думалось нам тогда...

Зато как мне и моим друзьям было приятно узнать, что в 1994 году выдающийся русский писатель Иван Петрович Гурин издал повесть «Свет погасшей звезды», в основу которой легли события, связанные с боевыми действиями лётчика-штурмовика Краснопёрова и его фронтовых друзей.

Не менее интересна судьба ещё одного пилота и тоже чернушинца Евгения Францева.

Самый реалистичный, по мнению ветеранов, художественный фильм о советской авиации периода Великой Отечественной войны – «Торпедоносцы», снятый на «Ленфильме» по мотивам неоконченной повести Юрия Германа. В нём показаны повседневная жизнь на заполярном военном аэродроме, боевая работа морских лётчиков и безжалостный трагизм потерь. Одним из ярких прототипов волнующей ленты является пилот – Герой Советского Союза Евгений Францев, фотография которого промелькнула перед нами в заключительных кадрах фильма.

Францевские черты мы видим сразу в нескольких героях: рассудительность и готовность к самопожертвованию комполка Фоменко в исполнении Юрия Кузнецова, добродушие и лихая бесшабашность лётчика Дмитриенко, которого великолепно сыг

рал молодой Станислав Садальский, – взгляните, как внешне похож он на нашего земляка. А характером вылитый Францев – смелый и непримиримый к подлости старлей Александр Белобров в исполнении Родиона Нахапетова.

Францев провоевал чуть больше года, но зато как воевал! Евгений Иванович – единственный лётчик на планете, кому удалось потопить две вражеские подводные лодки. Также на его боевом счету лично уничтоженные транспорт, танкер, мотобот, и еще два транспортных корабля Евгений пустил на дно с помощью товарищей по полку.

Когда экипаж Францева потопил свою первую гитлеровскую субмарину, лётчики возвращались на аэродром в приподнятом настроении. Однако там их встретили отнюдь не как героев. По приказу командования в ночное время атаковать подводные лодки строжайше запрещалось. Два дня Францев находился под негласным арестом, отписывался рапортами и объяснялся с суровыми особистами. Но победителей не судят: когда адмирал Головкин узнал, насколько ювелирно была проведена атака и какое немислимое хладнокровие проявил при этом Евгений, экипаж выпустили из кутузки и наградили орденами. Причём в наградном листе подчёркивалось, что в истории морских сражений это был первый случай, когда самолёт-торпедоносец уничтожил подводку. На тот момент Францеву не было ещё и 22 лет.

Бесстрашный воздушный боец погиб 15 сентября 1944 года вместе с экипажем, как и герой фильма Саша Белобров. Последняя радиограмма от него была короткой: «Атакую! Потопил!» Но

Герой Советского Союза
Евгений Францев

ещё долго после его смерти в Чернушку шли тёплые письма родным.

– А затем в родительский дом прислали личные вещи Евгения Францева, – рассказал мне пермский писатель-краевед Владимир Гладышев. – Шинель суконная, китель... Мама Варвара Васильевна перешила их для младшего брата Вячеслава, который, когда вырос, стал знаменитым на всю страну врачом-кардиологом. Шахматы, сто рублей денег, двадцать пачек папирос «В атаку!», которые лётчик так и не успел выкурить...

Что ещё мог нажать за короткую, как вспышка, жизнь молодой парень, кроме вечной памяти о нем? Хорошо, что хоть немного поносил на груди звезду Героя.

А ещё мы в школе с удивлением узнали, что прототипом главного героя популярного фильма «Подвиг разведчика» был легендарный Николай Иванович Кузнецов, который в 30-е годы прошлого века жил и работал в Коми-Пермяцком округе. И что сыгравший его Павел Кадочников своё детство провёл в селе Бикбарда Куединского района. Знаменитый балтиец-подводник, бывший рабочий Пермского паровозного депо Валентин Стариков стал непременной частью образа капитана Строгова в фильме «Командир счастливой щуки». ¹ Уроженца Пермской губернии, маршала Советского Союза Филиппа Голикова в киноэпопее «Битва за Москву» сыграл актёр Владимир Ткаченко. Знаменитая лётчица Герой Советского Союза Руфина Гашева из Верхнечусовских городков стала прототипом героини фильма «В небе "ночные ведьмы"». Жизнь и подвиг студентки Пермского пединститута Татьяны Барамзиной вдохновили писателя Виталия Николаева на книгу «Танины тополя».

Однажды на одном из уроков Мужества наш класс обсуждал фильм Владимира Рогового «Юнга Северного флота», снятый по мотивам произведения известного писателя Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками». В характерах парней – Володи, Вити,

---

¹ Именно Героя Советского Союза Валентина Георгиевича Старикова сослуживцы впервые назвали «Командир счастливой лодки».

Кольки, Саши – война смешала детский жизненный опыт, вместивший смерть близких, скудный паёк голодных лет, боязнь бомбёжек, с романтикой моря, с мальчишеской любовью к приключениям. С одной стороны мы завидовали соловецким юнгам, но с другой задумывались, а смогли бы мы вынести те испытания, что в военное лихолетье выпали на долю пацанов одного с нами возраста?

Алексей Леонтьев и Дмитрий Рудаков
перед уходом в школу юнг, 1942 г.

Тогда я ещё не знал, что за судьбами юнг стоят реальные истории вполне реальных героев. Валентин Пикуль, сам выпускник школы юнг первого набора, писал характеры своих персонажей со своих товарищей, многие из которых родились в Прикамье.

Позднее мне довелось пообщаться с известным в Очёре человеком, историком-энтузиастом российского флота Львом Михайловичем Бояршиновым, который рассказал, что вместе с Пикулем на курсе учились несколько очёрцев, в частности – бывшие воспитанники детского дома Алёша Леонтьев и Дима Рудаков. Несомненно, некоторые черты их характеров нашли отражение как в фильме, так и в повести. Особенно это стало ясно после появления книги Алексея Петровича Леонтьева «Юнги с Урала». Более того, в юных актёрах стали вполне узнаваемыми на экране и другие очёрские моряки – орденоседец Яков Пепеляев, кавалеры медали Ушакова Сергей Филин и Игорь Бурдин, автор памятника юнгам ВМФ на берегу Очёрского пруда.

Встреча ветеранов флота у памятника Юнгам ВМФ в Очёре, май 1988 г.

»

Конечно, хотелось бы больше рассказать о славных мальчишках, ставших впоследствии достойными людьми. И, надеюсь, еще напишу о них, как и о других очёрцах, что послужили прототипами героев книг и фильмов. Например, о командире подводной лодки Иване Петровиче Попове, уроженце деревни Пахомово – одном из героев книги Алексея Матиасевича «В глубинах Балтики». Или о сыне полка Валерии Афанасьевиче Поносове, чьи подвиги описаны в книге Анатолия Дюженкова «От Перми до Праги». И как можно забыть об Алевтине Николаевне Щербининой, которая воевала в одном партизанском отряде с разведчиком Николаем Кузнецовым. О замечательном враче, которую любил и берёт весь отряд, писал в повести «Сильные духом» Герой Советского Союза Дмитрий Медведев.

А совсем недавно я прочёл книгу бывшего узника концлагеря Дахау Вали́ Бикташева «Мы старше своей смерти» и на её

страницах встретил знакомую фамилию. Капитан-артиллерист Герман Андреевич Гусев раненым и контуженым попал в плен

под Севастополем. Прошёл ад нескольких немецких концлагерей, пока не оказался в одном из самых страшных из них – Дахау.

Гитлеровские изуверы не смогли сломить воли советского офицера. Герман Гусев сразу включился в подпольную борьбу и вскоре стал одним из руководителей лагерного сопротивления. 29 апреля 1945 года обессиленные и безоружные узники под командой очёрца бросились на вооружённую охрану эсэсовцев и в неравной смертельной схватке вышли победителями.

Но моей давней мечтой всё-таки остаётся желание написать о героях поэмы «Сын артиллериста», которых мы с одноклассниками искали в далекие 80-е. Об оханце Иване Лоскутове и его двух товарищах-разведчиках. Теперь-то я знаю, кто они...

Тот, кого Лоскутов называл Жорой, – Георгий Ксенофонтович Макаров, студент Пермского пединститута, всю войну сражался с врагом в Заполярье. После демобилизации жил в Тамбове, где служил военным прокурором гарнизона. Он умер в 2005 году и похоронен с воинскими почестями в селе Перкино.

А второй герой – Григорий Фокеевич Мехоношин – родился в Сивинском районе. Но большую часть жизни прожил в Верещагинском районе, в старинном селе Сепыч.

– Когда началась война, Григорий Фокеевич учился на 2 курсе Пермского пединститута, куда поступил из Очёрского педучилища, – рассказывает правнучка Мехоношина Ирина Палки

Алевтина Николаевна Щербина, партизанский врач отряда «Победители»

Георгий Макаров и Григорий Мехоношин

на из Полазны. – Вскоре он попал на фронт, на полуостров Рыбачий. После демобилизации в 1946 году с Дальнего Востока, куда их отправили вместе с Лоскутовым из Заполярья, вернулся к своей мирной профессии учителя, заочно окончил институт. Работал директором школ, преподавал историю и географию. Вместе с верной спутницей Клавдией Федосовной, тоже сельским учителем и труженицей тыла, воспитали семерых детей. После тяжёлой болезни в 1973 году Григория Фокеевича не стало. Похоронен он в селе Сепыч Верещагинского района. Проводить его в последний путь пришло всё село, от скромного домика на краю села до самого кладбища гроб несли на руках, отдавая дань памяти Человеку с большой буквы. В музее села Сепыч Григорию Фокеевичу Мехоношину посвящена целая экспозиция...

Сам Григорий Фокеевич был очень скромным человеком, однако дети, которых он учил, всё равно знали о подвигах своего педагога, поэтому с гордостью и волнением декламировали на уроках литературы строки из поэмы Симонова.

Не выставляли своих заслуг напоказ и Лоскутов с Макаровым. Именно поэтому прототипов поэмы искали больше двадцати лет. «Иван Алексеевич поэму читал, что речь в ней шла именно о его подвиге – прекрасно знал, но прототипом героя поэмы признать себя не спешил. И если бы этим не занялись другие люди, наверняка так бы не признал. Такой уж у него характер...» – писал Симонов.

А помог Симонову найти своего Лёньку поэт Николай Букин, родившийся в селе Дуброво Еловского района, автор незабываемой песни «Прощайте, скалистые горы». «Поэт Рыбачьего полуострова», как называли его бойцы, в 1941 году воевал в Заполярье, и именно Николай Иванович подсказал Симонову сюжет поэмы «Сын артиллериста». Выслушав рассказ Букина, Константин Симонов заметно оживился и попросил уточнить у командиров детали подвига. Потом длинными шагами до самой ночи мерял землянку, что-то нашёптывая про себя. А когда все легли спать, Симонов зажёл фитиль лампы «Катюши» и до утра просидел за столом. Результатом бессонной ночи стала поэма, которую он в первую очередь прочитал командиру полка Ефиму Рыклизу (прототипу майора Деева) и комиссару Ерёмину. Те, потрясённые, не могли вымолвить ни слова. И уже сразу, что называется, с листа стихи отпечатали на штабной пишущей машинке. Бойцы переписывали поэму от руки, она быстро разошлось среди гарнизона Рыбачьего. Перепечатали поэму все армейские и дивизионные газеты, политработники вставляли её текст в боевые листки.

«Совершенно неожиданно для меня эта написанная за один присест и не отличавшаяся большими стихотворными достоинствами поэма стала из-за своего героического сюжета настолько популярной, что её включили в школьные программы», – писал Симонов¹.

А в 60-х годах Николай Букин выступил по всесоюзному радио с призывом к героям поэмы откликнуться. Не сразу, но они

---

¹ Симонов, К. М. Разные дни войны : дневник писателя / К. М. Симонов. – Москва : Молодая гвардия, 1975. – 492 с.

отозвались. Так, благодаря поэту-пермяку, прототипы превратились в Героев.

В этой книге автор расскажет о судьбах двух замечательных людей, героев войны и героев фильмов, отважного лётчика-истребителя Игоря Александровича Шардакова и генерал-полковника инженерных войск Аркадия Фёдоровича Хренова.

Первый стал прототипом одного из главных героев знаменитой киноленты «В бой идут одни "старики"» старшего лейтенанта Сергея Скворцова. Но, если быть точным, Игорь Шардаков передал свои черты сразу нескольким персонажам. В фильме неоднократно звучат фразы, которые произносил Шардаков, удивительно детально описываются эпизоды его военной биографии. Кроме него самого, никто не мог о них рассказать создателям картины. Разве что его боевой друг Виталий Иванович Попков – Маэстро, чьи воспоминания очень помогли автору.

О втором герое – генерале Хренове – был снят сериал «Орден». И пусть достоинства фильма далеки от идеальных, я был очень горд, что подвиги Аркадия Фёдоровича не забыты. Автору книги доводилось лично общаться с генералом. Пусть это происходило в очень юном возрасте, но всё равно в памяти навечно закрепились его взгляд, улыбка, характер, благородные поступки и, главное, мудрые слова и пожелания совсем ещё зелёному пацану, с которым Аркадий Фёдорович трогательно вёл себя на равных...

Большинство очерцёв знают этих героев с самого детства, но редко задумываются о том, почему именно их судьбы вдохновили писателей, поэтов и сценаристов на создание своих произведений. По моему скромному мнению, их объединяет одно – масштаб личности. Биографий Шардакова и Хренова хватило бы на многие тома и километры плёнки. И, полагаю, современное искусство ещё не сказало о них последнего слова.

Это были во всех отношениях прекрасные люди. «Есть персонажи, а есть – Герои», – так образно выразился актёр Александр Наумов, сыгравший генерала Хренова.

Вот почему наш проект и книга называются «ПРО ГЕРОЕВ».

**АРКАДИЙ ХРЕНОВ.
ПРОРЫВАЯСЬ К ПОБЕДЕ**

ТОТЛЕБЕН XX ВЕКА

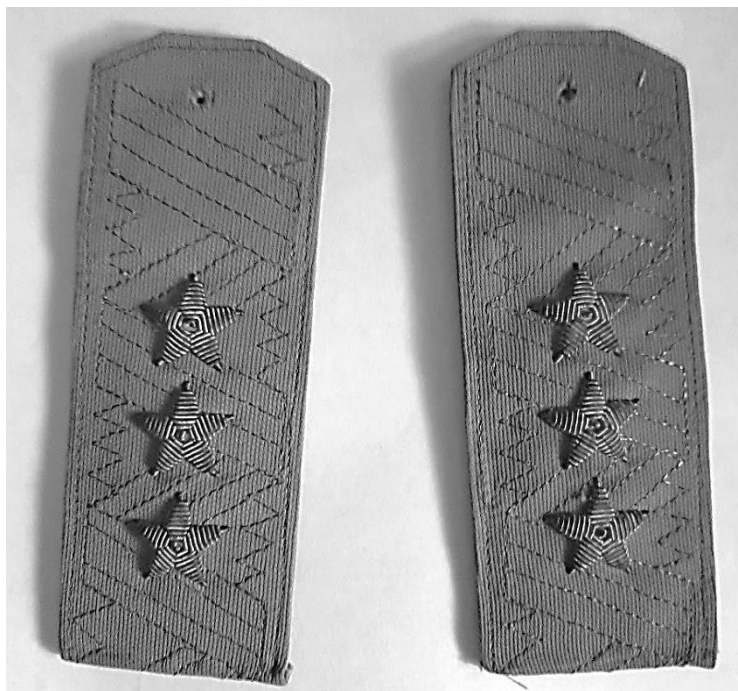
Врагам ты многим заказал молебен.
Замес характера твой – русский, боевой...
И севастопольский герой Тотлебен
Гордился бы, знакомившись с тобой
Александр Злыгостев

О нём мне ещё в далёком детстве рассказывал дед Пётр – товарищ по оружию Героя Советского Союза генерал-полковника инженерных войск Аркадия Фёдоровича Хренова. «Запомни, – говорил он, указывая на сухощавого человека небольшого роста, с умными спокойными глазами, в которых где-то глубоко скрывалась лукавая хитринка. – Этот генерал очень много сделал для Победы. Особенно тогда, в сорок первом, когда многие в ней уже разуверились». А вскоре мне посчастливилось лично познакомиться с Аркадием Фёдоровичем, и в памяти о встрече навсегда осталась мальчишеская радость от подаренных внуку боевого друга полевых генеральских погон и ленточек от матросской бескозырки.

Биография нашего знаменитого земляка Аркадия Фёдоровича Хренова поистине уникальна. Один из первых Героев Советского Союза в Прикамье, удостоенный высокого звания за организацию прорыва самой мощной в мире оборонительной линии Маннергейма. За двадцать лет своей военной службы он из необстрелянного красноармейца в потрёпанной, не по росту шинели превратился в видного военачальника страны Советов, поднявшегося на высшую ступень в иерархии инженерных войск РККА.

Удивительно, но факт – Аркадий Хренов был инженером-самоучкой, который не получил не то что высшего, но и полноценного среднего специального образования! Перед тем, как пойти добровольцем в Красную Армию, он закончил всего лишь двухклассное училище и ремесленную школу с дипломом подмастерья. Всю жизнь он учился самостоятельно – в боях, в редкие

минуты отдыха, часто – за счёт сна и обеда, а порой «платил» за науку кровью, не раз бывая на волосок от смерти. Во время Гражданской войны Хренов собирал в брошенных домах сбежавших «буржуев» техническую литературу, касающуюся как военно-инженерного дела, так и технических наук вообще. И возил эту библиотеку с собой, во время схваток с белогвардейцами оберегая её пуще собственной жизни. И ничуть не удивительно, что очень скоро Хренов стал, пожалуй, самым крупным в СССР специалистом по постройке мостов, опубликовав ряд весьма серьёзных работ по мостостроению.

Полевые погоны А. Ф. Хренова, подаренные им автору этой книги

Когда командование предложило ему поступить в Военно-инженерную академию, причем в виду его исключительных знаний – с зачислением туда без экзаменов, он категорически отказался, справедливо считая, что любую техническую и специальную дисциплину он знает не хуже выпускника академии. И это не из хвастовства! Аркадий Фёдорович справедливо считал, что для пользы дела будет гораздо выгоднее, если академический курс пройдёт менее подготовленный инженер-командир. Однако такая строптивость в армии не поощрялась, эта черта характера не раз ещё выйдет Хренову боком, мешая продвижению по службе и лишая генерала заслуженных наград.

Родился Аркадий Фёдорович в Очёре в семье заводского мастера-столяра-краснодеревщика Фёдора Васильевича Хренова в 1900 году. Ровесник века – так он себя сам называл и под

таким же названием задумывал свою вторую книгу, рассказывающую о бурных событиях XX столетия. Красноармеец прославленной Блюхеровской дивизии в Гражданскую, главный разрушитель неприступной «линии Маннергейма» в белофинскую, начальник инженерных войск ряда фронтов в Великую Отечественную. Ему, поверьте, было, что поведать потомкам.

Военная судьба носила его по миру гораздо более дальними маршрутами, чем киношного товарища Сухова – от берегов Амура до снегов Карелии. Жизнь сводила Хренова с самыми известными людьми: Блюхером и Дыбенко, Тухачевским и Фабрициусом, Жуковым и Толбухиным, Мехлисом и Шапошниковым, Ворошиловым и Тимошенко. Семён Михайлович Буденный с присущей маршалу грубоватой лаской вне строя звал его Хренныч. Его ценили «главный диверсант СССР» полковник Илья Старинов и писатель-разведчик Герой Советского Союза Владимир Карпов. Комкор Николай Петин и генерал Дмитрий Карбышев – признанные гении фортификации – считали Хренова своим преемником. Аркадий Фёдорович дружил с маршалом Кириллом Афанасьевичем Мерецковым и генералом армии Иваном Ефимовичем Петровым. Поэт Константин Симонов использовал некоторые черты характера нашего земляка для создания образа одного из героев трилогии «Живые и мёртвые».

О встречах с Хреновым на фронте помнил Леонид Ильич Брежнев, несмотря на то, что, как утверждают злые языки, под конец жизни о многом начал забывать. Ну и, наконец, Аркадия Фёдоровича уважал сам Сталин. Порой непредсказуемый в своём гневе, вождь прощал Хренову вольнодумские выходки, ценя в нём как профессионала своего дела, так и бесстрашного, преданного Отчизне коммуниста, на которого можно положиться в трудную минуту. Иосиф Виссарионович разбирался в людях...

Изучая биографию генерала Хренова, иногда поражаешься: а возможно ли, что всё это было? Неужели он столько пережил? Да и на удивительные встречи с самыми передовыми людьми своего времени Аркадию Фёдоровичу как-то исключительно и неправдоподобно везло...

Но ничего удивительного нет. Вспомните отличные стихи поэта-фронтовика Евгения Долматовского:

Читатель подумает: нет ли обмана?
Поверить ли этому доброму чуду?
Как будто нарочно, как пишут в романах,
Встречаются эти ребята повсюду.
Я тоже смущён совпадением немного.
Но в нём ни фантазии нету, ни вздора.
Ходите не с краю, а главной дорогой –
И встретите всех, кто вам близок и дорог!

Аркадий Фёдорович никогда не сворачивал с главной дороги, как в прямом, так и в переносном смысле. Более того – все главные дороги, по которым шествовала история нашей Родины, соединены мостами, построенными Аркадием Фёдоровичем Хреновым.

А начиналось всё на заре XX века в Очёре, маленьком заводском посёлке, окруженном зеленью густых лесов и водной гладью живописного пруда.

МОСТ ПЕРВЫЙ. ОЧЁРСКИЙ

– Семья у Хреновых была большая – четыре сына и четыре дочери, – рассказывает старший научный сотрудник Очёрского краеведческого музея Николай Бесстрашников. – Отец, Фёдор Васильевич, больше 60 лет проработал на Очёрском заводе. Мать, Мария Николаевна, была домохозяйкой, но и ей, женщине трудолюбивой и талантливой, чтобы прокормить семью, приходилось заниматься надомной работой. Семья была дружной, работающей, славилась музыкальными талантами.

«Зимними вечерами мать, бывало, возьмёт в руки гитару и, казалось бы, ни с того ни с сего запоеет. Глядь – вокруг неё собирается вся семья, и один, другой начинают подпевать. Стройный семейный хор звучал так, что редкие прохожие на улице останавливались послушать: «Душевно поют Хреновы!» А бывало и так,

что отец достанет флейту, кивнёт нам: «А ну-ка, сыновья!» Младший – Лёня, сам от стола два вершка – тянется за гармонью-двухрядкой, Сережа, наш лучший музыкант, берёт гитару или мандолину, я – балалайку, и начинается репетиция. Разучивали мелодии на слух, нот никто не знал. А в воскресенье устраивали домашние концерты. В такие минуты забывались все житейские трудности, на душе становилось хорошо и покойно, крепло чувство семейной слитности и взаимной приязни», – вспоминал Аркадий Фёдорович¹.

Отец А. Ф. Хренова
Фёдор Васильевич

Природные музыкальные способности едва не сыграли с Хреновым злую шутку во время Гражданской войны. Как и все комсомольцы, Аркадий отчаянно рвался в бой. Однако кто-то из земляков-очерцев проговорился, что Хренов из музыкальной семьи, и работники политотдела 30-й стрелковой дивизии быстро взяли талантливое парня в оборот, доверив ему создание струнного оркестра. Хренов понимал, что и это дело очень нужное для Красной Армии, но всё равно им тяготился. «Руки тосковали по работе с деревом и металлом, а ум – по техническим задачам», – говорил Аркадий Фёдорович.

В Красной Армии служили все три его брата. Двое из них отдали свои жизни за народное счастье. Старший – Сергей – сложил голову в бою под Псковом, а самый младший – Леонид – в борьбе с антоновскими бандами на Тамбовщине. Совсем ещё

---

¹ Хренов, А. Ф. Мосты к Победе / А. Ф. Хренов; литературная запись М. Б. Новикова. – Москва : Воениздат, 1982. – С. 5.

юный, гайдаровского возраста парнишка, не бросил пулемёт, сдерживая атаки разъяренных мятежников, и погиб как герой.

– Восьми лет от роду Аркадий пошёл в Очёрское двухклассное училище, потом занимался в школе ремесленных учеников, – продолжает рассказ Николай Бесстрашников. – В 1916 году Хренов окончил ремесленную школу с дипломом подмастерья и стал работать помощником мастера в столярном цехе Верхнетуринского завода.

Но уже летом 1917 года Аркадий вернулся в Очёр, где принял деятельное участие в создании Союза рабочей молодёжи и был избран его секретарём¹. Учился и преподавал в Очёрском среднем техническом училище. После Октябрьской революции занимался культурно-просветительской работой в Очёре, Верецагино, Павловске, по деревням Оханского уезда. Летом 1918 года приступил к занятиям на курсах командиров взводов во Всеобуче.

Шла гражданская война. В сентябре в Очёре расквартировался Верхнеуральский полк 4-й Уральской дивизии (с ноября 1918 года – 30-я дивизия. – прим. авт.). Хренов немедленно записался добровольцем в Красную Армию. Запись проходила без особых формальностей: приказали к восьми часам быть в школе, взять кружку, ложку, смену белья, продуктов на сутки. На следующее утро очёрцы пешком двинулись в Дебёсы, где располагался штаб дивизии. Новобранцев принял сам начдив Блюхер.

Вот как эта знаменательная встреча отразилась в памяти Аркадия Фёдоровича:

«Погода была хорошей, и к обеду мы уже входили в помещение дебёсской школы. Очутившись в пустой классной комнате, мы улеглись прямо на полу, с удовольствием вытянув изрядно натруженные ноги. Над головами пополз едкий махорочный дым, слышались первые, не очень бодрые шутки. Не сразу мы заметили, что дверь в комнату отворилась, и на пороге появился по-

---

¹ Здесь он тесно работал с отцом другого героя нашей книги – Игоря Шардакова – Александром Ильичом Шардаковым.

добранный, коренастый человек с коротко подстриженными усами. По тому, что была на нём чёрная кожаная фуражка с красной звездой и такая же куртка, подпоясанная ремнём с саблей, ребята догадались, что перед нами кто-то из старшего начальства. Разговоры затихли, сигарки были спрятаны в рукава. А командир, довольно молодой с виду, минуту внимательно разглядывал нас, потом негромко произнес:

– Здравствуйте, товарищи красноармейцы!

– Здравств... – нестройным хором отозвались мы.

– Я начальник дивизии, Блюхер Василий Константинович, – продолжал он. – Пришел познакомиться с вами. Сидите, сидите, отдыхайте, – сделал он движение рукой, заметив, что мы начали подниматься.

Мы с интересом разглядывали начдива. Имя его было нам известно. Он только что завершил героический рейд по Уралу, выводя из окруженного Оренбурга партизанские войска – те самые, что и составили нынешнюю дивизию. Молва о боевых делах начдива Блюхера разнеслась по всем уральским городам и поселкам.

Сначала Василий Константинович рассказал о себе. Мы услышали, что он не кадровый военный специалист, а простой рабочий, что окончил всего два класса школы, а дальше учился самостоятельно. Много читал. Продолжает учиться и сейчас.

«Учитесь и вы, – призвал нас начдив, – Тогда сможете принести больше пользы Красной Армии, стать командирами, которые ей очень нужны».

А в заключение сообщил, что нас, несовершеннолетних, как бы мы ни просились на передовую, в бои посылать не будут: нас решено беречь и готовить для будущих революционных битв, которые окончатся ещё не скоро»¹.

Но повоевать Аркадию и его землякам всё же пришлось. Перед тем, как попасть в оркестр, Хренов успел послужить телефонистом. Да и будучи музыкантом, ему не раз приходилось откла-

---

¹ Хренов, А. Ф. Мосты к Победе / А. Ф. Хренов; литературная запись М. Б. Новикова. – Москва : Воениздат, 1982. – С. 8.

дывать в сторону балалайку и брать в руки винтовку. А после кровопролитных боёв с колчаковцами снова браться за инструмент, чтобы играть «Интернационал» или «Мы жертвою пали в борьбе роковой» на «красных панихидах» -торжественных похоронах красных бойцов...

Летом 1919 года Хренов добился перевода в военнотехническую партию, которая проводила инженерное обеспечение частей 3-й армии Восточного фронта. Аркадий Фёдорович был назначен помощником командира сапёрной роты. С военнодорожным батальоном 3-й армии Хренов исколесил всё Прикамье: восстанавливал всё, что было сожжено и взорвано отступавшими колчаковцами; отстраивал Камский мост, железную дорогу Тюмень-Ишим, угольные шахты Кизеловского бассейна, налаживал систему водоснабжения в рабочих посёлках, строил лесопильные заводы, закладывал фундамент Широковской ГЭС, первой на Урале, возводимой по ленинскому плану ГОЭЛРО. В июне 1920 года батальон перебросили на Западный фронт против Польши. Здесь до самого конца войны Хренов строил дороги для переброски войск и наводил мосты через Западную Двину.

С тех пор вся его жизнь была накрепко связана с инженерными войсками.

МОСТ ВТОРОЙ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ

Военная служба никогда не была ему в тягость. Рабочая закалка, привычка к строгой дисциплине – всё это поспособствовало окончательному выбору профессии защитника Родины. К тому же быть красным командиром было престижно и почётно.

Хренов преподавал в батальонной школе и учился сам. Руководил военно-научным кружком, участвовал в написании полевых уставов, учебников и наставлений по инженерному делу, публиковал статьи в «Красной Звезде», «Красноармейской правде» и военных журналах. Не стеснялся перенимать опыт у бывших офицеров царской армии. Тонны керосина в лампах сжёл он, штудирюя специальную литературу. Но и на художественную то-

же находил время, понимая, что красный командир не должен быть похож на грибоедовского Скалозуба с узким кругозором кавалерийского поручика.

Конечно, обширный круг интересов и глубокие познания, приобретённые Хреновым, не остались незамеченными со стороны командования. С должности командира отдельного понтонного батальона¹ приказом наркома обороны Ворошилова Аркадий Фёдорович был переведён преподавателем старейшего военного учебного заведения страны – Ленинградской военно-инженерной школы².

Хренов успешно совмещал преподавательскую работу с научной деятельностью, чему способствовало общение с корифеями военной инженерии Дмитриевым, Невским, Шубниковым, Лебедевым, Ховратовичем, Карбышевым.

– Аркадий Фёдорович многому учился у старых, ещё дореволюционных военных специалистов, – отмечает историк Владимир Калинин. – Особое место в своих воспоминаниях он уделяет Николаю Николаевичу Петину, руководившему инженерными войсками Красной Армии в 1930–37 годах, человеку необычайно высокой военной культуры, бывшему в годы гражданской войны начальником штаба на четырёх фронтах, которому РККА во многом была обязана победой в войне.

Николай Николаевич Петин

---

¹ 5-й отдельный понтонный батальон воспитал 11 генералов и 4 Героя Советского Союза.

² Николаевское инженерное училище основано в 1804 году, в 1819 году переведено в бывший императорский дворец – Михайловский (Инженерный) замок. В одном из помещений замка был убит император Павел Первый. С 1918 года в замке располагалось Ленинградское военно-инженерное училище.

«Я чувствовал себя с ним, скорее, не как с начальником, а как с Учителем – именно Учителем с большой буквы», – писал Хренов. Петин, как вспоминал Хренов, активно проводил в жизнь идеи инженерного соизмерения операций, то есть совместного планирования любых боевых операций инженерами и общевойсковыми с учётом инженерно-технических возможностей войск. На пути этих идей стояли ложные амбиции как общевойсковых командиров, так иногда и собственно инженеров, с чем отчаянно и зачастую безуспешно боролся Петин.

С косностью военачальников, живших прошлыми заслугами, пришлось бороться и Хренову, когда его учитель по ложному доносу был обвинён в измене Родине и расстрелян. Но даже в условиях общего страха и подавленности, насаждаемых «ежовщиной», Аркадий Фёдорович никогда не кривил душой, отстаивая свою точку зрения, чем бы это ему ни грозило...

Дальнейшая карьера Аркадия Фёдоровича протекала в инженерных войсках Ленинградского военного округа. Он был начальником отдела укрепрайонов штаба округа, а потом стал и начальником инженерных войск ЛВО.

Хренов опытным взглядом оценил недостатки Псковского и Нарвского укрепрайонов, которые, по его мнению, были ещё как-то терпимы, когда СССР граничил с относительно слабыми в военном отношении государствами, и которые вызвали очень большую тревогу, когда вероятным противником СССР стала набирающая силу фашистская Германия. (Горькую правоту Хренова подтвердит катастрофическое для нашей армии начало войны). Он смело взялся за их устранение, но много сделать ему попросту не дали: увы, из советской военной доктрины того времени практически исчезло само понятие «оборона». Но кое-что Аркадию Фёдоровичу всё-таки удалось. Во многом благодаря содействию Кирилла Афанасьевича Мерецкова, военачальника новой формации – думающего, принципиального, смелого в принятии решений. Именно такие полководцы привели страну к победе над фашистской Германией в 1945-м.

***

Ленинградский военный округ. Псковский укрепрайон. Командующий Кирилл Мерецков, которого Сталин в узком кругу военных величал не иначе как «ярославским хитроvanом», проверяет, как движется строительство новых ДОТов. Сопровождающие его командиры довольны увиденным: полоса укреплений растянулась на несколько километров, плотно взяв под контроль все ключевые направления. Начштаба округа расхваливает инженера, руководившего постройкой оборонительной линии: «На совесть сработано – никакой враг тут не пройдет!»

Но Мерецков морщится, инстинктивно чувствуя, что что-то тут не так. Он поминутно оглядывается на своего заместителя – начинжа Хренова, но тот нем как рыба, только плечами пожимает. Визируя карточку на очередное укрепление, Мерецков заметил, что на ней опять нет подписи начальника инженерного управления. «Что он углядел неладное? Вроде всё в порядке», – забеспокоился командующий.

Первым вышел из терпения начальник штаба округа:

– Кирилл Афанасьевич, Хренов опять не подписал акт! Что он себе позволяет? Это форменное свинство – после того как сам командующий визу наложил! Неслыханно...

– И вам, товарищ командующий, не советовал бы подписи ставить, куда попало, – по-прежнему глядя куда-то в сторону, спокойно промолвил Хренов.

– А я разрешения на подпись у своих подчинённых брать не обязан, – строго посмотрел на Аркадия Фёдоровича Мерецков.

– Так-то оно так, но мнение специалиста выслушать должны, – Хренов, вскинув брови, впервые твёрдо посмотрел в глаза командующего. – Или, может, я вам вообще тут не нужен? Гляжу – вы сами с усами, разберетесь. И товарищу Сталину очки вотрёте!

Нарком обороны С.К. Тимошенко и начальник Главного инженерного управления РККА А.Ф. Хренов осматривают огневую точку.
Тактические учения в Западном Особом военном округе

– Товарищ Хренов, прекратите паясничать, мы тут не в бильярд играем, – начал было распалиться Мерецков, но быстро взял себя в руки и уже мягче спросил: – Ну чем ты недоволен опять, Аркадий Фёдорович? Ты посмотри, какая мощуга! Бронеколпаки, бетон – высший сорт! Да его из корабельных стволов не прошибёшь...

– А прошибать и не надо – просто обходи рядом и шуруй дальше хоть до самого Пскова!

– Что ты мелешь? Почему это? – снова начал раздражаться Мерецков.

– ДОТ крепок – это, положим, верно. Но бесполезен: посадка не выверена – всё на глазок, на авось, на отвяжись... Это вообще не ДОТ, а барсучья нора. Зачем так зарываться было? Да гляньте

в центральную амбразуру – не видно ж ничего, кроме облаков на небе! Из него что, по самолётам стрелять будут или по уткам?

– По проектным расчётам ошибок быть не может, всё несколько раз проверено, – вклинился в разговор руководитель строительства.

– Гладко на бумаге, да забыли про овраги! – Хренов показал рукой на правый фланг. – А второй ДОТ справа слишком высоко поднят, хотя он и без того на взгорке стоит.

– Так оно, наверное, и хорошо? С высоты дальше видно, километра на полтора обзор увеличивается, – возразил Хренову начштаба, когда инспекция вернулась к ДОТу.

– Зато под самым носом ничего не видно – смотрите, какое огромное мёртвое пространство! – начинж попытался показать его размер рукой, но, увидев, что его не поняли, неожиданно приказал одному из сопровождающих красноармейцев:

А. Ф. Хренов на учениях

– Товарищ боец, принесите «Дегтярёва»! – и, с улыбкой обернувшись к командующему, спросил:

– Не забыли ещё, как с этой машинкой управляться, а, Кирилл Афанасьевич?

– Да я ещё тебя научу, Хренов! – Мерецков уже догадался о хитрости своего начинжа и, засучив рукава, встал за пулемет.

А Хренов, взяв с собой двух сапёров с гранатами, резво отбежал метров на пятьсот вперед от ДОТа. Взмах руки – и трое смельчаков кинулись в атаку...

Юркая фигурка начинжа никак не попадала в прорезь прицела пулемета, а затем и вовсе пропала. Мерецкову пришлось нагибать дуло вниз до самого упора, но Хренов был уже недосягаем для условного огня. Мёртвое пространство было никак не меньше восьмидесяти метров. «Куда же он спрятался?» – только и успел удивиться Мерецков, как в амбразуру вкатились две учебные гранаты и шмякнулись о бетонный пол.

– Бум! – раздался веселый голос начинжа из-под самой амбразуры.

Мерецков вышел из ДОТа, покачал головой и с удовольствием поглядел на смущённо улыбающихся бойцов и своего заместителя, который невозмутимо выковыривал охвостья репья из фуражки:

– Шах и мат, товарищи командиры! Хренов всех нас убил! – а про себя подумал: «Сработаемся!»

После того как Хренов детально и толково объяснил

Кирилл Афанасьевич Мерецков,
Маршал Советского Союза

ошибки, допущенные при строительстве, и, главное, показал, как их быстро и без ущерба для дела устранить, Мерецков сказал присутствующим, что все подписи, которые он поставил до консультации с начальником инженерных войск, следует считать несуществующими и отдал приказ на переделку.

– Отныне и впредь Хренов в соответствующих вопросах – моя правая рука, и его мнение является решающим! – заявил командующий, и эта успешная практика утвердилась на многие годы. Как и крепкая фронтовая дружба Маршала Советского Союза Кирилла Афанасьевича Мерецкова и генерал-полковника инженерных войск Аркадия Фёдоровича Хренова

МОСТ ТРЕТИЙ. ФИНСКИЙ

Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять.

И.В. Сталин

В конце 30-х годов прошлого столетия белофинская военщина была просто одержима антисоветскими настроениями и мечтала предоставить финскую территорию в качестве плацдарма для нападения на СССР. В беседе с посланником Финляндии в СССР Юрьё-Коскиненем глава наркоминдела Литвинов отметил: «Ни в одной соседней стране не ведётся такая открытая пропаганда за нападение на СССР, как в Финляндии». Причём правящая верхушка нашего северного соседа на тот момент ещё не знала, кому из агрессоров отдать предпочтение (не исключалась не только германская, но и агрессия со стороны англичан и американцев), и на всякий случай заигрывала со всеми сразу. Вовсю шло строительство оборонительной линии Маннергейма – самой, пожалуй, сильной в инженерном отношении полосы за всю историю войн.

А от финской границы до Ленинграда было всего-то 32 километра – один марш-бросок! Финляндии было сделано несколь-

ко разумных предложений по изменению пограничной линии. В них не было ничего такого, что могло бы унижить финнов, скорее – наоборот. СССР предлагал в три раза большие территории, чем получал взамен. Даже немцы нашли эти предложения более чем приемлемыми и посоветовали финскому правительству, не мешкая, с ними согласиться. Сталин резонно убеждал белофиннов, что передвинуть Ленинград невозможно, а границу – очень даже вполне, но те упорно стояли на своем. Переговоры зашли в тупик, после чего Молотов развёл руками: «Что ж, мы, гражданские, бессильны что-либо изменить, теперь слово за солдатами...»

Комбриг Хренов в это время проводил рекогносцировку северных приграничных районов и решал, что ещё можно сделать для укрепления наших рубежей. Вторая Мировая война уже началась – Германия напала на Польшу. Было тревожно – финны, подстрекаемые западными провокаторами, вели себя нагло и вызывающе. Однажды Аркадий Фёдорович забрался на пограничную наблюдательную вышку. Вдруг с сопредельной территории прозвучал выстрел – пуля финского снайпера прозвенела в считанных миллиметрах от виска Хренова...

Провокации не прекращались, поэтому в Кремле не видели иного выхода, кроме как нанести упреждающий удар, и 30 ноября 1939 года войска Красной армии перешли границу Финляндии. Несмотря на титанические усилия, наступление советских войск захлёбывалось. Линия Маннергейма, которую финны строили двадцать лет, оказалась действительно неприступной. Если посмотреть на её карту-схему, то она и правда впечатляет своей масштабностью. Многочисленные доты с бронеколпаками, траншеи, узлы обороны, линии противотанковых препятствий, гранитные надолбы, проволочные заграждения, в том числе, под электротоком, минные поля, рвы и снова доты, доты, доты... Становится понятно, что белофинны по своему стратегическому плану вполне оправданно предполагали отсидеться за линией Маннергейма, дожидаться помощи от Запада, после чего провести контрнаступление.

В лоб такую оборону было не прорвать – это было ясно Хренову с самого начала. Не питал на этот счёт иллюзий и командующий 7-й армией Мерецков. Хренов был поражён, как много просчётов было сделано в планировании кампании. Наступление велось по малопроезжим местностям: лесам, незамерзающим болотам, быстрым рекам, скованным тонким льдом. Сапёрам приходилось идти в голове наступающих частей, чтобы вести разведку и под огнём противника прокладывать дороги. А зима 1940 года выдалась снежной и суровой. Морозы достигали 40 градусов.

Зная, какую берёт на себя ответственность, Хренов предложил Мерецкову взять длительную паузу в наступлении. Он настаивал на проведении комплексной разведки – на земле и с воздуха, снабжении сапёров спецснаряжением, усилении передовых отрядов – как численно, так и материально.

– Аркадий Фёдорович построил полигон, представляющий собой точную копию линии Маннергейма, – рассказал заместитель председателя Совета ветеранов инженерных войск генерал-майор Виталий Лысов. – И посоветовал командующему пропустить через него все полки и дивизии.

В течение месяца Хренов лично тренировал войска, создавал специальные штурмовые отряды, методично, до автоматизма отработывая с сапёрами каждое действие.

Именно на советско-финской войне по предложению Хренова были впервые применены телетанки – самоходные радиоуправляемые машины, начинённые взрывчаткой разрушительной силы¹.

Чтобы с минимальными потерями добраться до финских укреплений, Аркадий Фёдорович придумал оригинальный способ: к обычному танку прицепляли броневой лист, загнутый на подобие крестьянской кошёвки. На борта подобных «саней» наваривались пуленепробиваемые пластины, за которыми пряталась штурмовая группа и сапёрное снаряжение. Такие вот «хреновские бронесани» спасли тысячи красноармейских жизней, а

---

¹ Речь о телетанках пойдёт ниже.

Хреновские бронесани

финны уж точно не были готовы бороться против русской смекалки.

Огромную опасность для советских войск представляли собой минные поля, оборудованные вдоль линии Маннергейма. Наша военная промышленность уже начала производство миноискателей, однако в войска они поступали в мизерном количестве.

Хренов, заручившись поддержкой Мерецкова, в категоричной форме потребовал у директора завода в кратчайшие сроки выпустить десять тысяч миноискателей и доставить на фронт. Когда задание было выполнено, Аркадий Фёдорович лично обучал бойцов, как пользоваться новинкой. И хотя условия были невыносимыми – ветер, 30-градусный мороз, сапёры быстро научились находить и обезвреживать любые минные заграждения финнов.

Аркадий Фёдорович Хренов в Кремле после вручения ему Звезды Героя. Москва, 1940 год

После учений, инициатором которых был Хренов, дела на фронте сразу пошли в гору. Всего через месяц пресловутая линия Маннергейма перестала существовать. И, конечно, таких потерь, как в начальный период кампании, наши войска уже не несли.

А 21 марта 1940 года Аркадию Фёдоровичу Хренову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Интересно, что вскоре на экраны страны вышел документальный фильм под названием «Линия Маннергейма», созданный ленинградскими кинематографистами. Аркадий Фёдорович Хренов был одним из военных консультантов ленты и даже несколько раз

появился в кадре. Так что впервые его имя появилось в титрах задолго до появления телесериала «Орден».

***

На совещании по подведению итогов советско-финской войны в Кремле слово Хренову предоставили первому, и это не было случайностью. Сталин понял, насколько важны в современной войне инженерные войска, причём, не только в обороне, но и в наступлении и осознал, что им нужно уделить внимание не меньше, чем танкам, авиации и артиллерии¹.

Хренову поручили разработать структуру вновь создаваемого Главного военно-инженерного управления РККА с учётом полученного военного опыта и по решению Сталина назначили начальником этого управления, присвоив звание генерала. Более

---

¹ Материалы доклада А.Ф.Хренова в приложении.

того, когда Хренов не решился настаивать на формировании специального отдела заграждений в составе управления, Сталин, который безусловно был в курсе всех дискуссий, сам предложил создать такой отдел. Таким образом, отличившийся в ходе войны Хренов был выдвинут на первые роли в высшем военном руководстве, что было весьма разумным кадровым решением.

Хренов решительно взялся за переустройство инженерных войск РККА, однако встретил массу непреодолимых препятствий. В первую очередь, из-за непонимания обстановки некоторыми военачальниками¹. Да и сам Сталин, на словах благоволивший Хренову, на деле часто осаждал его здравые инициативы.

– Когда обсуждался вопрос о способах инженерного оборудования новых границ СССР, существенно отодвинутых в 1940 году к западу, Хренов предложил строить сначала полевые укрепления, и в дальнейшем постепенно усиливать позиции долговременными сооружениями, поскольку их возведение требовало достаточно долгого времени, а полевые укрепления можно было бы построить быстро, – рассказывает историк Владимир Калинин. – Но Сталин отверг этот разумный план. Имелись и иные разногласия между Хреновым и вождём.

Споры с вождём перед войной были крайне небезопасным занятием и Хренов вскоре это почувствовал на себе. Нет, его не арестовали, как, к примеру, его бывшего начальника Мерецкова. Сталин понимал, что инженеров с таким опытом, как у Хренова, в Красной Армии раз-два и обчёлся. Поэтому его даже не стали убирать из Москвы, а просто перевели на малозначительную должность начальника инженерных войск Московского военного округа. А чтобы показать Хренову свое расположение, Сталин специально позвонил командующему МВО Будённому с тем, чтобы не обижали Аркадия Фёдоровича, о чем, естественно, командующий ему и рассказал.

---

¹ Об этом подробно здесь: Старинов, И. Г. Супердиверсант Сталина. Мины ждут своего часа / И. Г. Старинов. – Москва : Яуза : Эксмо, 2004. – 380 с. – (Герои тайной войны).

– Хреных, тут звонок от Главного был, – сказал Семён Михайлович. – Велел, чтобы тебя не обижали. Да мы и не собирались...

Несомненно, если бы генералу Хренову дали бы возможность реализовать все планы по укреплению оборонительных рубежей, по инженерному обеспечению войск, катастрофы 1941 года могло и не случиться. Во всяком случае, не в таком масштабе...

МОСТ ЧЕТВЁРТЫЙ. ОДЕССКИЙ

Родная земля, где мой друг молодой
Лежал, обжигаемый боем.
Недаром венок ему свит золотой,
И назван мой город Героем.

Семен Кирсанов

Война застала Аркадия Федоровича в отпуске. Но уже 24 июня Хренов прибыл к командующему Южным фронтом Ивану Тюленеву, который приказал ему хоть как-то укрепить подступы к Одессе, к которой рвались две румынские армии. Если с моря город был защищён береговыми батареями, то с сухопутья никаких полос обороны не было вообще.

Всё приходилось делать с нуля. Ни сил, ни средств для строительства обороны, казалось, не было никаких. Однако Хренов сумел организовать десятки тысяч мирных жителей: рабочих, служащих, партийный и комсомольский актив. По большей части – женщин. Время-то военное...

Аркадий Фёдорович до конца жизни с большой теплотой отзывался об одесситах:

– Кто-то до сих пор заявляет, что Одесса – город курортный, легкомысленный, что там полно нетрудового элемента. Ерунда! Я видел этот «нетрудовой элемент» – на строительстве баррикад, на рытье окопов и противотанковых рвов. Круглые сутки под обстрелом и лютыми бомбёжками, часто – без пищи и воды. Да раз-

ве «лёгкий» город получил бы одним из первых звание Города-героя?

Три полосы обороны построили горожане под руководством генерала Хренова, превратив Одессу в неприступную крепость. Все гражданские предприятия, даже маленькие артели, в кратчайшие сроки были перепрофилированы на военный лад. В ход шли все подручные средства. Так, например, корпуса противопехотных мин делались из консервных банок, противотанковых – из круглых коробок из-под киноплёнки. По советам Хренова рабочие быстро научились делать даже миномёты, используя для изготовления стволов... обычные водопроводные и нефтяные трубы.

О массовом героизме защитников города написано много хороших книг и сняты достойные кинофильмы. На 73 дня Одесса сковала вокруг себя более чем 300-тысячную группировку противника, тем самым развеяв миф о непобедимости агрессора и сорвав его планы на блицкриг. Одесса, по мнению участников ее обороны, могла продержаться и ещё дольше.

– Все ключевые точки обороны были в руках советских войск. Был предпринят ряд контратакующих действий, позволивших отогнать врага от ближних подступов. Противник был деморализован неудачами при штурме Одессы, – вспоминал командир разведбатальона 157-й стрелковой дивизии, очёрец Пётр Иванович Пискарёв.

Однако из стратегических соображений Одессу было решено оставить. Организацию отхода командование поручило генералу Хренову. Эвакуация войск Одесского оборонительного района, как это ни странно – классический пример высшего военного искусства. Впервые в истории войн огромная армия, вооружённая сложной боевой техникой, в одну ночь, одним эшелонном скрытно от врага отошла с линии фронта в порт, затем в течение нескольких часов погрузилась на корабли и без потерь была переброшена на другое стратегическое направление. Это ещё более выгодно смотрелось на фоне, порой, панического отступления 1941 года, когда бросали всё – и оружие, и технику, и людей. На Аркадия

Фёдоровича тогда была возложена наиболее ответственная задача: всё, что не может быть эвакуировано – уничтожить, провести минирование, маскировку, дезинформацию.

Особое внимание генерал уделил, казалось бы, совсем не военному объекту – дому госбезопасности УНКВД по Маразлиевской улице. Дело в том, что нашей разведке удалось добыть план размещения в Одессе оккупационных войск. В «доме чекистов» агрессоры предполагали разместить штаб командования сухопутными частями, кровавую румынскую тайную полицию – сигуранцу – и её не менее кровавую «сестру» – немецкое гестапо.

По предложению Аркадия Хренова, было решено приготовить завоевателям небольшой сюрприз в виде хорошей мины, заряда которой должно было с избытком хватить на царствие небесное и обнаглевшим воякам, и палачам.

Чтобы ни у кого не вызвать подозрений, осмотр дома Хренов с сапёрами производили под предлогом размещения в нём на зимние квартиры тыловиков из управления военно-полевого строительства. «Квартиросъёмщики» работали в строгой тайне под бдительным оком чекистов. Повсюду в подвалах висели гроздь паутины, её не трогали, не убирали – это тоже было элементом маскировки. Сапёры знали, что по данным разведки над этими отсеками подвала разместятся кабинет будущего коменданта Одессы, приёмная и зал заседаний. Потребовалось шесть суток, чтобы справиться с заданием по минированию: было уложено около трёх тонн тротила. Запальную шашку с детонатором тщательно залили стеарином, чтобы сохранить капсулю от сырости, а детонатор прикрепили к клемме радиоприёмника. Для пущей надёжности в подпол были заложены две стокилограммовые

Герой обороны Одессы
Пётр Иванович Пискарёв,
боевой друг А. Ф. Хренова

авиабомбы и две дополнительные мины, установленные на неизвлекаемость. На тот случай, если бы вражеские сапёры попытались вскрыть каменные плиты и обезвредить основную радиомину.

***

– Комендант, а где у вас тут вход в подвал? – спросил невысокого роста генерал в пропылённой гимнастёрке, и совсем не по-военному взяв того под руку, доверительно зашептал на ухо. – Понимаете, в управлении военного строительства скопилось столько бумаг – надо же где-то хранить эту макулатуру? Возим-возим за собой: тяжело, неудобно, а выбросить жалко да и не дадут. Документация!

«Что он мне тут голову морочит? Какое строительство? Какая макулатура? Румыны и немцы уже под самыми стенами, – озадаченно думал комендант. – Сжечь – и вся недолга! Тут взрывать всё надо, грузиться на корабли и валить в Крым, пока не поздно».

Комендант даже не догадывался, насколько близко в своих размышлениях он подобрался к истине.

– Вот и подвал, – указал он на обитую железом дверь. – Осторожно, товарищ генерал, не испачкайтесь – там такая пылица! Со времён Мишки Япончика не убирали. Проходите. А меня увольте – астма...

***

Генералу Хренову, конечно, не было никакого дела до макулатуры. Он одним из первых узнал, что в скором времени Одессу придется оставить. Хренов сделал всё возможное и ещё больше невозможного для обороны города. Старый сапёр был уверен, что Одесса могла сопротивляться, сколько потребуется, хоть до самой Победы. Укрепления надёжны – о них уже крепко обломали зубы и румыны, и не привыкшие к такому обращению немцы.

Но надёжней любых крепостей – сила духа защитников города. Хренов сам всё время был на передовой, поэтому видел, с каким презрением к смерти, зажав в зубах ленточки бескозырок, шли в штыковую атаку моряки. Как один на один, только лишь с бутылками с горючей смесью в руках, бесстрашно встречали наступающие танки бойцы из 25-й Чапаевской дивизии и жгли их за милую душу. Даже мирные жители почти поголовно без всяких повесток сами себя мобилизовали на войну – от мала до велика. Взяли в руки винтовки рабочие в промасленных спецовках, дюжие портовые грузчики, даже знаменитая одесская шпана в сапогах гармошкой, из голенищ которых торчали финки и зековские заточки. Щерясь фиксатыми улыбками, такие вот блатари, что ещё вчера чистили карманы у зевак, теперь по-свойски хлопали Хренова по плечу:

– Та не дрейфь, гражданин начальник! Насыплем хрицам по самые помидоры, век воли не видать, или я не Зяма-полужид!

Даже женщины, колоритнейшие одесситки, которым на Привозе палец в рот не клади и в разговоре лучше не перечь, надев на себя всё самое лучшее, шли рыть окопы, даже под бомбёжками не оставляя шуточные перебранки:

– Тю, Циля, где глаза мои? Ты шо, с мозгами поссорилась? На тебе наряд, шо в таком сейчас даже не хоронят!

– Софья Соломоновна, солнышко, я таки вас уважаю, хотя уже забыла за што. Не потейте на меня! Мой наряд не для вашей тазобедренной композиции. Так что не морочьте мне то место, где спина заканчивает свое благородное название...

***

Звук шагов гулким эхом отзывался в пустом здании на Маразлиевской улице. Хренов подождал, пока комендант дома НКВД и два вахтёра удалятся, а затем подозвал курчавого майора с огромным вещмешком за спиной:

– Ефим Маркович, приступайте, только осторожно. Комендант не так прост, всё-таки в органах служит, а не где попало. Может догадаться...

– Ничего, сыграем комедию, Аркадий Фёдорович. У меня тут все артисты – хоть сейчас на эстраду вместо Утёсова, – заверил Хренова командир сапёрного батальона Пирус.

В подвал спустились несколько бойцов во главе с разбитным сержантом-одесситом Ремизовым.

– Утёсов с нами рядом не курил, товарищ генерал! – он смело поглядел на начальство. – Мы такой аккомпанемент сбцаем, что фашист сразу запоет «Тюх-тюх, разгорелся наш утюх». Под музыку своего Вагнера...

Знал бы Ремизов, что и его слова окажутся пророческими...

***

Месяц назад бойцы 157-й дивизии взяли в плен румынского офицера с подробной картой Одессы, на которой галочками были отмечены ключевые здания города. Кроме того, в его полевой сумке был обнаружен пакет с инструктивным письмом, в котором указывалось, по каким улицам будут проходить войска после взятия Одессы, на какой площади состоится торжественный парад оккупантов и, главное, где разместятся штабы и квартиры командования. Так, одна половина дома НКВД на Маразлиевской предназначалась для штаба 4-й армии, а вторую выторговала для себя румынская тайная полиция – сигуранца.

Слово «выторговала» в нашем повествовании не случайно, и сейчас читатель поймёт почему...

За три дня до этого телеграфисты Хренова перехватили радиопередачу из Румынии, вызвавшую сначала недоумение, а потом оглушительный смех. Бухарестский диктор бодро, аж взвизгивая от восторга, вещал о том, что Одесса три дня как пала, и доблестные румынские солдаты прогуливаются по Французскому бульвару под руки с местными прелестницами. Хренов ещё сего-

дня проезжал по бульвару, и если и видел там гуляющих румын, то только под конвоем – пленных.

На передовой румын – враг, конечно, второсортный, не чета немцам. Но на закулисные выдумки оказался горазд.

Кондукэтор (сиречь, фюрер) Антонеску пообещал своим соотечественникам лёгкую прогулку, но под Одессой им так наподдали, что воевать и без того не слишком воинственным румынам совсем расхотелось. Когда число их потерь перевалило за первую сотню тысяч, на родине начался недовольный ропот: дескать, по зубам ли кость – Советский Союз? Как бы не подавиться...

Пришлось румынскому правительству брать пример со своих старших братьев – гитлеровских пропагандистов. Как сказал «товарищ» Геббельс, чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной. Но даже этот колченогий оратор не додумался до того, что затеяли в Бухаресте.

Антонеску приказал, чтобы в газетах и по радио шли репортажи о том, как доблестные румынские войска триумфаторами входят в Одессу, как местное население с радостью встречает своих освободителей. По полной, как говорится, программе – хлеб, соль, ура и чепчики! Даже фотографии умудрились смонтировать: румынские солдаты закусывают мамалыгой прямо на ступеньках памятника дюку де Ришельё, расфранченный офицер принимает цветы от делегации одесских раввинов...

Свой народ им обмануть не удалось, но румынские махинаторы заврались настолько, что и сами поверили в собственную брехню. В штабах начали делить ещё не захваченные трофеи. Шумно, как на базаре. Искушённые в комфорте румынские генералы выбирали себе дома и особняки – под штабы и зимние квартиры. Чтоб обязательно с ванной, с тёплым клозетом и вышколенной прислугой. Всучивали взятки каким-то проходимцам, чтобы получить жильё поближе к центру или с видом на море. Шла форменная торговля. И сигуранца, облюбовав вновь отремонтированный дом на Маразлиевской улице, выторговала его

лучшую половину у военных, взамен пообещав им в будущем закрывать глаза на реквизиции и погромы, до которых румынские офицеры были весьма падки.

Если б знали полицаи, какого кота в мешке они приобрели на свою шею...

***

Сапёры генерала Хренова не только от души посмеялись над румынскими гешефтами, но и взяли их на заметку. И адрес главного «сюрприза», который они собирались преподнести оккупантам, определился окончательно. Вот почему бойцы под командованием полковника Кедринского, майора Пируса и лейтенанта Леха, изображая из себя стройбат, заносили в подвал дома НКВД на Маразлиевской тяжёлые мешки.

– Принимай цемент, братва! – для конспирации орал на всю улицу сержант Ремизов. – Высший сорт! Растворчик будет как украинский борщ – хоть со сметаной наворачивай!

Только в мешках из-под цемента находилась взрывчатка – целых три тонны. Сюрприз так сюрприз – мало не покажется...

– Там всё в паутине, товарищ генерал! Паучищи ползают – во! – как в сказке, – округлив глаза рассказывал Ремизов. – Я их до смерти боюсь – ни за что не полезу убирать.

– А убирать и не надо, сержант! – приказал Хренов. – Паутина – это же лучшая маскировка. Румыны решат, что сюда никто не лазил со времён царя Гороха. И пыль по возможности не вытирайте!

В подвале сапёры вырыли большой котлован. В него укладывали тол, а землю выносили в тех же мешках. Для пущей надёжности установили две стокилограммовые авиабомбы, которые искусно подвели под колонны в вестибюле здания. Вся эта смертоносная система была подключена к специальному радиоприбору, собранному хреновскими умельцами. А для видимости,

если вражеские минёры вздумают обследовать подвал, наши сапёры понатыкали по углам обычных мин. Их румыны должны были обнаружить, обезвредить и, прекратив искать дальше, успокоиться. Чтобы потом успокоиться навечно...

Теперь генералу Хренову оставалось только ждать удачного момента, когда в доме на Маразлиевской улице состоится какое-нибудь крупное собрание румынской верхушки. Об этом ему будет должен сообщить чекист-подпольщик, который останется в Одессе, когда Красная Армия эвакуируется из города...

Утром 16 октября румынские солдаты, находившиеся на переднем крае, были оглушены непривычной тишиной. По заведённому боевому распорядку они начали обстрел советских позиций, но в ответ не прозвучало ни выстрела. Румыны полдня били по укреплениям, пока не догадались, что тратят свои снаряды впустую. Потому что советские окопы были пусты. По плану генерала Хренова защитники Одессы организованно погрузились на корабли и покинули осаждённый город. Непобежденными! Без единой потери они добрались до Крыма, где им вскоре предстояло оборонять новую твердыню – Севастополь.

***

– Аркадий Фёдорович, насилу вас нашёл! Вам телеграмма, – командующий Приморской армией генерал Иван Ефимович Петров, помня о кипучей натуре Хренова, знал, где его искать – на передовой.

«Концерт по заявкам» на Маразлиевской назначен на 22-е в 17.30, – прочёл Хренов и представил, на какой риск шёл боец невидимого фронта, чтобы добыть эту информацию. – Какой все-таки умница этот чекист! Однако, господи – ведь всего час остался!»

И генерал немедленно приказал майору Пирусу развернуть специальную радиостанцию в автофургоне.

Лейтенант Семён Лех надел наушники и начал крутить ручку настройки. Коренной одессит, он уже знал, что оккупанты не мешкая начали расправу с жителями родного города. Уже на третий день они сожгли в помещении бывшего порохового склада 25 тысяч арестованных. Потом выгнали его жену и ещё много женщин и детей на аэродром и заставили ногами утрамбовывать взлётную полосу, опасаясь, что она заминирована.

«Сволочи, вы ещё не знаете, что такое «заминировано», – его руки дрожали от напряжения и предвкушения сладкой мести.

– Что там слышно, лейтенант? – задал вопрос Хренов, чтобы успокоить своего подчинённого и отвлечь от мрачных мыслей.

– Вагнер, товарищ генерал, «Полет валькирий».

– Вагнер? – удивился Хренов и с улыбкой вспомнил, как сержант Ремизов обещал оккупантам концерт под их любимого композитора. – Будет вам Вагнер!

– Семён, сигнал! – скомандовал он, и Лех начал передачу кода.

...От мощного взрыва Одесса заходила ходуном. Оккупанты решили, что началось землетрясение. От дома на Маразлиевской остались одни обломки, под которыми нашли свою могилу генерал Глугожану, префект полиции живодёр Дорел Давилу и ещё пять десятков высших офицеров – румын и немцев. В Бухаресте был объявлен траур.

Герой Советского Союза, писатель Владимир Карпов¹, который после войны дружил с Хреновым, в 1981 году встретился с бывшим румынским военным лётчиком Георге Команом. В 41-м ему случилось входить в Одессу вместе с оккупационными войсками. В разговоре с Карповым он воскликнул:

---

¹ Владимир Васильевич Карпов – прототип разведчика лейтенанта Ромашкина в известном советском кинофильме «Взять живым».

– А какой вы сюрприз устроили тогда нашему незадачливому командованию! Шарахнуло так, что весь город вздрогнул!

– Вы видели взрыв? – спросил Владимир Васильевич.

– Если б видел, не разговаривал бы сейчас с вами, – усмехнулся Коман. – Только слышал. А когда подбежал к штабу, на его месте была только огромная воронка и обломки стен повсюду. Взрыв произошёл во время совещания, поэтому погибли несколько десятков видных чинов нашей и немецкой армий.¹

МОСТ ПЯТЫЙ. СЕВАСТОПОЛЬ-КАРЕЛИЯ

Все годы войны Аркадий Фёдорович прослужил на передовой. Его невысокую и подвижную фигуру всегда видели в самых гиблых местах, на самых опасных участках фронта: в осаждённых Одессе и Севастополе, на Керченском полуострове, в окопах посреди непроходимых болот Волховского фронта, на скалистых плацдармах Заполярья.

Под Севастополем немцы понесли большие потери от теле танков, которые Хренов начал применять ещё на советско-финской войне. В этом деле ему помогал инженер-конструктор, будущий писатель-фантаст Александр Петрович Казанцев, который, кстати, ввел в русский язык слово «инопланетянин». Эффект от применения танкеток по тому времени был и в самом деле «инопланетным».

***

Советский танк миновал нейтралку, легко, будто кот через крапиву, продрался через проволочные заграждения и выехал на ровное пространство перед немецкими окопами. Из них то и дело выныривали и тут же пропадали головы в касках. Раздалось несколько спонтанных выстрелов, не долетев и половины рас-

---

¹ Карпов, В. В. Полководец : повесть о И. Е. Петрове / В. В. Карпов. – Москва : Вече, 1994. – С. 99.

Оборона Севастополя. На знаменитой Сапун-горе.

стояния, разорвались две гранаты. Танк подъехал поближе к траншее, развернулся и остановился.

Странный какой-то танк: не стреляет, не утюжит, катается туда-сюда, словно в аттракционе.

– Может, большевик решил сдаться? – решил оберлейтенант Хрюкке. – Гиршман, возьми своих оглоедов и проверь! Да скорее, пока он повернулся к нам кормой.

Из траншеи выскочили два десятка солдат и, пригнувшись, побежали к красной машине. Танк медленно двинулся вдоль окопов, немцы толпой трусили за ним. Разворот на 180 градусов – и снова погоня. Кошки-мышки какие-то...

Наконец, догнав танк, фельдфебель Гиршман начал бить ладошкой по броне. Со стороны это выглядело так, будто он пытался остановить такси, чтобы развезти по домам подвыпившую компанию.

– Что ты шлёпаешь его, словно свою фройляйн по заднице? Бей прикладом! – заорал Хрюкке.

Приклады дробно застучали по корпусу танка, но тот и не думал останавливаться. Тогда Гиршман забрался на броню, просунул дуло винтовки в люк и отогнул крышку:

– Эй, рус, вылезай! – и для острастки выстрелил. Но в ответ – тишина...

Переждав несколько секунд, фельдфебель решился просунуть голову в люк и...

– А там никого нет! – крикнул в сторону блиндажа Гиршман. На его физиономии блуждала глупая полуулыбка. – Он пустой. Может, красные сбежали?

Некоторые из солдат втихую перекрестились и начали пятиться от танка.

– Болван, что ты несёшь! – разъярился Хрюкке, потому что танк в это время, грозно рокотнув мотором, двинулся в его сторону.

– Да честно там нет никого – он сам едет! Прокатимся, парни? Ха-ха-ха! – Гиршман вскочил на башню и замахал рукой, приглашая солдат составить ему компанию.

Почти вся рота обер-лейтенанта Хрюкке – элита вермахта – выпрыгнула из окопов и весёлой гурьбой побежала за волшебным танком. Самые смелые взобрались на броню, облепив её словно мухи.

– Как на автобане!

– Эй, невидимка, сколько будет стоять до Александерплац?

– Шеф, а мне на Фридрихштрассе! Плачу два счётчика!

– Курт, а может, махнём к девочкам? Они дадут нам даром, если прокатим их на таком чуде! Ха-ха-ха!

– Вен ди зольдатен дюрх ди Штадт марширен...

– Прекратить немедленно! – иступлённо кричал Хрюкке, но его никто не услышал.

Телеуправляемая танкетка ТТ-27, применявшаяся в 1942 г. в Севастополе

***

– Пора, – генерал тронул за плечо радиста и чуть присел, придерживая рукой фуражку.

Но её все равно сорвало с головы, потому что взрыв был такой силы, что после него ещё долго оседала песчаная пыль. А когда рассеялась, то впереди не было ни танка, ни немецких укреплений – только кратер огромной воронки...

– Такой вот вам Александерплац! – улыбнулся генерал, отряхнув фуражку. – Приготовить образец № 2!

***

– Герр оберст! Можете расстрелять меня прямо здесь, но я туда больше не пойду.

– В чём дело, Хрюкке? Где ваша рота, я спрашиваю? Испарилась?

– Осмелюсь доложить, только вы, прошу, выслушайте и не гневайтесь, – да, именно испарилась. И всё из-за этого танка-призрака.

– Что вы там хрюкаете, Хрюкке? Вы в своём уме? Что за де-нёк, у меня уже второй командир слетел с катушек. Проклятый Севастополь!

– Этот танк... Там, понимаете, никого не было... Я сам видел, клянусь! А Гиршман... Вы же знали старину Гиршмана? Он тоже испарился... Превратился в пыль. И с ним ещё сто сорок пять человек...

– Вот вам заряженный пистолет, Хрюкке. Как офицер, надеюсь, вы знаете, что дальше делать...

***

– Манштейн у аппарата! Что значит, держатся? Вы просто ослабили напор, полковник! С жертвами не считайтесь – прорывайте оборону. Срок – сутки!

– Это невыполнимо, господин генерал! Они дерутся как звери. А эти – в тельняшках – просто черти. Однако мы бы и с ними справились, потому что это всё-таки люди. Но за русских стали сражаться призраки... Тут мы бессильны.

– Вы опять об этих танках, за рычагами которых сидит сам дьявол? Не смешите меня! Рассказывайте эти небылицы своей супруге!

– Да, генерал, но эти небылицы лишили мою дивизию пяти сотен солдат, склада боеприпасов и нескольких штурмовых орудий. Разом! И это три танка! Сколько их там ещё, я не знаю. Люди подавлены, они отказываются идти на штурм...

– Военно-полевые суды у нас ещё не отменили, полковник, в том числе, и для вас.

– Да, но мои солдаты их боятся гораздо меньше, чем это чудо-оружие красных...

***

– Какое ещё чудо-оружие? Я не понимаю Вас, Кейтель! – Гитлер, словно Чарли Чаплин, тряхнул чёлкой в сторону глав-

коверха вермахта, обсыпав его мундир перхотью. – Кто управляет этими танками – дух святой или Вельзевул?

– Именно так, мой фюрер! – почтительно склонил голову тот.

– Что вы всё время киваете как осёл? Только у нас, немцев, может быть чудо-оружие! Или вы хотите меня убедить, что наша техническая мысль уступает большевистской?

– Но Манштейн уверяет, что эти танки-призраки как бы вовсе и не призраки, а вполне реальная сила. Именно из-за них сорвался наш последний штурм. Мы сулим офицерское звание и Рыцарский крест тому, кто захватит или уничтожит этого монстра, но смельчаков пока не нашлось...

– Мои солдаты – трусы? Этот неженка Манштейн совсем расслабился на русском курорте. Если вы, Кейтель, не можете задать хорошую взбучку своему подчинённому, то это придётся сделать мне. Я недоволен Манштейном. Ему дано столько, что можно давно было взять Пекин и Дели, а он, словно старый пердун в сортире, застрял в этом Севастополе! И ещё смеет оправдывать свое бессилие каким-то чудо-оружием. Он никогда, вы слышите, никогда не получит фельдмаршалский жезл!

– Боюсь, мой фюрер, до июля мы там не управимся. И то при условии, что этот Хренов не придумает что-нибудь ещё более невероятное...

– Какой ещё Хренов? Где-то я уже слышал эту странную фамилию...

– Генерал РККА Аркадий Хренов. Как доложили сотрудники абвера, именно он управляет этими танками-призраками, а никакой, как вы выразились, не Вельзевул.

– Вам вечно что-то мешает, Кейтель, как плохому балеруну: то «зелёные фуражки», то «сталинские соколы», то «коктейль Молотова», то «генерал Мороз». Теперь вот ещё Хренов. Что ж, придётся мне внести его в список своих личных врагов, раз он вам не по зубам...

***

– Сапёры готовы, товарищ генерал! Новый танк начинять будем? – пожилой инженер-радиотехник с надеждой посмотрел на Хренова.

– Нет, лейтенант, пока отставить. Немцы так наклали в штаны, что ещё долго не очухаются. Теперь не то что танков – даже лошадиной телеги будут как огня бояться! Зато нашим – передышка...

– Да почему? Это же так эффективно, Аркадий Фёдорович! Фантастика! Если ещё ходовую доработаем, то...

– Вот именно, что фантастика. Остынь, Семён, не пришло ещё время для таких выдумок. Но в будущем, лет через двадцать, уверен, наши разработки ещё пригодятся. Мы такие штуки изобретём, что ни одна вражина больше на нас не кинется. А пока придется обойтись без чудо-оружия...

Так что Родине ничего не остается, как надеяться на нас с тобой, грешных, на саперов твоих из 82-го батальона. И ещё во-он на тех лихих морячков-черноморцев, что греются одной сигаркой.

На капитана-пушкаря, что оглох от выстрелов и не слышит, как мы его тут хвалим.

На Люду Павличенко, что из «снайперки» щёлкает фрицев, как в тире. На пулеметчицу Нину Онилову...

И даже, – Хренов огляделся вокруг и с улыбкой указал рукой на молодого красноармейца, – вон на того бойца-нескладёху, что так неловко запутался в своей обмотке. Выпутается и вперёд пойдет до самого Берлина!

Эти люди, Сёма, крепче брони и в тысячу раз страшнее для врага, чем любое чудо-оружие.

Потому что они и есть то самое чудо-оружие...

***

Также в Севастополе Хренов внедрил применение дотов с двумя орудиями вместо одного, что сразу сказалось на эффективности огня благодаря взаимовыручке расчётов. По указанию Аркадия Фёдоровича начали применять фугасы из мощных морских глубинных бомб с дистанционным управлением: как только немцы занимали советские позиции, следовал взрыв разрушительной силы. Круглые морские мины нашли ещё более оригинальное применение: их, как в средневековье, с возвышенности скатывали на головы наступающих фашистов.

Хренов был очень хитёр на выдумки и на войне не чурался опыта предков. На «болотном» Волховском фронте, где солдаты по колено в воде ели, спали и воевали, а бои там отличались небывалой ожесточённостью, Хренов догадался строить оборонительные сооружения выше уровня грунтовых вод в виде дерево-земляных заборов, какие возводились ещё во времена Ивана Грозного. Ради этого Аркадий Фёдорович со всего фронта собрал военных инженеров, призванных из запаса, – бывших архитекторов, которые в мирной жизни изучали русское деревянное оборонительное зодчество. Так хорошо забытое старое, о котором очень кстати вспомнил мудрый Хренов, спасло жизнь и здоровье сотням тысяч советских бойцов¹.

***

– Грязищу-то какую развели – лягухи скоро заквакают! – в траншею, обвалив бруствер, скатился сам грязный как черт замполит полка Волегов. – Принимай батальон, инженер! Представляешь, нового комбата вместе со всем штабом одним прямым попаданием – в «могилёвскую губернию», вот только что! Как его звали-то, а?

– Капитан Абросимов. А как звать-величать не знаю – не успели познакомиться...

---

¹ Бойцы называли эти укрепления волховской или хреновской засекой.

– То-то и оно, что знакомиться не успеваем. Прёт фашист. Ты сейчас старший офицер на позиции – и по званию, и по летам. Шуруй!

За два года войны Керженцеву не раз приходилось заменять выбывших – убитых или раненых командиров. В 41-м он возглавил выходявшую из окружения группу, собранную из разбитых частей разных родов войск. И хотя среди окруженцев были товарищи и постарше его по званию, но они от ответственности за людей отказались в пользу совсем ещё зелёного лейтёхи с сапёрными топориками на петлицах.

В Сталинграде он неделю командовал прижатой к самой Волге ротой, пока его самого, тяжело контуженного, не сменил начхим. Вот и тут, на Волховском фронте, Керженцев всего месяц назад принимал этот же самый батальон – в похожей обстановке, у этого же самого комиссара, когда после неудачной разведки боем погиб комбат и унесли в медсанбат всех троих ротных. Поэтому приказ не вызвал у него никаких эмоций.

– Полезут они ещё, как считаешь? Поле-езут! – сам себе ответил на риторический вопрос Волегов, после чего быстро и толково начал объяснять задачу, видимо, передавая советы командира полка. – Главное, следи вон за тем распадком. Егеря там, похоже, накапливаются. И батарею миномётную продолжай шукать, а то она больно дорого нам обходится! И вообще не дрейфь: подходы ты сам минировал, сосед у тебя надёжный, не подведёт. «Огурцов» подкинем, а вот с людьми пока швах. Писанину на время оставь, не до бюрократии, после боёв за всё отпишемся. Так прямо и посылай от моего имени всех, кому бумажка дороже всего на свете. И ещё...

Однако инструктаж прервало появление лейтенанта в щеголеватой форме, которая тут, в окопах, выглядела так же нелепо, как телогрейка в Большом театре. Он робко остановился в отдалении, никак не решаясь прошествовать в своих зеркально

надраенных сапожках ещё десяток шагов по огромной луже, булькающей на дне траншеи.

– Товарищ подполковник, разрешите обратиться? – построеному звонким училищным баском гаркнул лейтенант, поедая изумлёнными глазами чумазого замполита.

– Валяй! – ухмыльнулся тот, стряхнув со штанов налипшую грязюку и утерев не первой свежести платком въевшуюся копоть со лба.

– Мне нужен старший лейтенант Кержаков, инженер. Его вызывают в штаб фронта.

– Такого не знаю. Керженцев вон есть – устроит? – Волегов кивнул в сторону безуспешно пытавшегося вытянуть сапог из толстого слоя жижи на дне окопа сапёра. – И по какой лешак такую большую шишку, как наш Керженцев, в штаб фронта требуют?

– Не могу знать. Приказ заместителя командующего фронтом Хренова.

– Ещё того не легче. Как бы не забрал тебя насовсем Аркадий Фёдорович! И как он, хитрец, только прознал, что ты здесь? Вы ведь знакомы?

– Случалось видаться с ним в Крыму, когда я в 51-й Приморской служил. К «Звёздочке» – это он меня представил. За то, что имущество сохранил, когда отступали, – объяснил сапёр.

– Вон что! Я и сам с ним встречался. Интереснейший человек, скажу я тебе – голова! – сказал Волегов и приказал:

– Ладно, собирайся, Керженцев, удачи!

– Разрешите остаться, – попытался настоять инженер, но подполковник и слушать его не стал:

– Отставить! Если Хренов вызывает, то точно не на прогулку. Он зазря от дела не оторвёт. Значит, большая надобность возникла – затевается что-то весёлое. Повоюем! А батальоном я пока сам покомандую – тряхну стариной! – Волегов сунул Керженцеву крепкую мужицкую руку, коротко стиснул и, пригнувшись, стариковской рысью потрусил на правый фланг...

***

– Будешь, говорить, сука?! Я ж тебя всё равно ушатаю, – медвежковатый верзила щелкнул по тугому пузу подтяжками и вновь засучил сползающий рукав исподней рубашки. – Х-хек! – тыльной стороной ладони он почти без замаха ударил по лицу кудрявого сапёра в рваной гимнастерке без ремней.

Лисагор со связанными за спиной руками чуть поёрзал на неудобном стуле и осторожно скосил глаз на блестящие сапоги особиста. Второй глаз у него заплыл и совсем не видел. Допрос, не прерываясь, шёл уже вторые сутки. Лисагору «шили» откровенную чушь – измену Родине, попытку диверсии и ещё что-то там непонятное, но зато самое что ни на есть подрасстрельное.

«Надо же, даже стул к полу привинчен... А этот-то, с тыквенной мордой, мог бы, наверное, три ящика противотанковых мин поднять – здоров!.. А у смершевца вчерашнего усы были как у Гитлера на портретах – почему его за измену не судят?» – мысли путались в разрывавшейся от боли голове сапёра.

Взяли его прямо с передовой, где Лисагор обучал бойцов обращаться с подрывной машинкой. Ничего путем не объяснив, автоматчики в фуражках с малиновым кантом скрутили ему руки, отобрали наган и на глазах у огорошенных красноармейцев повели в тыл. Здесь, в добротной избе, уютно расположенной в десятке вёрст от линии фронта, где даже выстрелов не было слышно, его допросил капитан-особист. Брал на арапа, грубо:

– Кого ты хотел взорвать? Кому передал взрывчатку? Кто связной агент? Говори! Ну, быстро!

А так как ничего не понимающий Лисагор молчал, то для освежения памяти капитан вызвал этого щекастого бугая, морда – в три дня троим дристунам не обгадить... Бил он как-то лениво, без особой злости, но больно. Знал куда надо лупить – ничего не пропустил. Да ещё и зубы поредил...

В общем-то Лисагор уже с первой плюхи допёр, почему он сидит на этом стуле. С полмесяца назад к нему подошёл прия-

тель – Пашка Фарбер из пульроты. Пожаловавшись на скудный паёк и поднадоевшие концентраты без всякого полезного приварка, он рассказал, что в его роте есть целая команда пермяков, которые на гражданке сообща трудились в рыболовецкой артели. Речки тут, говорят, «пушше Иньвы да Обвы наших – да и озёр полно». Рыбы столь много – как у дурака махорки! *Шшуки, лешшы*, сорога какая-то, мол, кишит! Вот только удочек нет и сети сплести не из чего. Ты дай, просит, толовых шашек – гроханём и наедемся по-человечески. Каждый день мешок рыбы посулил отваливать. А как не дать? Жалко, что ли. Рыбки-то давно не едал...

Пашка не обманул: каждый день в распоряжение приходил рябой вислоусый боец с большой деревянной ивовой корзиной и ссыпал живое серебро в угол блиндажа. За две недели всё вокруг провоняло рыбьим духом, и каждый вошедший в блиндаж подозрительно принюхивался и спрашивал:

– Вы тут что, воблу вялите? Может, и пивцом угостите?

Тол у Пашкиных браконьеров быстро заканчивался, видать, снабжали они рыбой не только сапёров. Фарбер повадился ходить и клянчить каждый день, поэтому Лисагор показал ему нишу, где лежали ящики с шашками: дескать, надо – сам бери, только не мешай.

А дел у Лисагора было много: то построй – сё разрушь, то взорви – сё разминируй. Одной земли в этом болоте выгребли на-гора столько, что десять Днепрогэсов можно построить.

Но все-таки, видно, Фарбер не всех облагодетельствовал *лешшами да шшуками*... Какая-то крыса настучала в особый отдел о пропаже ящика с толом. Из-за этого и сыр-бор: нашим органам только повод дай – ещё обвинят в покушении на товарища Сталина...

Но Лисагор всё равно молчал. Решил, что самому так и так пропадать, но парней хороших за собой тащить не станет. Он же не крыса – бейте, шкуры тыловые...

Капитан, выйдя из-за перегородки, прервал экзекуцию. Толстомордый лениво вытянулся – шары пороссячи вылупил, руки по швам.

– Тэ-экс! – смершевец почесал фюрерскую щёточку под носом, строго взглянув на окровавленного Лисагора. – Молчит?

– Как рыба об лёд, товарищ капитан! Но ничего, созреет, – уверенно заявил истязатель.

– А давай-ка вот что применим... – начал было особист, но из другой половины избы его окликнули:

– Товарищ капитан! Там к вам из штаба фронта приехали, просят принять!

– Ну, раз просят... Прокопюк, зашейте тут пока. И ни звука, смотри, – приказал капитан и вышел встречать гостей.

– Дежурный офицер оперативного управления штаба фронта майор Седых! – представился рослый военный. – Вами задержан инженер 349-го отдельного сапёрного батальона старший лейтенант Лисагор. Он здесь?

– А вам какое дело, майор?

– А такое, что я забираю его с собой.

– Что значит, забираете? Вы в своем уме?

– Приказ генерала Хренова! – Седых протянул особисту бумаги.

– Ну и что, да хоть Редькина! Что за ерунда? Никого вы не получите, можете так и передать своему Брюквину!

– Что ж, так и передам, не волнуйтесь. Аркадий Фёдорович – человек с чувством юмора. Уверен, он вашу шутку по достоинству оценит, капитан. И посмеётесь вместе! На передовой как раз большая нехватка таких шутников...

– Не передёргивай, майор! Что я такого сказал? – дал задний ход особист, понимая, что генерал Хренов ему пока не по зубам. «Этот Хренов ни черта не боится, по переднему краю лазит как рядовой боец. Да и с нашим начальством, слышал, на короткой

ноге – воевали вместе где-то на юге. Ведь и правда может обидеться и на передок закатать», – подумал капитан и крикнул:

– Прокопюк! Заснул, что ли? Тащи сюда этого сраного террориста! Да умой сперва...

Лисагор услышал, как в соседней комнате несколько раз произнесли знакомую фамилию. «Боже мой, это ж тот самый генерал, что год назад закатал меня под арест. Час от часу не легче», – загрустил сапер.

В конце сорок третьего Лисагор построил деревянный мост через какую-то безымянную речушку. По нему должна была пройти колонна лёгких танков и дивизион «Катюш». Генерал Хренов, увидав это сооружение, собранное из подручных средств (как назло – ни лесинки вокруг не было), пришёл в тихий ужас, плавно перешедший в громкий непечатный язык. «Да он лошадь с телегой, так-растак, не выдержит, твой так называемый мост!» – кричал он на Лисагора. А того, что называется, закусило, и он не менее солёными выражениями стал доказывать Хренову, что по его мосту не только лошадь, но и сам товарищ генерал верхом на слоне может с ветерком прокатиться. И для пущей убедительности несколько раз пнул мёрзлым валенком по опоре. Эта сцена окончательно выбесила Аркадия Фёдоровича и он приказал: «Арестовать сукиного сына!»

Времени на переделку не оставалось. Командир головного танка, отчаянный мужик, с улыбкой обратился к генералу: «А что, можно рискнуть! Шатается, но стоит вроде. Будто выпивши». Хренову ничего не оставалось делать, как разрешить переправу. Танк рывкнул, чадно загуркотил и потихоньку заполз на мост. Опоры шатнулись, но устояли. Танк пошёл смелее и раз – танкист уже с того берега машет: дескать, не трусь, двигай!

Через четверть часа вся колонна успешно переправилась, а генерал Хренов подошёл к Лисагору, обнял по-отечески и от лица службы вручил медаль «За отвагу».

– Здоров ты материться, сапёр! У меня уши прямо так и завяли! Долго теперь не развянут, – посмеялся он на прощание. – Я тебя запомню.

«И вот, видимо, вспомнил. И как вовремя! – думал Лисагор, уместившись на заднем сидении тряской «эмки». – Верно опять ему чудо-мост нужен. А мы что? Мы сладим»...

***

– Ну что ж ты такая дубинноголовая, как Коробочка, а? Ведь полчаса уже бьюсь с тобой. Дело-то простое как табурет!

– Почему коробочка-то? Я разве толстая? – размазывая слезы по миловидной веснушчатой мордашке, дивчина принялась оглаживать на себе мешковатое солдатское обмундирование.

– Дура ты, вот кто! Гоголя читать надо. В школе на «двойки» училась? Поди, только на мальчиков зырк-зырк? Оно и видно! Показываю в последний раз, – и капитан Свидерский принялся объяснять своей подопечной принцип действия противопехотной мины.

Вообще, Свидерского трудно было вывести из себя. Парень был воспитанный, из хорошей, как говорится, семьи. Университет закончил, а мог бы и аспирантуру, если б не война.

Однако военного в Свидерском было всего ничего – одни, наверное, погоны, и то, если их от пыли очистить и звёздочку отпавшую пристегнуть. Одним словом, как сказал помпотех Карнаухов: «*Тилигент*». Причём самый что ни на есть гнилой.

И правда: всегда какой-то сонный, побрит, что называется, слегка – лучше бы совсем не брился. Весь изрезался, на подбородке кустились оазисы нетронутой пегой растительности. И с лица не породист: большерот, нос пимпочкой, в круглых профессорских очёчках. Стекло, естественно, треснутое.

Китель сидел на Свидерском как пиджак, а шинель развевалась, словно драповое пальто, – только шарфика не хватало. Головной убор лучше бы вообще не надевал: пилотка на его как

попало стриженной голове сидела печным горшком, а фуражку он почему-то всегда пытался натянуть на уши словно лыжную шапочку. Мёрз, что ли?

Но главное – никакой командирской выправки. Вместо чётких приказаний – «Прошу вас», «Соблаговолите» и тому подобные вредные на войне выражения. Но когда он обратился к командиру полка вместо положенного «Товарищ майор!» – «Милостивый государь!», а потом ещё добавил «Голубчик!» – это было что-то с чем-то...

Зато инженером Свидерский был от бога. Мост навести в непогоду – пожалуйста, ночью в трёх десятках метров от фрицев установить мины – легко, из неразорвавшейся авиабомбы сделать фугас, который «Тигры» рвёт на конфетти – только прикажи... А то блиндаж начальству построить – номер-люкс, живи хоть сто лет, покидать не хочется.

За ум и смекалку, за блестящую инженерную выучку Свидерскому прощалось всё. Комполка так и сказал: «Да пусть он хоть в клоунском наряде ходит, да хоть вообще без штанов – лишь бы дело своё делал!» И ещё строгий комполка приказал своим подчинённым беречь Свидерского как зеницу ока, даже пуще: дескать, он один всех нас вместе взятых стоит, хоть и не догадывается об этом.

Так что Свидерский, накричав на затупившую дивчину, вышел из себя всего-то второй раз за всю войну. До этого лишь однажды, выслушивая истеричный мат, коим обкладывал офицеров прибывший на передовую штабной штымп, он долго сопел, а потом тихим, но твёрдым голосом вымолвил: «Извольте не кричать! Как вам не стыдно, вы же советский человек!»

И, конечно, добавил: «Извините!»

Что поделать, если Свидерского, как и всякого «гнилого интеллигента», больше всего раздражали хамство и тупость...

В этот день инженеру так и не удалось втолковать своей подопечной азы минного дела. К ним подошел помпотех Карнаухов и сказал:

– Слушай, сапёр, там по твою душу курьер из штаба фронта прибыл. Беги скоренько!

Но курьер уже сам приблизился к Свицерскому, точно угадав в нём того, кого ему было нужно:

– Товарищ капитан! Поедете со мной. Приказ заместителя командующего фронтом генерала Хренова!

– Боже мой, Аркадия Фёдоровича? – вскинулся Свицерский. – Как он там? Как у него здоровье? У него же суставы простужены. Он наблюдается у докторов?

От такой фамильярности офицера слегка закачало, но он справился:

– Вот там у него и спросите!

– Ох, вы знаете, голубчик, какие лекции он нам читал в университете? Столько цифр в голове, столько расчётов. Но, главное, как много жизни и красоты было в проектах Аркадия Фёдоровича! Он же прирождённый архитектор: ему не мины взрывать, а строить дворцы, – убеждал он курьера, садясь в машину.

Прощаясь, помпотех Карнаухов не удержался от сарказма:

– Смотри, инженер, ты там только товарища генерала не обзови «сударем», «душенькой» или «вашим благородием».

***

Генерал Хренов так умело выстроил оборону на Волховском фронте, что Ставка сочла возможным снять с фронта шесть дивизий и отправить их в резерв. Именно эти сэкономленные части и обеспечили прорыв блокады Ленинграда.

Когда началась операция «Искра», Хренов предложил план по дезинформации, чтобы убедить гитлеровцев – основной удар будет на Новгородском направлении. Во фронтовых мастерских начали изготавливать макеты танков, пушек и даже чучела людей и лошадей. Всю эту бутафорию старательно возили по переднему

краю перед глазами противника. И враг клюнул на уловку, сосредоточив свои основные силы на том участке.

Что интересно, на Волховском фронте Хренов вновь встретился со старой знакомой 11-й армией вермахта, которую перебросили из Крыма, чтобы сровнять с землёй город Ленина. Но здесь, как и под Севастополем, ей нанесли такой урон, что она в скором времени была не в состоянии решать какие-либо задачи, и её отвели на переформировку. Опять Хренов расстроил Гитлера...

На Киришском плацдарме инженерная смекалка помогла генералу взять высоту, которую наши войска безуспешно штурмовали больше двух лет. Хренов вместе с майором Виктором Сорокиным (будущим главным инженером Ленинградского метрополитена. – *прим. авт.*) организовал настоящую подземно-минную

Всесоюзный староста М. И. Калинин вручает А. Ф. Хренову орден Суворова

диверсию: сапёры прокопали 180-метровый туннель к немецким укреплениям, заложили мощный заряд и подорвали, в результате чего гитлеровцы в панике бежали, а высота была взята без потерь. Когда наша пехота пошла в атаку, вместо неприступных укреплений увидела лишь глубокую воронку, диаметром больше 80 метров.

За эти подвиги Аркадий Фёдорович был награждён полководческим орденом Суворова – одним из первых в Красной Армии.

– Когда он получил орден, ещё никто толком не знал – как его носить! – вспоминал сын Хренова Борис Аркадьевич, которому в то время было 12 лет. – Справа или слева? В какой очередности? Папа решил просто – прицепил орден Суворова рядом со Звездой Героя.

Кстати, отбыв на фронт в самом начале войны, Аркадий Фёдорович долгое время не имел никаких сведений о судьбе своей семьи. В июле 1941 года ему сообщили, что жена Софья Васильевна с двумя сыновьями выехала в Краснокамск, куда эвакуировали семьи комсостава. Возможно, думал Хренов, они добрались до Очёра. Хотя и самого страшного он не исключал...

В редкие свободные минутки генерал писал большое письмо, в надежде, что когда-нибудь оно попадет в руки жене. Ведь и самому остаться живым – этого человек, не вылезающий с передовой и попадающий из одной кровавой переделки в другую, гарантировать никак не мог...

Лишь в феврале 1942 года его коллега привёз долгожданную весть – родные живы и благополучно добрались до Кирова. Встретить семью Хренову удалось только летом. Софья Васильевна, провожая мужа на фронт, никак не могла расцепить объятия. Боялась, что видит его в последний раз, потому что знала его характер – ему бы совесть не позволила беречь себя и отсиживаться в тылу, подальше от смертельной опасности. Так же был воспитан и их сын Пётр, который в июле 1943 года, вместо того, чтобы идти в десятый класс, пошёл по стопам отца – доброволь-

цем поступил в Московское военно-инженерное училище, и уже через год 18-летний лейтенант Хренов был на фронте.

После завершения Новгородской наступательной операции и расформирования фронта его управление во главе с Мерецковым, включая Хренова, как начальника инженерных войск, перебросили на Карельский фронт, где они организовывали прорыв сильнейших финских укреплений на реке Свирь, под Петрозаводском и немецких укреплений за Полярным кругом. Во время Свирской операции Аркадий Фёдорович опять, что называется, надул противника. При форсировании реки он послал вперёд плоты с макетами и бутафорией, по которым враг открыл сумасшедший огонь из всех стволов. Чем естественно демаскировал свои огневые точки, которые были немедленно уничтожены.

Кроме этого, Хренов предложил разрушить плотину Свирской ГЭС, захваченную финнами. Удары авиации и действия диверсионных групп сапёров сделали свое дело: двухметровый водяной вал буквально смыл финские укрепления, расположенные ниже по течению. Эта катастрофа так подорвала моральный дух противника, что вскоре Финляндия вышла из войны.

МОСТ ПОСЛЕДНИЙ. ЯПОНСКИЙ

Довоевать против немцев генералу Хренову не дали. Поскольку он имел уникальный опыт прорыва мощнейших укреплений в условиях труднопроходимой местности, Аркадий Хренов с погонами подполковника на кителе и под чужой фамилией «Фёдоров» ехал на Дальний Восток. Там ещё лютовал недобитый враг – милитаристская Япония.

Командующим одного из дальневосточных фронтов назначили маршала Кирилла Мерецкова, который очень ценил Хренова, называя того «Тотлебен XX века». Между прочим, при назначении Сталин припомнил строптивного правдоруба: *«Там у тебя есть хитрющий инженер с едкой фамилией, который найдёт*

способ, как обмшурить японцев. Он и финнов дурил, и немцев, и рвать укрепрайоны ему не впервой».

Вот что писал о своем друге-сослуживце Кирилл Афанасьевич Мерецков в своих мемуарах:

«...Труднейшие задачи довелось решать в этой связи моему заместителю, начальнику инженерных войск фронта генералу А.Ф. Хренову. Аркадий Фёдорович был моим давним сослуживцем. В период финской кампании он являлся начальником инженерных войск ЛВО и 7-й армии, руководил инженерной подготовкой и обеспечением прорыва линии Маннергейма. В 1941–1942 годах Хренов занимал идентичные должности на Южном фронте, в Одесском и Севастопольском оборонительных районах. Когда в июне 1942 года восстановили Волховский фронт и было решено нарастить наши усилия по деблокированию Ленинграда, Хренова перевели к нам, чему я очень обрадовался. Превосходно знающий своё дело, военный инженер высокой квалификации, целеустремлённый и энергичный работник, хороший организатор, он был желанным и необходимым помощником и снова доказал это напряжённой и успешной деятельностью. Аркадий Фёдорович руководил с лета 1942 года инженерным оборудованием оборонительных рубежей, инженерным обеспечением и подготовкой всех крупных наступательных операций Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов. Он возглавлял, кроме того, работы по разминированию местности, восстановлению сухопутных и водных средств сообщения, а также оказывавшихся в зоне фронта шахт и рудников. Наконец, он вместе с начальником тыла решал задачи по расквартированию войск. Венцом его трудов в военные годы явились инженерная подготовка и обеспечение наступательного плацдарма в Приморье, а затем осуществление сложнейших мероприятий в Маньчжурии»¹

А фронту ставилась задача скорейшего захвата оккупированных китайских городов Харбина и Гирина. Перед началом боевых действий Хренов провёл детальную инженерную подготов-

---

¹ Мерецков, К. А. На службе народу / К. Мерецков. – Москва : Вече, 2015. – 477 с. ил. – (Имена Великой Победы).

Аркадий Фёдорович Хренов со старшим сыном Петром

ку, и когда началось наступление, генерал предложил высадить на неприятельские аэродромы воздушные десанты, сыграв на неожиданности. На первый взгляд, это была чистейшая авантюра, в которую командование не верило. «Зря погубите людей», – предостерегали Аркадия Фёдоровича. Однако он верил в успех, и доказательством тому служил следующий факт: в одном из десантов, которому поручалась самая сложная задача, участвовал родной сын генерала – юный лейтенант Пётр Хренов. И дерзкая по замыслу операция завершилась полным триумфом почти без потерь, на несколько недель приблизив капитуляцию японских войск.

– Мы с мамой приехали на Дальний Восток в город Муданьцзян как раз в тот день, когда гремели победные салюты, – вспоминал Борис Хренов.

***

– Банзай! – из темноты туннеля вынырнул похожий на мальчишку японец с бамбуковым шестом, на конце которого была примотана мина. Навострив это средневековое оружие на советского подполковника, смертник с неестественно для азиатской физиономии выпученными глазами с истошным криком бежал прямо на сгрудившихся в оцепенении бойцов.

Первым нашёлся юный светловолосый лейтенант в разведчицком маскхалате. Оттолкнув плечом своего командира, он навскидку прямо от бедра полоснул короткой очередью из ППШ, и незадачливый камикадзе зарылся в заросли гаоляна.

– Спасибо, Петя! – поблагодарил Забелин. – Реакция есть – дети будут! У тебя – само собой, да и у меня, похоже, тоже – спас ты нас, роднулька!

– Не стоит благодарности, если что – обращайтесь, – промолвил лейтенант, по-прежнему пристально вглядываясь в глубокую пасть туннеля.

Специальный штурмовой отряд сапёров уже третьи сутки обследовал эти самые железнодорожные туннели на предмет обнаружения затаившихся японцев. Живой силы там почти не было, но зато враги густо понаставили сюрпризов в виде прыгающих мин-лягушек и гранатных растяжек. Кое-где, правда, сапёрам пришлось принять бой с японскими камикадзе, которых цепями приковывали к пулемётам. Иногда на бойцов – в одиночку или целыми пачками – бросались смертники, обвязанные взрывчаткой или, как этот ниндзя, с бамбуковыми пиками наперевес. Слава богу, пока обходилось без потерь.

Впрочем, сапёрами они назывались условно. Кроме обычных инженерных знаний, каждый солдат или офицер владел навыками рукопашного боя, неплохо стрелял из всех видов оружия, умел маскироваться на местности, словно хамелеон. Поэтому – ещё большой вопрос, кто тут, собственно, был ниндзя, саму-

Заместитель командующего фронтом А. Ф. Хренов и начальник оперативного отдела инженерных войск подполковник И. Н. Забелин – герои сериала «Орден»

раи или самые что ни на есть русские парни из группы подполковника Забелина.

– Товарищ подполковник! – рядовой Юмашев отодвинул от уха наушник рации. – Вызывают на базу. Что-то срочное...

– А мы и так тут закончили, – без интереса поглядел на распростёртое тело японского смертника Забелин и приказал: Собираем манатки и – по коням!

***

– Вот такие дела, Иван! Что думаешь? – генерал Хренов с озабоченным прищуром взглянул на своего помощника.

– Думаю, Аркадий Фёдорович, что придётся вам после войны заехать к моим родным в деревню Михалиху и честь по чести рассказать, что пропал их сын и брат Ваня во славу русского оружия, – почесал затылок Забелин. – Да не волнуйтесь, шучу я. Ради такого дела рискнуть можно. Два раза не умирать – так, кажется, уверяет поэт Симонов?

– Даже полраза нельзя, Иван. Мёртвый такую задачу не выполнит.

– А Петра что, здесь оставить? – Забелин с плохо скрытой усмешкой посмотрел на начальника.

– С какой это стати? – голос Хренова мгновенно заледенел. – Он что у вас в группе – сынок генеральский? Белая кость? Ты это брось, подполковник!

– Простите, товарищ генерал, ерунду я сморозил, – вдохнул Забелин. – Никуда нам без Петра. Чутьё у него на мины и на опасность. Простите дурака, муторно как-то на душе, словно кошак облезлый по ней когтями елозит...

– Понимаю тебя, Ваня, сам бы с вами пошел, но...

– Да всё нормально, Аркадий Фёдорович! Не обращайтесь внимания, это у меня синдром конца войны. Никому последним помирать неохота. Вот только кому-то всё равно придётся...

Забелин зашёл в фанзу, где лейтенант Хренов старательно зашивал прореху на вещмешке. Уколовшись большущей иглой-цыганкой, Пётр по-детски ойкнул и, смешно надувая щеки, начал дуть на кровоточащий палец.

«В сущности совсем ведь ещё дитё, – подумал Забелин. – Дай бог, чтоб эта кровь была последней и единственной...»

А Хренов-младший тем временем с благодарностью вспомнил лейтенанта Леонтьева, что в училище был командиром учебного взвода. Бывалый фронтовик, он учил будущих сапёров не только по программе, а старался по максимуму передать курсантам свой опыт выживания в бою.

«Хочешь жить – вдавливайся в землю», – учил лейтенант, и взвод Петра Хренова больше других до десятого пота занимался рытьём окопов и ползанием по-пластунски. Когда Леонтьев видел, что кто-то из курсантов без особого рвения прижимается к земле, он стегал того вицей по торчащим филейным местам и приговаривал: «Задница – это, брат, не голова, однако получить в неё пулю не только больно, но и позорно».

Пётр Аркадьевич Хренов

Леонтьев просто-таки вдавливал в голову молодым инженерам: *«Мина требует, чтобы перед ней стояли на коленях»*. И это вовсе не для красного словца: действительно, стоя, к примеру, на корточках, можно невольно покачнуться и опереться на взрыватель. И тогда поговорка «Сапёр ошибается только один раз» обретёт свой зловещий смысл...

Пётр поднял глаза на командира и даже в полумраке разглядел озабоченность на его лице.

– Завтра? – с надеждой спросил он.

– Ага, с утра пораньше. – Забелин сел на циновку и пристально посмотрел на Хренова. – И за что это тебя отец так не любит, Петя? Лучше бы в детский дом отдал...

***

Операция «Мост», которую от начала и до конца придумал начальник инженерных войск Дальневосточного фронта генерал Хренов, была дерзка и до гениальности оригинальна по замыслу. Но только в случае успеха.

– Авантюра, чистой воды – авантюра, Аркадий Фёдорович! Зря людей погубим. И здрасьте – где мы возьмем парашютно-десантные полки? – неделю назад в сомнении выговаривал Хренову командующий фронтом Мерецков.

– Кирилл Афанасьевич, да они и не понадобятся. Десанты высадим прямо на аэродромы – возьмём их врасплох. Я всё просчитал до мелочей.

– Нет и ещё раз нет, – отрезал Мерецков. – Шутка ли? Там же чуть не сто тысяч япошек!

Но к этому разговору пришлось вернуться, когда темпы наступления затормозились по всему фронту. В лоб японские укрепления можно было взять только ценой большой крови, а обойти их возможности не было – кругом горы! Командующий склонился над картой, задумался на минуту и искоса глянул на своего заместителя.

– Ну как, готовы твои десанты? – для приличия спросил Мерецков, зная, что те не просто готовы, а уже ждут команды на выступление.

– Две группы по 130 человек каждая – на Харбин и на Гирин. «Дугласы» заправлены, оборудование погружено, – сразу, словно ежесекундно ожидая этого вопроса, ответил Хренов.

– Ох, втравишь ты меня, Хреныч, в блудняк, – выдохнул Мерецков, покачав головой.

– Я, Кирилл Афанасьич, в тюрьме не сидел, поэтому столь художественному слову не обучен, – улыбнулся начинж.

– Ещё насидишься, жук очёрский, если операцию провалишь, – пообещал командующий.

– Бог не выдаст, свинья не съест.

– Это что, основа твоего хитрого плана? Опять авось да небось?

– Петька мой в одном из десантов, – вздохнул Хренов.

– Ты что, Аркадий? – встрепенулся командующий. – Или мало на алтарь Победы положил? Сыном решил пожертвовать? То же мне Авраам библейский...

– Ой, кто бы мне тут выговаривал, – невесело рассмеялся Хренов.

Своего сына Володю Мерецков тоже, не задумываясь, бросал в самое пекло. Ещё в 41-м семнадцатилетним пацаном тот добровольно ушёл на фронт, а после окончания бронетанковых курсов, бил немцев на Волховском и Карельском фронтах. Сейчас майор Мерецков находился на самом трудном участке – вёл передовой отряд танков и пехоты на Гирин.

Пётр Хренов тоже не имел привычки отираться подле папеньки или «геройствовать» в тылу. В 44-м получил под команду сапёрный взвод – и вперёд, к черту на рога! Даже не все сослуживцы знали, что их бесстрашный командир – сын заместителя командующего фронтом генерала Хренова.

Впрочем, тогда подобным поведением никого нельзя было удивить. Дети элиты – крупных военачальников и государственных деятелей – не по ресторанам сиживали на «Ташкентском фронте», а, как и все, бились с врагом в окопах, в небе, на морских просторах. Что говорить, если у самого товарища Сталина оба сына геройски воевали...

***

– ...И тут старый Иитиро воскликнул: «Страна восходящего солнца непобедима!» А он ему и говорит: «Досточтимый отец! Мне...»

– Господин сержант, самолёты! – перебил рассказ своего командира молодой солдат.

Солдаты аэродромной команды лениво наблюдали, как четыре транспортника гуськом заходили на посадку.

– Наверное, очередное подкрепление из метрополии. Или глиняные бочата с крепчайшим сакэ – будет нам угощение, – размечтался один.

– Ага, жди да радуйся. Поручик Сирануи скорее угостит тебя палкой по глупой башке, – возразил другой. – Бьюсь об заклад, там киотские гейши для улады наших офицеров.

– А почему звёзды на крыльях красные? – наивно спросил третий.

– Это тебе из-за солнца мерещится, – приложил ладонь ко лбу сержант. – Пстой-ка... Что? А? Красныееее!!!

Из самолёта, приземлившегося первым, высыпались фигурки в пятнистых маскахалатах и начали быстро растекаться по аэродрому. Все как на подбор рослые, отважные – таких «гейш» японским солдатам ещё не приходилось видеть.

– Рюсике! Рюсике! – отчаянно заверещал солдат в круглых очёчках и, увидев, что к нему приближается огромный как медведь русский, упал на живот, закрыв голову руками.

– Хенде хох, самураи! – старший сержант Прокофьев никак не мог отвыкнуть от немецкого. – Я кому говорю? Ну!

Но японцы поняли и беспрекословно подняли руки вверх.

– И где это ты успел так по-японски наостриться, Вася? – подмигнул саперу Пётр Хренов. – Раз уж ты такой полиглот, то спроси у них, где тут штаб Квантунской армии.

Но японский сержант опять всё понял без перевода и молча указал рукой на каменный домик.

– Да мы и сами знаем, – улыбнулся Хренов. – Все – к бункеру!

Группа Забелина, не дожидаясь приземления других самолётов, помчалась к штабу. Подполковник был уверен, что каждый его сапёр знал свой маневр. Все было отработано до автоматизма заранее, когда генерал Хренов по сто раз заставлял десантни-

ков повторять действия, предусмотренные по плану операции «Мост». Любые, казалось самые невероятные неожиданности, были учтены. Разведка сработала что надо, поэтому сапёрам было легко ориентироваться на незнакомой местности.

Так что всё шло по плану. Одна команда захватила узел связи, другая – казармы, третья блокировала взлётку, вдоль которой выстроились новенькие японские истребители «Зеро». Забелин, Хренов с бойцами и с прикомандированным переводчиком, обезоружив часового, проникли в домик, под которым командование Квантунской армии оборудовало штабной бункер.

***

За столом чинно сидели японские генералы и офицеры, за спинами которых застыли в лакейских позах официанты-денщики. Начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хикосабуро Хата как раз собирался рассказать старый армейский анекдот, но двери бункера с лязгом распахнулись и в проёме показались какие-то странные люди в маскхалатах.

Хата так и остался сидеть с открытым ртом. Не в меньшем изумлении были и остальные военные. Лишь один отчаянный поручик из охраны отважился на сопротивление. Но не успел он выхватить саблю, как гигант Прокофьев поднял его над полом, словно кота за шкварник. Телохранитель, тонко визжа, нелепо махал в воздухе руками и ногами.

– Так вот какое это ваше джиу-джитсу, – усмехнулся сапёр и зажал японцу рот. – Утихни, малохольный!

Хата что-то резко скомандовал, и из-за ширм высыпали десятка два солдат с карабинами. Они встали за спинами сидящих офицеров и взяли советских бойцов на прицел.

Но Забелин даже ухом не повёл:

– Господин генерал, полагаю, возмущён и так далее и прочее. И, наверное, желает узнать, что тут происходит? Переводи! – приказал он старшему лейтенанту, из кармана кителя которого

торчал русско-японский разговорник. – Мы вроде как в состоянии войны с Японией. И теперь война, увы, докатилась и до господина генерала. В общем, все присутствующие взяты в плен и добавь там, что ещё в таких случаях полагается.

Переводчик отрывистой скороговоркой с резкими придыханиями начал говорить по-японски. Но в ответ – гробовое молчание.

– Тебе не кажется, что толмач у нас как-то не того, – зашептал стоявшему рядом Хренову Забелин. – Что-то прокряхтел им – будто облаял! Я бы, например, обиделся на такой тон...

Однако у старшего лейтенанта – выпускника восточного отделения филфака МГУ – с японским было всё в полном порядке. Враги прекрасно его поняли, однако просто не могли вымолвить и слова от удивления. За всю историю войн, которые вела Япония, такого конфуза ещё не случалось.

Частокол заряженных карабинов чёрными дулами уставился на смельчаков. Вражеский офицер смотрел на Хату и ждал команды: дескать, их мало – только прикажите и головы русских собак будут насажены на колья вдоль взлётной полосы аэродрома. Но генерал по-прежнему молчал.

– Сейчас они очухаются и сделают из нас шашлык по-карски, – промолвил сержант Романов, целясь из автомата в самую гущу застоля.

– Живым не дамся, – твёрдо сказал его друг Ганусов.

– А они и не собираются тебя живьём брать, Гриша.

– Да скажите же что-нибудь, а то не стерплю и... – протараторил Юмашев, нервно озираясь по сторонам.

– Нафурил, что ли, боец? – Прокофьев как всегда был само спокойствие.

– Да тут не только нафуришь. Можно и по-большому накезать.

– Да не паникуй ты, это они уже по-большому наделали. Чувешь, вонь какая? Нюхай, дружок, хлебный душок. Нюхай весь – ещё есть! – сбалагурил весельчак Малыгин.

Бойцы громко захохотали и напряжение спало.

– Коуфуку¹! – коротко бросил Хата и первый карабин загремел по бетонному полу бункера. Затем – другой, третий. Офицеры вынимали из кобур пистолеты, прощально звенькнув, сбрыкала чья-то сабля.

«Какой великий позор – попались как фазаны в силки, – мрачные думы заполонили мозг генерала. – Кодекс Бусидо предполагает только один выход – сеппуку. Но с какой стати? Ну уж дудки, пусть харакири делает командующий Ямада или даже сам микадо – это они виновники позора!» Хата подозвал своего адъютанта, затем отстегнул от пояса меч-катану и, чуть привысунув его из ножен, последний раз полюбовался блеском древней стали.

Офицер, изогнувшись в поклоне, на вытянутых руках протягивал Забелину изящный меч в посеребрённых ножнах, обмотанных атласной материей.

– Петя, тебе не надо такой – лучину щепать? – негромко промолвил Забелин. – Приедешь к родне в свой Очёр, сядешь у камелька, струганёшь полешко, кота погладишь...

– У нас там не камельки, а печки. Иван Николаевич, вы хоть кивните из вежливости! Не срамите советскую державу, – Пётр Хренов слегка пихнул локтем своего командира.

– Да что я должен делать-то, старлей? – растерянный донельзя Забелин обратился к переводчику, смешно скривив рот в его сторону. – Я вроде не поп, чтоб мне кланяться. Может, он ещё ручку вздумает поцеловать? – и подполковник поглядел на свою не привычную к лобзаньям заскорузлую ладонь.

– По их этикету, вы с поклоном должны принять меч, – бесстрастно заявил драгоман.

---

¹ Сдаёмся! (яп.)

– Да плевал я на их этикет. Мы не в Токио! Нечего тут раскланиваться, – начал раздражаться командир саперов. – Пусть все сдаются и делу конец!

– Тогда просто возьмите меч и скажите, что...

– Что здесь происходит? – прервал «церемонию» внезапно появившийся в сопровождении группы сапёров представитель штаба фронта генерал Шелахов.

– Да вот, Забелин с Хреновым капитуляцию принимают! – прыснул в кулак капитан Строганов. – Дивно спроворили! Сейчас только товарищ Молотов прилетит, в ладоши хлопнет – и войне конец.

Но Шелахов шутки не принял:

– Забелин, вам заняться нечем больше?

Из-за спин свиты маячил старший лейтенант Кулак, который командовал группой захвата аэродрома, и делал подполковнику отчаянные знаки. Наконец Забелин обратил на него внимание, заметив, как тот показывает большой палец: дескать, всё в порядке.

– Так точно, товарищ генерал-майор, нечем! Группа задание выполнила, Георгий Акимович

– Всё равно не мешайте! А это кто? – генерал перевёл удивлённые глаза на Прокофьева, который до сих пор продолжал безглаголиво держать на вису притихшего японского поручика.

– Бузил фулюган! – пожал плечами Василий.

Тогда генерал Шелахов на довольно бойком японском объяснил Хате, что, мол, ещё одна такая выходка – и всё это хозяйство будет подвергнуто уничтожающей бомбардировке.

Хата задумчиво пожевал сухими губами и с коротким поклоном произнес по-русски:

– Хоросо! Безоговорочная капитуляция.

– Что ж он молчал, как архиерей на чаепитии, коль по-нашему кумекает? – недоуменно спросил сержант Малыгин.

– Эх ты, сельпо... Это ж политес – дипломатическая церемония, понимать надо! – наставительно поднял палец Пётр Хренов.
– Пошли, ребята! Кажись, конец...

***

Очередной «дуглас» приземлился в аэропорту Харбина, на аэродромной вышке которого гордо алел красный флаг. Генерал Хренов по-молодому резво первым спустился с трапа. Он уже знал, что операция «Мост», этот последний мост к Победе, прошла успешно. Ему доложили, что потери минимальные. Но на душе всё равно скребли кошки. Он не знал, жив ли самый для него дорогой из всех лейтенантов на свете – лейтенант Хренов?

А чего он ещё не знал, так это то, что в это самое время далеко в Кремле Верховный Главнокомандующий, выслушав доклад своего помощника, с восхищением воскликнул, пыхнув трубкой:

– Какой опять молодэц этот Хренов! Его орлы за день сделали то, что планировалось на месяц! Наградите всех!

Поодаль сгрудилась группа усталых солдат и офицеров – курили, травили байки, подтрунивали друг над другом. Ноги будто сами понесли туда Хренова, потому что сквозь громовой хохот десятка глоток ему отчётливо слышался знакомый до слез заразительно-весёлый смех. Как-то быстро повзрослевший красавец-лейтенант в лихо заломленной на затылок фуражке, хитро – похреновски – прищурив глаза, рассказывал своим боевым друзьям что-то забавное. А те – старые матёрые ворчуны-сапёры – смотрели на своего молодого командира с такой искренней любовью, на которую мог ещё быть способен только один человек на земле – родной отец.

– Петенька! Сыночек, – только и смог тихо вымолвить генерал, но сын его всё равно услышал и, путаясь в полах широченного маскхалата, бросился к нему на шею.

И только теперь Аркадий Фёдорович впервые почувствовал, что все позади. Мир! И небывалое счастье захлестнуло мужественного генерала.

***

Именно об этой истории снят российский телесериал «Орден», в котором роль нашего земляка почётного гражданина города Очёра генерала Хренова исполнил актёр Александр Наумов, а его сына Петра – Никита Лобанов.

– Для меня это особенная роль, хотя мне не привыкать играть людей в погонах, – рассказал заслуженный артист России Александр Наумов. – Но генерал Хренов – это образец военачальника, мудрого, справедливого, совестливого, который бережёт своих подчиненных даже больше, чем родного сына.

Александр Наумов, сыгравший роль
Аркадия Фёдоровича Хренова

Никита Лобанов, сыгравший роль
Петра Аркадьевича Хренова

ГЕНЕРАЛ И ЧЕЛОВЕК

Впрочем, генерал Хренов известен не столько как разрушитель, оставляющий после себя искорёженное железо, груды развалин и горы вражеских трупов. Наоборот, он запомнился современникам как творец, созидатель. Труд сапёра – это ещё и разминирование вражеских мин, восстановление разрушенных войной городов и сёл, строительство дорог, мостов через водные преграды – мостов к Победе.

Много Хренов сделал и для развития военно-инженерной науки после войны: почти все советские прославленные сапёры горды тем, что считают себя его учениками. Но самое, пожалуй, главное, что Аркадий Фёдорович при всём блеске генеральских звезд никогда не был таким солдафоном. Все, кто его знал, подчёркивают исключительную интеллигентность Хренова, скромность и вместе с тем – непоколебимую твёрдость характера, когда дело касалось вопросов чести, правды и справедливости. Даже перед грозным и непредсказуемым в своем поведении Сталиным. И, как вы догадываетесь, все эти качества явно не способствовали карьерному росту и должной оценке заслуг генерала ни в сталинские, ни в хрущёвские, ни в брежневские времена.

Вот строки из воспоминаний военного корреспондента Ивана Дмитриевича Пыжова, друга Константина Симонова: «Какие только темы мы не обсуждали! Бывало, спорил с ним, с чем-то не соглашался. А он? Вскипит, соскочит со стула, отойдёт в сторону, помолчит и примирительно скажет: «Извини, вероятно, я неправ». Как это важно, когда генерал не убивает в себе человека! Честность, готовность в любой ситуации не втереть очки, а настоять на правде, какой бы горькой она ни была. Хоть перед командующими фронтами, хоть перед самим Верховным, даже в обстановке 41-го, когда все были нервными, выбитыми из колеи неудачами на фронте».

Аркадий Фёдоровича я знаю с Великой Отечественной.
Все эти годы мы регулярно переписывались. И надо отметить,
что он весьма аккуратен в таком деле. Я бывал у него не
раз, ещё в те годы, когда жила была Софья Васильевна. Между
ду собой мы очень открыты; выказывались открыто о том,
что думаем по какому-либо поводу. Если я не согласен с
ним, — спорю, возражаю, не бужу на эжикет поведения. Он
не сердится. Мы и ущем пьём.

А. Ф. Хренов — весьма объективно интеллигентный генерал. Может
быть эта черта характера и стала причиной тому, что он
в 20-е годы нашей Победы, когда почти все генералы и адми-
ралы, участники войны, вставали перед Героями, его обогнал
этой наградой. (Звезду Героя он получил за примерно капита-
нство). А между тем, вклад А. Ф. в дело Победы настолько велик,
что выдана звезда Героя ему должна была принадлежать по

Письмо И. Д. Пыжова, где он говорит о заслугах А. Ф. Хренова

В этом был весь настоящий Хренов: тот, что не слаще редьки для трусов и шкурников, и добрый товарищ для тех, кто в трудную для страны минуту не спасовал, не бросил винтовку и верил, что после июня 41-го будет и май 45-го.

А в 2020 году к 75-летию Великой Победы на телеканале «Звезда» вышла передача «Легенды армии», посвящённая генералу Аркадию Фёдоровичу. Ведущий Александр Маршал пригласил на нее одного из сыновей Хренова¹ — Бориса Аркадьевича, доктора физико-математических наук МГУ, сотрудников военно-инженерной академии, известных военных историков и музейных работников. Все они поделились любопытными фактами героической биографии генерала и были единодушны в оценке его боевых заслуг: Аркадий Фёдорович Хренов — один из самых ярких героев Великой Отечественной, наряду с Жуковым, Василевским,

¹ К сожалению, 9 июля 2021 года Борис Аркадьевич Хренов скончался, так и не дождавшись выхода этой книги, которую так хотел прочитать.

Рокоссовским, Коневым, Толбухиным... Боевой товарищ Хренова военный публицист Иван Дмитриевич Пыжов писал: «А.Ф. Хренов – весьма объективно мыслящий генерал. Может быть, эта черта характера и стала причиной тому, что в 20-летие нашей Победы, когда почти всем генералам и адмиралам, участникам войны, давали звёзды Героев, его обошли этой наградой. <...> А между тем, вклад Аркадия Фёдоровича в дело Победы настолько велик, что вторая звезда Героя ему должна была принадлежать по праву. Первые наши города-герои Одесса и Севастополь обязаны ему за несокрушимую инженерную оборону».

Аркадий Фёдорович никогда не забывал про родной Очёр. Он всегда интересовался событиями в районе, переписывался с нашими земляками – ветеранами войны, как только позволяло время и здоровье – навещал свою малую родину. Вот как об одной из поездок вспоминает известный писатель и краевед, почётный гражданин Очёра Алексей Дубровин:

– Для меня и моих друзей Аркадий Фёдорович – пример жизнелюбия. Видимо, человек, приехав на малую родину, был счастлив, радовался общению с земляками, с ветеранами и молодёжью. Даже говоря о войне, генерал не сдвигал сурово брови, на лоб его не ложились морщины. Нет – он был горд, что служил в Красной, позднее – в Советской армии, что армия эта с честью защитила Отечество, что он – потомок очёрских рабочих и крестьян – не только выжил в страшной бойне, но внёс существенный вклад в разгром врага. Не напускная гордость, а естественная – за успехи личные и на государевом поприще нам, слушателям, подсказывала – стремитесь быть мастерами своего дела, и всё получится.

Смысловые примеры образцового выполнения долга сквозили в рассказах о боевых операциях во время Финской кампании. Аркадий Фёдорович смог спрогнозировать, как финны, заняв деревню, расположат штаб именно в том доме, где Хренов в баке с питьевой водой оставил «подарок». Финны заняли тот дом и всем штабом подорвались... Рассказ следовал за рассказом, а мне всё было уроком: тут важны знания в инженерном деле, там – сме-

А. Ф. Хренов в Очёре с сотрудниками редакции газеты «Знамя труда» и краеведами

калка, смелость. Думаю, Аркадий Фёдорович являлся для нас воплощением мудрости и славы. Причем второе стало следствием тяги к знаниям и, как бы высокопарно ни звучало, любви к Родине, к Очёру, к его полям, пруду и, конечно, к заводу. Так мы напитывались мыслями-ответами – зачем живёт человек, какую судьбу он себе готовит, справится ли с трудностями. И ответы для меня были очевидны: всё получится, было бы желание!

Генерал Хренов постоянно встречался с трудовыми коллективами, принимал деятельное участие в судьбе фронтовиков – улучшении их жилищных условий, помогал решать бытовые проблемы. Через Всесоюзный Совет ветеранов, где Хренов пользовался огромным авторитетом, он устраивал очёрских ветеранов на лечение в госпитали, доставал лекарства. Аркадий Фёдорович

не стеснялся стучаться в любые двери, стыдил нерадивых чиновников-бюрократов, мог дойти до самого генсека Леонида Ильича Брежнева, если дело касалось кого-то из заслуженных фронтовиков. И всегда – искренне и бескорыстно. А вот о себе думал в последнюю очередь...

Известный журналист Евгений Петрович Пепеляев однажды рассказывал мне, что когда в честь Аркадия Фёдоровича земляки хотели назвать одну из городских улиц, где-то в «верхах» запротестовали: фамилия, мол, неблагозвучная. Что ж, она действительно всегда была неблагозвучной: и для врага на фронте, и для разных лицемеров, подхалимов и подлецов в мирное время...

С внуком в Очёре

С О. Ф. Носковой – вдовой Героя Советского Союза Н. М. Носкова

С молодёжью Очёра

Встреча с ветеранами войны

За станком.
Мастерские ОИПТ

Очёр. На переднем плане – герой Сталинградской битвы П. А. Бурдин,
А. Ф. Хренов, директор ОМЗ К. П. Полихронов

Пионерский лагерь «Звёздочка»

Во дворе редакции газеты «Знамя труда»

Комбриг А.Ф. Хренов, инженер-подполковник А.Ф. Кравцев и инженер-майор А.Ф. Кузнецов в период испытаний группы «Подрывник» на Карельском перешейке в марте 1940 г.

Полковник Павел Горпищенко и генерал-лейтенант Аркадий Хренов на Сапун-горе

На Волховском фронте

За работой во Всесоюзном совете ветеранов

В Кремле: А. Ф. Хренов, С. Н. Денисов, Г. И. Кулик,
М. И. Калинин, С. К. Тимошенко, К. А. Мерецков

А. Ф. Хренов с женой, детьми и невесткой, Москва, 1961 г.

**ИГОРЬ ШАРДАКОВ.
РОЖДЁННЫЙ ЛЕТАТЬ**

В ЭТОМ ВЕСЬ ШАРДАКОВ

Моя фамилия – Шардаков. Поэтому совершенно естественно, что я всегда вольно или невольно интересовался биографиями знаменитых людей – своих однофамильцев. Их мало, но они есть. И след в истории оставили довольно заметный.

На всю планету прославился сын оханской земли заслуженный художник России Павел Фёдорович Шардаков, чьи великолепные полотна украшают музеи и частные коллекции по всему миру. Большой друг писателя Виктора Астафьева и создателя живописного этнопарка в Чусовом Леонарда Постникова, именно по его проекту воздвигнут памятник Уральскому добровольческому танковому корпусу, что на Сибирской улице в Перми.

Широко известен и чемпион мира по хоккею с мячом краснотурьинец Юрий Шардаков, ныне защищающий цвета армейского клуба из Хабаровска. При упоминании о нём до сих пор восторженно цокают языком признанные короли бенди – шведы.

Ещё есть такой доктор медицинских наук, врач-гематолог профессор Виктор Иванович Шардаков, чьими разработками, спасая людские жизни, успешно пользуются медики всего мира.

Однако самой заметной фигурой, что носит мою фамилию, бесспорно, является один из лучших лётчиков Великой Отечественной, непревзойденный ас-истребитель, Герой Советского Союза и прототип героя самой популярной кинокартины о войне «В бой идут одни "старики"» Игорь Александрович Шардаков.

Когда мой отец, Алексей Николаевич Шардаков (тоже известный, кстати, учёный-почвовед) работал в Крыму, он часто посещал краеведческий музей в Симферополе. Увидев на одном из стендов знакомую фотографию, он с изумлением прочёл аннотацию: дескать, Игорь Александрович Шардаков родился в Симферополе. Он подозвал служителя музея и попросил:

– Исправьте, пожалуйста, неточность! Игорь Шардаков рождён у нас, на Урале.

– Хм, что значит у нас? На каком ещё таком Урале? – музейный работник подозрительно покосился на отца. – Много вы понимаете, товарищ! Как ваша фамилия?

– Шардаков, – скромно ответил отец и добавил: – У нас в Очёре Шардаковых больше чем Ивановых в СССР.

Через много-много лет мне тоже пришлось убеждать в прикамском происхождении Игоря Шардакова его друга и однополчанина – дважды Героя Советского Союза Виталия Ивановича Попкова. Но речь об этом пойдет чуть ниже...

А когда мне было лет десять-одиннадцать, отец привёл меня к Дому Офицеров в Перми и показал на мемориальную доску, где вычеканены фамилии Героев Советского Союза:

– Смотри, сынок, какая у тебя фамилия! Не опозорь ее!

«Шардаков Игорь Александрович» – с тех пор и навсегда вычеканено в моей памяти.

Повзрослев, я стал собирать материалы про героя-лётчика. Нашёл их не так много, но зато ещё живы были очерцы, которые знали Игоря Шардакова лично. Мой дед Пётр Иванович Пискарёв – герой обороны Одессы и Севастополя; его сестра – Валентина Ивановна Кулындышева, председатель Очёрского райисполкома; участник Сталинградской битвы Павел Александрович Бурдин; танкист полковник Константин Владимирович Россомагин; журналист и фронтовик Евгений Петрович Пепеляев. Все они понемногу рассказывали об Игоре Александровиче, его корнях, подвигах, постепенно составляя образ героя.

Игорь Александрович Шардаков.
Фото из семейного альбома

Когда автор учился на историческом факультете Пермского государственного университета, преддипломную практику ему случилось проходить в Москве. Научный руководитель, доцент Владислав Владимирович Мухин, подписывая сопроводительные документы, посоветовал:

– Найди время – съезди в Подольск, в военный архив. Может, что-то и найдешь про Шардакова, – и, попыхивая папироской-беломориной, хитро поглядел на меня из-под очков.

«И откуда ж он все прознал? – мысленно удивился я. – Ведь ни словом ему не обмолвился о своих изысканиях».

– Это был настоящий герой, – сказал Мухин, после чего во второй раз в жизни я услышал: – Не опозорь фамилию!

А двадцать лет назад мне вновь надо было выехать в столицу – уже по газетным делам. Тогда на всю страну гремело имя Виталия Ивановича Попкова – знаменитого лётчика, прототипа капитана Титаренко в фильме «В бой идут одни "старики"». Я уже знал, что Попков воевал в одном полку с Игорем Шардаковым. Закрадывалась крамольная мысль: может, мой земляк тоже был прототипом? Хотя бы того самого старшего лейтенанта Скворцова, на которого молодой Игорь Александрович так чертовски похож...

В совете ветеранов Ленинского района Перми мне дали домашний телефон Виталия Ивановича – бывший партизан и сын полка, преподаватель фармакадемии, полковник Григорий Леонтьевич Кузнецов обменялся адресами с Попковым на одной из встреч-конференций ветеранов войны. Не надеялся я, что дозволюсь до героя-авиатора, но, когда в трубке телефона-автомата прозвучало уверенное «Слушаю вас!», у меня едва не спёрло дыхание.

– Виталий Иванович, здравствуйте! Вас беспокоит журналист Максим Шардаков из Перми. Я хотел бы встретиться с вами по поводу статьи про Игоря Александровича Шардакова, вашего сослуживца...

– Что-что? Шардаков? – оживился Попков. – О, господи... Не Игоря ли Саныча сынок?

– Нет, – говорю. – Даже не родственник – земляк.

– А почему Пермь? Разве Игорь не из Крыма? – удивился Виталий Иванович.

– Нет, – отвечаю. – Игорь Александрович родился в Оханске, а потом долго жил в Очёре. Так что он наш – коренной уральский.

– Каким временем располагаете? – по-военному спросил Попков. – Я через тридцать минут буду в сквере недалеко от здания Минобороны. Знаете такое? Сможете прибыть?

– Так точно! – привычно ответил я, так как сам ещё пару лет назад носил погоны. Военная косточка – она ж на всю жизнь...

***

Попков – в генеральском кителе, с двумя Золотыми Звездами над обширной орденской колодкой – пытливо взглянул на меня из-под по-брежневски кустистых бровей:

– Правда, что ли, не родственник? А ведь как вылитый – Шардаков!

Я показал ему фотографии Игоря Шардакова, которыми меня снабдили сотрудники Очёрского краеведческого музея. А Виталий Иванович продемонстрировал мне свой альбом, где с пожелтевших от времени снимков улыбались лётчики той самой «второй поющей» эскадрильи и знаменитого 5-го Гвардейского авиаполка. «Иных уж нет, а те далече», – грустно процитировал Пушкина Виталий Попков. – Вот Серёжа Глинкин – мой бесстрашный ведомый, – указал Виталий Иванович на молодого лейтенанта. – А это Петя Кальсин – он погиб в 43-м. А вот Иван Лавейкин – Герой Советского Союза. Слышали, что его сын Саша – лётчик-космонавт? И тоже Герой!

Хорошие русские лица. Гордая осанка. Неподкупный взгляд. Ах, как хочется быть похожим на них...

– Ба-атя! – с придыханием вымолвил Попков, погладив пальцем изображение молодого майора с шлемофоном на забинтованной голове. – Василь Саньч. Тут он после ранения...

Виталий Иванович Попков – ветеран 5-го ГвИАП

– А вот и Игорь, – Виталий Иванович пристально смотрит на фотографию, с которой из 1944 года на потомков глядит ладный парень в форме с капитанскими погонями, со звездой Героя и тремя орденами Боевого Красного Знамени на груди. – Посмотри, Максим, как старается он выглядеть взрослее и солиднее. Сколько тут ему? 21! «Старик» по военному времени...

На следующей странице снова Игорь Шардаков – у самолёта, рядом с краснозвёздным Ла-5...

– Ну не красавец ли, а? – восклицает Виталий Иванович. – Знаешь, Максим, твой земляк был лучшим лётчиком из всех, кого я знал. Да-да, не удивляйся! Я ведь этот альбом показывал Леониду Быкову, когда встречался с ним перед съёмками фильма.

Лёня сразу обратил на него внимание:

– А это кто? Голливудская фактура. Жив?

– Заместитель командира полка Игорь Шардаков. Жив, но на

Лётчики «Второй поющей»

кино не пойдёт. Не любит, понимаешь, он почему-то всего этого...

– Тоже пел?

– Ещё как! Тенор! Хоть в Большой театр.

Сразу вспомнилась сцена из фильма: «Ну, мы когда-нибудь услышим лучшего тенора 1-го Украинского. – Будущего солиста Большого театра? – Так это запросто!». И песня, пробирающая до слёз:

– Ніч яка місячна, зоряна, ясна!

Видно, хоч голки збирай

Вийди ж, кохана, працю зморена

Хоч на хвилиночку в гай...

С Виталием Ивановичем мы договорились встретиться 9 мая 2010 года. Но смерть, увы, не щадит фронтовиков. Он три месяца не дожид до 65-летия Великой Победы. А сколько мог ещё рассказать об Игоре Шардакове и своих героях-однопольчанах...

– Вот приедешь следующий раз, Максим, покажу тебе фотографии из Кремля, когда нам с Игорем вручали Звёзды Героев, – обещал Попков. – А потом мы с тобой пойдём в музей 5-го Гвардейского полка!

Не откладывайте в долгий ящик добрые дела...

***

– Когда кончится война, вернёмся мы сюда. Пройдём по этим местам. Кто останется в живых...

– И позовём лучший симфонический оркестр! И как вжарим «Смуглянку» – от начала и до конца...

Маэстро (из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

«Надо же – уже тепло, почти как в Крыму, – Игорь снял шинель, которую, выходя на воздух, набросил было на плечи. – Вот она какая, проклятая Германия...»

Игорь окинул взглядом чистое, без единого облачка пред-
рассветное небо. К шпилью островерхой кирхи пристроился сер-
пастый месяц, окруженный мерцающими звездами. На горизон-
те под аккомпанемент глухого грома полыхали зарницы. Но то не
зарницы вовсе и не грозы были – отголоски орудийных выстре-
лов и вспышки снарядных разрывов. Наступление идет, добива-
ем Гитлера, как никак...

«А в Очёре, без сомнения, ещё мороз и снегу по самые кры-
ши. Вот бы сейчас туда!» – замечтался лётчик.

Быстро, как «Лавочкин» в небе, пронеслись в его голове
добрые до слёз воспоминания о счастливом детстве, проведен-
ном в маленьком рабочем поселке, что притаился в глубине
уральских сосновых лесов.

Бодрящий гул заводского гудка, торопливый перестук куз-
нечного молота, временами взрывающий патриархальную тиши-
ну. Зеркальная ширь огромного пруда с шишаком живописного
острова, что словно гигантский кит всплыл посреди водной гла-

ди. Умощенные шаткими дровяными тротуарами улочки, утопающие в осенней грязи.

Отчий дом – уютная в своей простоте изба рабочего человека. У белёной печки, почесывая бороду, примостился дед Илья – чинит валенок, истрепанный на игрищах егозистым внуком. Любая работа спорится в его крепких, с литыми мускулами молотобойца руках. Хмурится, поглядывая на Игоря из-под круглых очков, но вдруг подмигнет и улыбнется: «Спи, давай! Завтра с утра пораньше в Барский лес за ёлкой двинем. Лыжи-то смазал или позабыл?» Но внук, притворно смежив веки, молчит: самодельные, ядрёно пахнущие смолой-перегонкой лыжи он ещё третьего дня безнадежно изломал, кубарем кувыркнувшись с трамплина на Опасном спуске – ой, и бу-удет ему от дедуни люлей-разлюлей...

Промелькнули задорные – рты до ушей – лица очёрских ребят, верных друзей-сотоварищей. Заводные, задиристые, непослушные пацаны и девчата. Весело с ними было: пышкарили в бору, вицами выгребая из кострища обугленные картошки-печёнки, удили жаднющих окуней на мельничной яме, бегали по ягоды-грибы под Кекру или на Веселковские сколки. Бомбочки бахали, пулялись из луков. Катались на рогожках и козлиных шкурах с обледеневшей Данилки – крутого угора, что на Кооперативной улице.

«Скоро Масленица – народ на Галечки пойдет или на Кукуй. Семьями, с гармозами, с винцом зелёным, – от тоски по родным местам у Игоря заломило в висках. – Хотя, какие там к чёрту Галечки... Война! Не до гульбищ сейчас в Очёре: голодно, уж четвёртый год все от мала до велика – у станков или на пашне, почтальоны боятся в двери стучаться – похоронки пачками приходят... Но зато хоть немцев там не было!»

А Симферополь, куда Игорь после смерти отца переехал с мамой, долго был под грязным сапогом оккупации. Мать писала, сколько народу хорошего загубили в Крыму немцы с помощью

своих прихлебателей с белыми повязками на рукавах, сколько всего понарушили, испоганив цветущий курортный полуостров мерзостями «нового порядка»...

«А если б мы здесь так покуролесили, завоняли бы портянками весь этот цирлих-манирлих? Постреляли бы как собак или порвали на немецкий крест этих зигфридов, валькирий и нибелунгов недоделанных? – Игорь невольно сжал кулаки. – Так ведь нет – не так воспитаны. Унтерменши мы, по-ихнему – недочеловеки...»

***

Прошедший день был хмурым во всех отношениях. В первых, небо заволокло рваными сизыми тучами, изрыгающими липкую смесь дождя со снегом. Погодка самая что ни на есть нелётная – добрый хозяин и собаку на двор не выгонит. А ему пришлось поднимать на задание «вторую поющую», наполовину состоящую из «желторотиков». Возвратились ни с чем, ладно хоть сами живы остались...

Игорь вспомнил, сколь часто ему приходилось взлетать и не в такую непогоду. Как тогда на Северо-Западном, в 42-м: густой туманище – пальцев вытянутой перед собой руки не видно. Частая сетка мерзкой осенней измороси. Вместо аэродромной полосы – размичканная жижа. Самолёты нахохлились словно куры на насесте – ни за что не взлететь! А комполка Батю уже третий день тиранит сам командующий фронтом: вынь да положь разведданные – или ты никакой не Зайцев! А приказать Батя не имеет права, даже попросить не может – только глаза в сторону отвёл и губу прикусил: лететь в такую коловерть – верная гибель, все равно, что прямо здесь застрелиться...

Да как можно Батю, родного такого, и подвести! Не сговариваясь, вместе с Ваней Лавейкиным почапали по грязи к машинам, на ходу натягивая на головы сырую тяжесть шлемофонов. Разгон, туча брызг из-под шасси – и как только не угробились? Летели

вслепую, изредка переговариваясь по рации. Видимость – ноль! Но то, что требовалось, разглядели-таки и выполнили задание. Батя был так растроган, что не знал, чем нас угостить, куда усадить...

И вот к ночи, глядите-ка, распогодилось. Значит, завтра вылеты по распорядку – заявок много. Вот только Игорю вести в бой своих орлов уже не придется. Вчера врио комполка Рулин вручил ему долгожданное направление на учёбу в академию. Вот оно – карман греет. А значит, расставание близко. С самыми лучшими на земле парнями, с которыми за три года успел сродниться, спеться и слетаться. Это – во-вторых, почему вчерашний день был таким хмурым...

– Игорёна, ты так и не ложился, что ли? – в проёме двери показался Виталик Попков – лучший ас в полку. – Хоть бы покемарил чутка. Знаешь, на твою отвальную повара такую поросюку зарехнули – дивизией не съесть! И вина лафитнички полны – тут его полподвала напихано, видно, знатный фашист проживал. Ох и «отпразднуем» твой отъезд!

– А как же война? – улыбнулся Игорь. – Подшофе, что ли, полетите? Ведь мне в семь утра уезжать, а у вас – вылет на боевое. Из штаба предупредили – штурмовики давно уже на «низком старте». Погоды ждали.

– Ради такого случая по маленькой можно. Иль мы не русские? – Попков заразительно зевнул и пошел досыпать самые сладкие часы сна – последние. Или крайние? Лётчики – народ суеверный, пуще старух деревенских...

Игорь достал из уже собранного в дорогу трофейного чемодана потрёпанную тетрадку в дерматиновом переплёте – дневник. Хотя дневники были строжайше запрещены в действующей армии, душа лётчика, с детства необычайно «писучего и рисучего», не могла согласиться с драконовским приказом. Даже под страхом трибунала.

«Это же история наша! Кому-то ведь надо её сохранить, – считал лётчик. – Не дай бог, забудем. Такие люди были рядом со мной на этой войне! Когда-нибудь всё, что я тут пишу, выльется в большую хорошую книгу. Или фильм. Я верю в это!»

***

И Игорь писал обо всём, что видел на войне. Хорошее и плохое – дневник всё стерпит. Поначалу он хотел переслать его в Омск, куда уехала в эвакуацию его мама. Но не решился – мало ли что.

Друзья замечали, как Игорь часто замыкается в себе, усаживается где-нибудь в сторонке и что-то строчит на бумаге или рисует.

– Вот молодчина какой, Шардаков! – назидательно говорил лётчикам начштаба Калашников. – Не просто носится по небу как угорелый, а всё отмечает, анализирует, разбирает по косточкам. Потому и ас – герой! А вам бы только в футбол гонять, за девками шнырять да горло драть под баян. Артисты! Жоржики из Динкиджаза, блин...

Торопливо бегущие строчки и карандашные зарисовки на полях воскрешали страницы пережитого.

Первая страница: цепочка бойцов устало бредёт сквозь ночь. Штыки их трёхлинеек высятся на фоне зарева пожарищ. «Мы долго молча отступали»: «опять мы отходим, товарищ, опять проиграли мы бой»... Это давно уже отпылавший пожарами 41-й год.

Игорь вспомнил тревогу 22 июня. Он не был так наивен – давно ждал, что она вот-вот протрубит. Его «МиГ» был вычищен, заправлен, снабжён боеприпасами – готов к встрече с врагом.

А вот и враг – худотелый «мессер», что пытается зайти в хвост его товарищу. Атака, короткая очередь – и Me-109, отчаянно визжа, валится прямо на колонну своих войск. Как они разбегались – холёные, уверенные в себе «белокурые бестии» в мы-

шиного цвета мундирчиках! Сбитый «мессершмитт» проутюжил их, давя словно лягушат...

Другая страница – воздушный бой. Он идёт в петлю – я делаю «горку», он – стреляет, я – маневрирую. Чадный дым. Не за мной – за «мессером». Это – пятнадцатый. И далеко не последний. Или все-таки крайний?..

А вот до боли печальное – могила друга. Пирамидка с фанерной звездой. В его смерти больше других повинен я – такое не забывается.

Учительница литературы сейчас бы сказала: «Игорь, ну что за стиль? Отрывисто пишешь! Где же метафорический взрыв? Где эмоциональная глубина чувств? Эстетические оценки? Спустишься с неба, будь мягче...»

Могу и мягче. Но я же на войне, Нина Михайловна. Тут, знаете, у нас всё как-то жёстко и отрывисто. Вся жизнь как пулемётная очередь. И с неба я пока не могу спуститься, опустеет без меня оно...

Игорь, листая страницы, клюёт носом и постепенно засыпает: «который месяц не снимал я гимнастерку, который месяц не расстегивал ремней»...

А снился лётчику Симферопольский аэроклуб, куда его за руку привел Сергей Карпович Хачикян – инструктор планерного кружка.

– Мечтаешь о небе – это хорошо! Но что-то ты зелен больно. Мало каши ел?

– А Чкалова тоже кашей пичкали? – дерзит Игорь.

– Ну-у, Чкалов... Чкалов – это бог! Таких как он – раз, два, Байдуков, Беляков, Супрун да Громов. Вот вроде и обчёлся!

– Вот увидите, буду летать как они! Даже лучше. Не возьмёте – буду каждый день приходить сюда, ни в жизнь не отстану!

Игорь вспомнил радостную улыбку Степана Супруна, когда после первомайского парада в Москве он в расстёгнутой кожанке и лихо заломленной на затылок фуражке шёл по Красной площа-

ди в обнимку с товарищами-пилотами. И всего лишь через два месяца – уже без улыбки – Степан Павлович ставил задачу лётчикам авиаполков особого назначения, в конце каждой фразы почему-то останавливая строгий взгляд именно на Игоре – самом молодом в строю. А следующим утром он погиб...

А ещё через год командарм Михал Михалыч Громов, под чьим началом выпало служить Игорю, с грустью сказал, когда молодой лётчик выполнил целый каскад приёмов высшего пилотажа на глазах у высокого начальства:

– Завидую этому Шардакову! Мне б так летать...

Значит, всё-таки стал таким, как они, не подвёл Карпыча.

А тогда, изрядно повозившись с будущим асом, Хачикян буквально за руку отвёл Игоря в аэроклуб, к инструктору Гале Зиберовой. Красивая девушка, по которой безответно сохла половина мужского населения Крыма, мазнув взглядом по несозревшей фигуре Игоря, белозубо рассмеялась:

– Этот, что ли, будущая гроза неба? Орёл! Ишь как вылупился, глазастый! Не на меня смотри, шкет – в небо! – и щёлкнула пальцем по подбородку, захлопнув Игорю разинутый рот.

Напророчила... В 43-м Батя, после того как шатающийся от усталости Игорь доложил ему результаты разведки, притянул его за уши, смачно, по-мужски поцеловал, хотя таких нежностей за Зайцевым отродясь не водилось, и, не отпуская игоревских ушей, сказал собравшимся в блиндаже офицерам:– Ну как это он всё разглядел-то, а? Если я – голова полка, то мои глаза – это Игорь. Орлиный у тебя глаз, товарищ Шардаков!

За предвоенную десятилетку аэроклуб подготовил тысячи лётчиков, планеристов, парашютистов, многие из которых сражались с врагом во время Великой Отечественной войны. Одиннадцать воспитанников клуба стали Героями Советского Союза – именно там они встали на крыло.

Галя Зиберова быстро поняла, что за ученик ей попался: не только глазаст, но и умен, толков, бесстрашен. В 38-м она, и без

того красивая – глаз не отвести, принарядилась в свое лучшее платье и поехала вместе с Игорем в Качинскую военную авиашколу. Но начальник сразу позабыл про ее красоту, когда Галина сказала ему, подтолкнув перед собой скромно потупившегося Игоря:

– Принимай! Можно и без экзаменов. Он такие вещи в небе вытворяет, на что нам с тобой ни в жизнь не сподобиться...

– Да он, посмотри, какой шкилетина! – начальник училища аж вспотел от негодования. – Тут тебе не кружок кройки и шитья. Истребитель...

– Двадцать раз подтягивается на перекладине, «солнышко» вертит как циркач – залюбуешься! – пробовала сопротивляться Зиборова, но в приёмной комиссии всё равно дали от ворот поворот. Ладно, что ещё не знали, что Игорю всего три месяца назад стукнуло 16 лет...

Но обаяние Гали сработало: сговорились на том, что Игорь поедет в санаторий: дескать, откормится, подлечится, закалится – а там видно будет.

А через три месяца Игорь уже примерял кожаный реглан с про-

пеллерами на петличках и будёновку. И не беда, что он был младше своих сокурсников на два-три года. Спокойный, рассудительный парень сразу заслужил авторитет у своих старших товарищей.

В училище его взял под особую опеку инструктор Пётр Мефодьевич Большаков. Отличный пилот – будущий старший штурман 272-й авиадивизии, кавалер ордена Александра Невского. С ним Игорю довелось повстречаться на фронте, когда его истребитель сел на вынужденную на аэродром, где базировался 663-й ночной бомбардировочный полк, в котором служил бывший инструктор. Обнялись до хруста:

– Возмужал-то как!

– Да и вы ничего.

И до вечера из землянки слышалось частое: «А помнишь?»...

Вспомнить было что. Весёлые проделки Васи Сталина, слухи о которых доходили до Кремля. И оттуда прилетали нагоняи от самого вождя. Стёпа Микоян, которого заставляли сбривать щёгольские, как у Кларка Гейбла, усики. Смелый и энергичный, с пламенным мотором вместо сердца, Тимур Фрунзе. Когда в Качу, чтобы попроведать пасынка, приезжал нарком обороны Климент Ефремович Ворошилов, все сбегались поглазеть на всенародно любимого маршала. Погиб Тима... Ни секунды не размышляя, бросился на армаду из четырёх десятков самолётов. Помянули его с Мефодьичем по старому русскому обычаю...

Как и бесстрашного Лёшу Хлобыстова. Три тарана совершил, причём два – в одном бою. А погиб глупо – на облётке строптивного «Киттихоука», что шли из Америки по ленд-лизу.

До самой смерти не забыть Игорю своих однокашников, друзей небесной юности. Мужская дружба – она ведь бескорыстна...

Поэтому даже по ночам снились ему Ваня Фёдоров, что в драке с хулиганами потерял комсомольский билет, и потому ушедший на фронт без офицерского звания. Зато сбил потом 37

фрицев – меньше чем за два года! Саша Пчёлкин, что в училище был для юнцов настоящим старпером – аж 24 года было бывшему куму-пожарнику. Потом он станет верным ведомым Виталика Попкова и тоже Героем.

Но чаще всех Игорь будет вспоминать своего земляка-крымчака – Амет-Хан Султана. Потомственный горец-канатоходец, с детства не боявшийся любой высоты, в Каче, однако, больших надежд не подавал. Собранный был всегда, ответственный, но такими качествами в лётной школе никого не удивишь – все таковыми были по мере сил. Зато его гений раскрылся на войне. В небе «Султанчик» был словно ангел парящий. А для фрицев – демон, «Чёрный дьявол», от которого даже удрать было невозможно – оставалось только молиться своим гитлеровским богам и боженятам...

Лётное училище Игорь закончил в марте 41-го. Выдали ему, как полагается, кожаное пальто с ярко синими петлицами, на которых золотились крылья с пропеллером, шикарные ботинки с крагами, френч с необъятными галифищами, пистолет «ТТ» в заводской смазке, и отправился он на самое тревожное место службы – на западную границу, где, плотоядно облизываясь на нашу Родину, уже скалили свои окровавленные клыки нацистские агрессоры.

***

Игорь захлопнул дневник и посмотрел на циферблат командирских часов – близилось мартовское утро с жидким туманом, который через пару часов будет рассеян винтами моторов взлетающей в небо «второй поющей» эскадрильи. Его эскадрильи...

Лётчики 5-го Гвардейского просыпались без побудки: знали, что сегодня замкомполка Шардаков будет в последний раз ставить им задачу. Потягиваясь на ходу и изображая незамысловатую физзарядку, организованной толпой пилоты брели мимо

Игоря к столовой, где их ждало прощальное застолье. «Желторотики» почтительно козыряли, «старики» – улыбались и подмигивали. Здоровкались из положения «вольно» – им можно, к чёрту субординацию...

И вот уже сидят они за длинным рядом столов, раскулаченных на окрестных фольварках. Причёсанные, прихорошившиеся: форма вычищена, ордена блестят – можно свет не включать! Но куда им до Игоря...

Вот и он входит под аплодисменты и разнобойное пиликанье губных гармоник. Настоящий красавец, ему бы в кино сниматься! Брюки – в стрелку, нарядный китель сидит на его ладной фигуре, как влитой. Справа – гвардейский значок, слева – Звезда Героя, орден Ленина и целых три Красного Знамени – высшей боевой награды, самой почётной у лётчиков. Много это или мало? Для любого из присутствующих – иконостас, а для Игоря – считай, поскупились. «Но мы в огонь и дым идём не для наград...»

Игорь снял фуражку – волнистые волосы аккуратно зачёсаны назад (и чем он их только моет?). Ревниво огляделся – все ли пришли? Все-е! Не по долгу, а из уважения. Улыбнулся широко – и-и-и...:

– От винта!

– Есть – от винта! – ядрёно гаркнули пилоты, что аж кот с лавки сверзился.

Зазвенели разнокалиберные бутылки с разноцветным содержимым. Сомкнулись в тостах стаканы, трофейные рюмки и солдатские кружки – что кому досталось:

– Будь здоров, Саныч!

– Гляди, учись на пятёрки и веди там себя хорошо, а то Батю к директору вызовут!

– Спасибо за всё, товарищ гвардии капитан! Никогда вас не забуду!

– За Победу, Шардаков! За Победу! За Победу! За Победу, товарищи! – поочерёдно вставали офицеры и звонко чокались, расплёскивая вино. – Смерть фашистам!

– За Победу, родные мои! – едва не прослезился Игорь. – Летать с вами – честь для меня!

Он сделал для Победы много, ничего для неё не жалел и не берег, но понимал, что Гитлера разобьют уже без него. И развалинами рейхстага будут любоваться вот они – Виталик Попков, Жора Баевский, Саня Пчёлкин. И даже «желторотики», что сейчас, за столом, под взглядами начальства деланно скромно отворачиваются от выпивки и налегают на нехитрую закуску...

Слева направо: Г. Баевский, В. Попков, Е. Яременко. Осень 1944 г.

Когда торжественная часть закончилась, и от объятий и хлопков по плечам у Игоря приятно ныло тело, начштаба полка предложил:

– Чтобы не терять время, задачу на сегодня объявлю прямо здесь, если Игорь Саныч не против. Слушай боевой приказ! Противник закрепился в районе Баутцена. Полк Ил-2 проводит штурмовку передовых позиций, опорного пункта и второго эшелона линии обороны. Мы поддерживаем двумя эскадрильями. Первая – прикрывает, «поющая» – атакует. Вылет через 15 минут. Вопросы?

– Ясно, как всегда! – ответил комэск-2. – Но у нас Саша Мастерков не может лететь. Самолёт неисправен: повреждены шасси.

– Подлечить не успеете? Тогда его заменит лейтенант Александров!

На дальнем конце стола, едва не поперхнувшись хлебной коркой, вскочил долговязый юноша в нескладной гимнастёрке и радостно крикнул:

– Есть!

Лётчик совсем недавно прибыл в полк из училища, дни считал – очень боялся, что не успеет повоевать. Щёки у него зарумянились от гордости и волнения – всё-таки первый боевой вылет!

Но его радость оказалась преждевременной.

– Как так, он же ещё совсем желторотый? Рано ему! – чётко проговорил Игорь и, не слушая возражений, начал снимать китель. – Я полечу.

Повесив его на спинку стула, он решительно произнес:

– На данную минуту я всё ещё замкомполка! Так что нет, брат, шалишь! В бой идут одни «старики», как в старые добрые времена! Верно, братцы?

И, не дожидаясь сигнала ракеты, побежал к своему бывшему самолёту, на котором техники, ожидая нового хозяина, уже за-

крашивали на фюзеляже 25 звездочек – память о сбитых Игорем фрицах.

***

На беззащитные сзади и сверху Илы, как мыши на сыр, вынырнули тупоносые «фоккеры» – исподтишка, нагло. Первым их заметил орлиный глаз Шардакова. С высоты он стремительно приближался к головному ФВ-190, пилот которого вот-вот хотел открыть огонь по «Илам». По сложившейся привычке, Игорь пёр на немца до тех пор, пока его машина полностью не затмит перекрестие прицела. Это чтоб наверняка!

Скупая очередь – и «фоккер» с оторванным крылом причудливо закувыркался на пути к земле. Остальные стервятники разлетелись врассыпную, словно тараканы от тапка – не тот уже пошёл фриц, жидковат против 5-го Гвардейского...

– Официальный двадцать шестой! – резюмировал Игорь результаты боя. – И этот уж точно последний...

Или все-таки – крайний? Ведь лётчики – народ суеверный...

«Сидя за торжественным столом во время проводов на учёбу в академию ВВС, Игорь узнал, что необходимо прикрыть группу штурмовиков Ил-2 и на это опасное задание летит необстрелянный лётчик, только что прибывший из училища. Без лишних слов сняв парадный китель, он сел в свой Ла-5 и в скоротечном бою вогнал в землю очередной немецкий истребитель. Сбил и поехал учиться. В этом был весь Игорь Шардаков!»

Дважды Герой Советского Союза,
генерал-лейтенант авиации
Виталий Иванович Попков

КРЕПКИЙ ОЧЁРСКИЙ РОД

Рассказывает старший научный сотрудник Очёрского краеведческого музея имени А. В. Нецветаева Николай Бесстрашников:

– Об Игоре Александровиче много писали в центральных изданиях и местной прессе. Коротко рассказывали о биографии, освещали славный боевой путь, но мы ещё мало знаем о нём как человеку, о его корнях.

Игорь Шардаков родился 19 апреля 1922 года в Оханске, где трудились его родители – Александр Ильич и Татьяна Ивановна. Его дед Илья Тимофеевич Шардаков работал кузнецом на Очёрском заводе. Семья была большая – четыре сына и три дочери.

Старшим был отец Игоря. Александр Ильич – один из организаторов комсомольского движения в Очёре, делегат пятого, шестого и седьмого съездов РКСМ, член коммунистической партии большевиков с 1919 года. Впоследствии он стал ответственным работником в ЦК ВЛКСМ.

Как писал выдающийся педагог и краевед Филипп Михайлович Малков в своем очерке «В Очёрской вотчине графа Строганова», Александр Шардаков был крупнейшим в СССР агрономом и метеорологом¹. Александр Ильич прожил короткую, но яркую жизнь (его не стало на 34-м году жизни). Когда он окончил Тимирязевскую сельхозакадемию, его, как одного из самых талантливых молодых учёных, оставили в этом старейшем вузе страны для подготовки к профессорскому званию. Перу Шардакова принадлежит ряд интересных работ по метеорологии, планированию зерноводческих хозяйств и методике преподавания сельскохозяйственных дисциплин. Он довольно быстро заслужил уважение со стороны профессуры академии, которая выдвинула его на должность заместителя директора по учебной части.

---

¹ ¹ Дубровин, А. А. Костёр краеведа Малкова / А. А. Дубровин. – Пермь : Богатырёв, 2012. – С. 156.

Что интересно, когда отец автора данной книги – Алексей Николаевич Шардаков – в 50-х годах прошлого века учился в аспирантуре Тимирязевки, то его научный руководитель профессор Панов не раз спрашивал, не приходится ли ему роднёй Александр Ильич?

«Как нелепо рано научный мир потерял такую светлую голову!» – так говорил о Шардакове учёный. Работая над диссертацией, отец постоянно пользовался трудами своего земляка и однофамильца, гордился его достижениями.

– Мама Игоря – Татьяна Ивановна Тиунова тоже была под стать мужу, делегатом 2 съезда РКСМ, в 1919–20 годах – председатель Очёрского волостного исполкома, – продолжает Николай Емельянович. – Александр Ильич и Татьяна Ивановна поженились в 1921-м. Но в те бурные годы у молодых активистов практически не оставалось времени на личную жизнь. Оба по горло были заняты партийной работой. Их часто переводили с места на место. В 1922 году семья переезжает в Пермь, а уже через год Татьяна Ивановна разводится с мужем и уезжает на партийную работу сначала в Нытву, затем в Большую Соснову. В 1925 году её переводят в Пермь, в окружной комитет РКП(б). До 1929 года она успела поработать в Кизеле, Лысьве, Мотовилихе.

И всё это время Игорь провёл в Очёре, который всегда считал своей родиной. Жил у бабушки по линии матери – Александры Яковлевны, но бывал и у дедушки – Ильи Тимофеевича Шардакова.

Александр Ильич
Шардаков, отец Игоря

Семья Шардаковых-Тиуновых, Очёр, 1925 г.

Верхний ряд: Валентина Ильинична Тиунова (Шардакова), Мария Ильинична Шардакова, Михаил Ильич Шардаков, Татьяна Ивановна Шардакова (Тиунова).

Средний ряд: Анатолий Иванович Тиунов, Александра Яковлевна Тиунова, Василий Тимофеевич Шардаков, Игорь Александрович Шардаков (7 лет).

Нижний ряд: Эмма Анатольевна Тиунова (3 года), Тамара Анатольевна Тиунова (1 год).

Мария Ильинична, родная тётка Игоря, рассказывала, что он любил озоровать. Придёт к деду зимой в мокрых валенках, и пока его валенки сохнут, стащит с печки её валенки и – снова бегом на улицу!

Александр Ильич не забывал Очёр, часто навещал семью, привозил рулонами материю, чтобы мама, Александра Алексеевна, шила одежду младшим братьям, сёстрам. Привозил гостинцы. И, конечно, очень любил проводить время с сыном.

Научные сотрудники Очёрского музея имени А. В. Нецветаева – И. В. Махначёва и Н. Е. Бесстрашников у стенда выставки, посвящённой Игорю Шардакову

А с 1935 года Игорь живёт в Крыму – в Симферополе, куда распределили его мать после окончания Тимирязевской академии. В 14 лет он поступил в планерный кружок, а затем – в аэроклуб, продолжая успешно учиться в школе.

Игорь очень любил свою маму. В нашем музее хранятся письма Игоря к матери в Омск из действующей армии. В них он крайне скупно рассказывает о своей жизни на фронте: 20 марта 1943 года пишет, что сбил Ме-109 и общий счёт побед перевалил за полтора десятка, что награждён вторым орденом Красного Знамени; в апрельских письмах жалуется на жару, головокружение, на то что плохо получился на снимке и попал в фотохронику ТАСС, вступил кандидатом в ВКП(б); в июле 1943 года пять дней был в доме отдыха. В письмах постоянно чувствуется забота о

родных: матери, братьях, отчине, которого Игорь давно уже называет отцом.

В одном из писем упоминается Валентина Ильинична Тиунова, тётка по отцу, которая тоже была на фронте, служила в госпитале¹.

В 2020 году Очёрская центральная библиотека при поддержке Министерства культуры Пермского края в рамках проекта «Треугольники судьбы» уже публиковала некоторые письма Игоря Александровича, о которых упоминает Николай Бесстрашников. Вот выдержки из них.

20.3.43 г.

Привет с фронта!

Добрый день, мать, отец и братишки!

Вот сижу сейчас в землянке, время свободное, решил черкнуть пару слов. Солнце хорошо греет, снег уже почти стаял, тепло, и мы сидим около землянки. Короче говоря – весна! На носу – лето...

...Живу я, как всегда, нормально. Служу, воюю. Не привыкать нам воевать! Награждён вторым орденом Красного Знамени. Как видите, за своего сына можете быть уверены в том, что он честно выполняет приказ вождя уничтожать и изгонять захватчика-немца. Сегодня «завалил» очередного «мессера». Пусть ощутит твёрдость земли русской!

Это уже за полтора десятка перепробовало их у меня. А сколько мои друзья их «просветили»! После войны будет большая книга, где все дела ребят наших будут описаны. В общем, даём гансам–адольфикам «прикурить» – только так!..

Ну, дорогие мои, пишите о своей жизни, что нового, интересного? Крепко целую, ваш сын – Игорь.

---

¹ Тиунова Валентина Ильинична – диетсестра в госпитале, работник политдела 3-го Белорусского фронта. На фронте – с июля 1941 года. Кавалер ордена Красной Звезды и многих медалей. Член КПСС с 1930 года. Председатель Очёрского горсовета. Долгое время работала в Совете музея им. А. В. Нецветаева (по материалам Книги Памяти Очёрского района, т.2).

9.4.43

Здравствуйте, óмцы!

Сегодня получил письмо от Лёни. Очень рад. Крайне удивлён, что цензура пропустила его каракули – можно их принять за шифр. Mamочка, передавай Лёне, чтоб он скорее учился писать, и потом пусть пишет русским шрифтом. А то, чего доброго, может выйти некоторая неприятность...

Ну, как ваша жизнь?

У меня всё по-прежнему. Вчера приехал из дома отдыха, отдыхал десять дней. Отдохнул неплохо, поднабрался сил, теперь снова за боевую работу взялся. Меня волнует одна вещь, я отправлял вам четыре денежных перевода и ни об одном из них не слышал от вас ничего. Неужели почта и тут начала барахлить?!

29.4.43 г.

Привет с фронта! Добрый день, óмцы!

Сегодня рано пришёл домой, есть пара свободных минут, решил черкнуть письмецо, а заодно послать фото со своей физиомордой.

На днях получил письмо от Валентины, говорит, что ты, мама, не пишешь ей... Работает она в госпитале, ребята – в Очере. Ну, а как ваша жизнь? Что нового? У меня всё по-прежнему нормально.

Прошу максимально ускорить ответ, получили ли вы все мои 4 денежных перевода, а то я собираюсь поднимать шум на почте.

У нас весна скоро пройдёт, если уже не началось лето. Температура доходит до +27⁰, хожу в одной гимнастерке. Скоро, на днях начнём купаться... Уже один раз мой нос успел облупить – смешно, но больно. Давненько не был я в таких климатических условиях – трудно привыкнуть.

Оформляюсь кандидатом в члены ВКПб – смею похвастаться... Вообще-то в скором времени должен разрешиться

Привет с фронта!
Добрый день маме, айз

Вой скру сейчас в землянке, вояет
свободная, решил перекрестить парочку слов...
Созиде каромо греш, смег' угре погр...
сжая, зейло, и мв следом акого земля
Кого говоря - босса! На носу - лево...
Как зам в судери погада! Бравда,
идна дайдез ко мне ваме ильво, где буди
ге писатъ го егаш марада, на сесса

За честь жены,
За жизнь детей,
За счастье Родины своей,
За наши нивы и луга -
Убей захватчика-врага!

ПРОСМОТРЕНО
Своей Цензурой
ВП
33

Кому
Тюльгане Ильяшине

Обратный адрес: 82 * полевая почта
25
И. А. Шардакова
(фамилия, имя, отчество)
Цена 6 коп. Тир. 1.300.000
* Самотечный, 17 Зак. 1126

Лист 9 из 11

Прощу, как только получше сообщайте, а
я ни на чору не верю в работу погр...
этом отношении. Это не только у мам
ранее илюзорнее, а у мамки.
И как, думате, не герю иадмеды в ро...
я, ве-же, вту абладар/своми, думам/се...
погрю гугар ро, го на мени буди а
совано на эри сведе.

Покр, до свидания!
Креико всех вас целую - ваш Ил-Игорь

Фронтовые письма И. А. Шардакова

более важный вопрос в моей жизни – поживём – увидим, и вы узнаете. Недавно оператор снимал для кинохроники. Интересно, как получусь. Если вам удастся этот журнал видеть – сообщите, а то я-то вряд ли смогу увидеть его. Если этот «один важный вопрос» разрешится, то побываю несколько дней в Москве. Если нет, то... долго-долго не видать мне столицы, как своих ушей...

Вы должны несколькими днями раньше получить мои письма и открытки. Я писал очень и очень много – в среднем через каждые 5–7 дней. Ну, а как Владька с Леней живут? Шлю им на кино и конфеты сто рублей в этом письме, пусть кушают сладкое, но не много, а то вот я сейчас крепко мучаюсь, сидя на кресле с раскрытым ртом перед зубным врачом. На мое счастье, врач опытный. А то бы хана Игорю Александровичу...

Чертовски плохо получился я на фотокарточке. Корреспондент приказал всем обязательно улыбаться, вот и вышла улыбка до самых ушей. И солнце глаза мои совсем закрыло, но... Что ж делать... Какой вышел уж... ничего не попишешь...

Ну, дорогие, разрешите на этом закончить свое длинное повествование.

Ложусь спать, а утром... Снова за работу!..

До свиданья! Крепко всех целую – ваш Игорь.¹

Автору удалось найти эту фотографию, на которой улыбающийся Игорь Шардаков был снят весной 43-го вместе с боевыми товарищами. Настоящий красавец, которому здесь ещё не стукнуло и двадцати одного года, но уже с тремя орденами Боевого Красного Знамени на груди – завидный жених! И недолго он после этого ходил в холостяках – уже осенью Игорь женился на под стать ему очаровательной девушке-военвраче Наденьке Трушко.

---

¹ Треугольники судьбы: сборник очерков и историй о солдатах Великой Отечественной войны / автор-составитель М. А. Шардаков. – Очёр : Центральная библиотека Очёрского городского округа, 2020. – 225 с.

Игорь Шардаков (слева) с боевыми товарищами (в центре – Василий Ефремов),
1943 г.

Трудно поверить, что за её внешней женственной хрупкостью таилась большая храбрость, что недоступна порой самым сильным с виду мужикам.

Надежда Прокофьевна была старше своего мужа почти на три года. Она прошла белофинскую войну и всю Великую Отечественную. Участница Сталинградской битвы. Её боевой путь впечатляет ничуть не меньше подвигов Игоря Александровича.

Парашютистка-десантница воевала в составе 23-й бригады ВДВ, которую бросали в самое пекло. В партизанском отряде в Белорусских лесах была военврачом. Молодая девушка без колебания согласилась участвовать в заброске десанта в фашистский тыл. После выполнения задания бригада три недели прорывалась к своим. Рядом с солдатами по болотам и грязи шагали пять девочек. Старшей женской группы была военврач Надежда Трушко. Раненых несли на самодельных носилках по минным полям, под обстрелом вражеской артиллерии. Ни стоны, ни жалобы – а

когда было нужно, девушки брали в руки автоматы. После прорыва вернулись на Большую землю оборванными, истощёнными, больными. За этот подвиг в июне 1942 года Надежда была удостоена ордена боевого Красного Знамени. А в то время ещё редко кто из представительниц прекрасного пола мог похвастать такой наградой, разве что только лётчицы...

Вот что рассказывает о подвигах Надежды Прокофьевны Шардаковой ветеран 41-й Гвардейской стрелковой дивизии писатель Алексей Ярошенко:

«...Нашли лошадь, телегу, и вот наш бригадный врач капитан медслужбы Надежда Трушко с пожилой партизанкой по лесным дорогам и просекам доставили раненых в партизанский госпиталь. Гостеприимные хозяева лесов приглашали десантницу отдохнуть, но Надежде нужно было догонять своих. Одна в незнакомом лесу. На каждой опушке или поляне можно нарваться на вражескую засаду. Нервы напряжены до предела. Выпорхнет птица, заскрипит дерево – каждый звук отдаётся в мозгу. Надежда Трушко догнала бригаду...

...Вскоре на тропинке мы увидели врача капитана медслужбы Надежду Трушко. Она еле шла. Пилотки на ней нет, лицо и руки в крови. Увидев командира бригады, Трушко направилась к нему.

Надежда Прокофьевна
Шардакова (Трушко)

– Товарищ подполковник, на поле остались раненые... Я им обещала вернуться, забрать...

Оказалось, что во время обстрела несколько человек получили тяжелые ранения. Их не заметили. Врач Трушко осталась на поле, где подразделения попали под обстрел, ползком обшарила его всё, перевязала каждого раненого. Потом перетащила всех в рожь (другого укрытия не было) и пошла, догонять бригаду. Командир послал за ранеными группу бойцов. Врачу можно было и не идти с ними – путь всем знаком, но Надежда Трушко всё же сама повела группу. Все раненые, оставленные на поле, были спасены»¹.

Её боевая биография очень сильно напоминает судьбу Тани Овсянниковой – героини трилогии Константина Симонова «Живые и мертвые». Обе по национальности белоруски, обе по медицинской специальности – зубные врачи, которым на фронте пришлось сменить бормашину на хирургический скальпель. Обеим девушкам пришлось вдоволь поскитаться по тылам врага, участвовать в партизанских рейдах. Обе, наконец, капитаны по званию, удостоенные орденов Красного Знамени. Что та, что другая – красавицы и своих будущих мужей встретили на войне.

***

– Во!.. Только дорогу старшим надо уступать...

– В трамвае – пожалуйста, но не в бою!

– Споёмся...

(из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

– Вот ты какой красавец стал! – молодой коренастый полковник с выбивающимся из-под фуражки смоляным чубом так хлопнул Игоря по плечу, что тот едва не присел. – Гер-рой!

---

¹ Ярошенко, А. А. На скрещении ударов : боевые действия 41-й гвардейской стрелковой Корсуньско-Дунайской ордена Суворова дивизии / А. А. Ярошенко. – Ленинград, 1977. – [338 с.] – Текст : электронный. – URL : https://41gvtd.ucoz.ua/_ld/0/8_-_.pdf (дата обращения: 10.08.2021).

Полковник достал пачку «Казбека», ловким щелчком выбил папиросу и небрежно отставил руку, этим жестом приглашая окруживших его лётчиков угощаться.

– Смотрите, что небо с людьми делает! – белозубо улыбнулся он, обращаясь к офицерам. – Вот был я дурак дураком, таким бы и остался шалопаем. А в Каче из меня человека выпекли. Больше того – крылья приделали! Вот и Шардаков, помню, приехал в училище сопляком-доходягой, без слёз смотреть было нельзя, а сейчас каков, а? И орденов больше, чем у меня!

– Зато у тебя звёзды на погонах потолще, Василий, – улыбнулся Игорь.

– Да что там звёзды... Эх, если б мне летать давали, как положено, а не пасли как козлёнка на лужайке. Ты понимаешь, они даже там, – тот, кого Игорь назвал Василием, указал на небо, – за мной следят. А я ведь – истребитель! Ты же знаешь! Умею я летать или нет, ты скажи им, а?

– Что за вопрос? В училище ты лучшим был. Ну, одним из лучших, – поправился Игорь, что не ускользнуло от полковника.

– А кто лучше летал? Ты, что ли? – он задиристо оглядел Игоря и, не давая тому и рта раскрыть, затараторил московской скороговоркой с чуть заметным акцентом. – А ху-ху не хо-хо? Вот ты сколько сбил? Пару десятков? Хм, мог бы и побольше за два-то года... Ты ж в спецназе у Супруна служил, что-то не больно там навоевал, летун! А давай схлестнёмся прямо сейчас? Слабо, герой? На спор, на коньячище! Ну-ка, где твой аппарат?

– Товарищ полковник, не надо! – запротестовал полный, с багровым как бурак лицом майор из свиты. – Опять ведь на вас нажалуются. Если Сам узнает, то вообще летать запретят!

– А, плевать... Труссы! Прихвостни б..., – сплюнул на траву полковник. – Виталь, дай по старой дружбе пролететься на твоём? – обратился он к скромно стоявшему чуть поодаль Виталию Попкову и, не дождавсь разрешения, резво побежал к «Лавочкину».

– А парашют-то! – за полковником одышливо погнался разом побледневший от страха майор. Но полковник его уже не слышал – в забеге победила молодость:

– От винта, черти! Даё-ё-ёшь!

– От винта так от винта, – пробормотал Игорь, вставая на крыло своей машины. – Чего зря орать-то...

***

Через десять минут Ла-5 Попкова залихватски, чуть попижонски, однако безошибочно, словно на учениях, приземлился и подрулил к группе офицеров.

– Сразу видно аса! Его бы к нам в полк! – Что ему полк? Ему дивизию скоро дадут! – Лётчик что надо! Видали, как он бочки крутил? И это на чужом-то самолёте. – Мастер! – делились впечатлениями пилоты, обсуждая только что закончившуюся прямо над ними боевой ничьёй воздушную дуэль.

– Ну как, погонял я тебя, Игорёк? Это тебе не с асами Геринга карусели крутить, мы кое-что и получше могём! Или не могём, а мógем? – на полковника было просто приятно смотреть. Он часто дышал, отфыркиваясь и отдуваясь. Глаза его искрились, слипшиеся от молодого здорового пота волосы ниспадали на породистый лоб. Открытая улыбка излучала столько добра – в тот момент он искренне был рад всем товарищам, кто делит с ним небо. Готов был всех разом обнять и для каждого сделать что-то приятное. Но моментами, особенно когда молодой полковник поворачивался в профиль, невзначай, всего лишь на мгновение проявлялся знакомый портретный образ, и тем, кто это замечал, хотелось встать по стойке смирно...

– Могём-могём... Я думал, бой учебный, а ты вон что вытворял, – засмеялся Игорь, отряхивая гимнастерку. – Слава богу, безопас Виталий не успел загрузить. А то, Вась, дал бы ты мне прикурить. Вот поэтому и не дают тебе летать: всех собьёшь – другим ничего не останется...

Василий Иосифович Сталин за штурвалом самолёта

– Ой-ой, какой остроумец, – полковник хрипло хохотнул. – Ты понимаешь, Виталик, ну никакой субординации, – обратился он к улыбавшемуся Попкову. – Насел на меня, как репей на жучкин хвост, и не отпадывает. Я – в петлю, он – в вираж, я выхожу – он опять тут как тут!

– Но вы его тоже подловили пару раз, – возразил Попков. – И что это за приёмчик такой хитрущий был? Гляжу, а самолёт, будто машина на шоссе, затормозил и остановился в воздухе. Страсть какая...

– Повторять не рекомендую, – сразу посерьёзnel полковник. – Один повторил уже. В гроб положить было нечего... Жена молодая, детишки... А я, как всегда, виноват!

К офицерам спешно, придерживая на ходу планшетку, приближался помначштаба. Ещё издали он закричал:

– Извините, товарищ полковник! Товарищи истребители, медосмотр проспали! С утра всех ждут, Батя ругается! Матом...

– Матом... Матом и мы могём! – усмехнулся полковник. – А что у них смотреть-то? Здоровые мужики как на подбор. Кровь с

молоком. Или так заведено у вас, на спирт проверяют? Зайцев, что, пьяных в полёт не пускает? А зря, так оно веселей помирать... А давай и я с вами! Не слушайте дурака, медицину уважать надо. На старости она нам ой как понадобится после всего этого... Или не доживем до старости, а, парни?

В тени берёзовой рощицы прямо не краю аэродрома стояла палатка-временка, где обитали медики. Работы у них в последние дни было не так много. Из-за непогоды полётов почти не было, а, значит, не было и сбитых, побитых, раненых и покалеченных. Если не считать, конечно, техника Макарыча, которого тяпнул за палец полковой пёс.

Поэтому медики придумывали всякие осмотры, обследования, заставляли дуть в разные трубки, жать динамометр, по сто раз измеряли рост и вес, а порой кололи какую-то дрянь. Вот и сегодня, похоже, намечалась подобная экзекуция.

Из палатки, морщась и потирая зады, по одному, по двое выходили лётчики и техперсонал. Увидав полковника, они, придерживая штаны, неловко пытались отдать честь или встать навытяжку.

– Да вольно, вольно, не на параде, голоштанники, – захохотал тот. – Не журишь, авиация! – скомандовал он сам себе и, картинно расправив плечи, занырнул в палатку.

Игорь услышал, как стоявший рядом немолодой боец аэродромной команды с лукаво-наивной физиономией рязанского курнофея, проводив взглядом полковника, благоговейно прошептал:

– Неужто им тоже уколы ставят, да ещё прямо в голые задницы? Ну, дела-а!

А из палатки тем временем послышался весёлый женский смех. Полковник просто сыпал шутками и галантными комплиментами – кто-то из медичек явно произвёл на него впечатление. Кто же это мог быть? В полку с женским полом было туговато. Ба-

тя к фронтовой любви относился скептически, в корне пресекал всякие лямурчики, поэтому медперсонал был по большей части усатым и бородатым – мужским. Юбку носила только одна пятидесяти-с-лишком-летняя медсестра Арина по прозвищу «всадница», данное ей отнюдь не за мастерство верховой езды, а за то, что лихо и больно, словно рапиру, всаживала иглы шприцев в тощие зады авиаторов. Поэтому желающих поухаживать за строгой дамой не находилось.

Тут двери палатки распахнулись, откуда стремглав выскочил полковник и кинулся к полю, где доживали свой короткий век последние осенние цветы. Нарвав их целую охапку вперемешку с травой, он побежал обратно и вдруг, о чём-то задумавшись, остановился и направился к Игорю.

– Ты женат, Шардаков?

– В смысле? – такого вопроса Игорь явно не ждал.

– Женат, спрашиваю, или где? Что застыл – может, зазноба имеется?

– Да как-то не успел я... Когда мне было? Я ж...

– На! – полковник сунул Игорю пахнувший веником букет. – Иди! Там судьба твоя, не профукай счастье!

Игорь, вытаращив глаза, силился что-то сказать, но полковник был настроен решительно:

– Ой, смотри, не опростоволопись, гвардеец! Не опозорь ВВС! Спроворишь – век помнить будешь Васю.

И лёгким тычком впихнул его в палатку...

***

Противным звуком сбрыкал тазик, о который Игорь нечаянно запнулся, влетев в двери. С улицы глаза его ещё не привыкли к матовому свету медицинского помещения, но красивую девушку в плотно облегающем стройную фигуру белом халате лётчик, которого в полку по-майнридовски звали Орлиным Глазом, всё же разглядел. Не мог не разглядеть...

Копна густых каштановых волос, на которых каким-то чудом держалась пилотка. Добрый взгляд умных с хитринкой красиво очерченных глаз. Слегка припухшие губы, уголки которых приподняты в лёгкой улыбке. А ещё под халатом угадывались гвардейский значок, орден Боевого Красного Знамени и погоны капитана медслужбы. Не фунт изюму!

– Ой, – остановился в нерешительности Игорь, нелепо сжимая похожий на воронье гнездо букет с торчавшими во все стороны цветами.

– Ой, – в глазах девушки на миг промелькнула искорка, и она тоже застыла в молчании.

Немая сцена прервалась понимающим покашливанием Арины-Всадницы, насмешливо поглядывавшей на молодых людей из-за ширмы.

– Раздевайтесь, товарищ, извините, не вижу вашего звания, – наконец очнулась девушка.

Игорь начал суетливо стаскивать портупею и прикоснулся к пуговкам гимнастерки.

– А вот гимнастёрочку можете оставить, – улыбнулась врач.

– Простите, – покраснел лётчик.

– А вот галифе попрошу!

– Что? А, да-да! Но мне уже вчера ставили, – проговорил Игорь, взглядом указывая на Всадницу.

– Это другое, – пояснила девушка-капитан, мило скосив глаза на иглу, выбрасывающую в потолок струю лекарства.

Укола Игорь даже не почувствовал. Но, видимо, слишком долго задержался на кушетке.

– Что же вы? Одевайтесь! – поторопила врач, но, увидев, что красивый молодой капитан со Звездой Героя на груди побледнел и покрылся бисеринками пота, спросила: – Или вам плохо? Беспокоит что-то?

– Теперь да, – только и вымолвил Шардаков.

Врачиха вскинула брови и с ещё большим интересом оглядела ладную фигуру пилота. Она молча задрала на нём гимнастёрку, и Игорь кожей ощутил прохладные прикосновения фонендоскопа. Прослушав, девушка обстучала ему всю спину и грудь тёплым кулачком, время от времени спрашивая: «Тут больно? А тут?»

– Вы здоровы, капитан! – заключила врач. – Здоровей я почти не встречала.

– Есть надежда, что мы снова увидимся? – неожиданно для самого себя осмелел Игорь.

– Я – Надежда!

– Простите, что?

– Вы про надежду спросили, так вот я – Надежда! Надя...

– Надя... Ой! – лётчик стукнул себя по лбу. – Вот дубина... Я – Игорь! Игорь Шардаков...

– Я уже посмотрела в документах, – сверкнула улыбкой Надя. – Рада знакомству. И я – есть! В смысле, как надежда. Если не забудете меня через пять минут, то увидимся, конечно. А венник можете оставить – пригодится. Мы, медики, чистоту любим...

Игорь словно на крыльях вылетел из палатки, даже попрощаться забыл. Он увидел, как к группе хохочущих офицеров, которым полковник рассказывал, видимо, что-то забавное, подъехал «виллис». Оттуда вылез высокий подполковник и, козырнув, доложил:

– ВАСИЛИЙ ИОСИФОВИЧ! ТОВАРИЩ СТАЛИН! ПОРА ЕХАТЬ!

– Одну минуту, – сказал Сталин и, прощаясь, начал пожимать руки лётчикам 5-го Гвардейского.

Последним потрепав по плечу Виталия Попкова, Василий стал озираться, ища кого-то глазами. Увидев у палатки Шардакова, он издали махнул рукой, показал большой палец и задорно подмигнул Игорю.

Игорь Александрович Шардаков и Надежда Прокофьевна Шардакова (Трушко), 1943 г.

Игорь машинально ответил теми же жестами. Его мысли блуждали и путались словно в тумане. Сам-то он вроде был тут, на аэродроме, провожая в путь своего однокашника по Качинской лётной школе и одновременно – сына отца народов Василия Сталина. Но душа его осталась там, в палатке с красным крестом. И больше не хотела оттуда выходить...

***

– После войны у супругов Шардаковых родилась дочь Маргарита, – рассказывает Николай Бесстрашников. – Игорь Александрович несколько раз приезжал в Очёр в гости. Гулял с дочерью по берёзовой аллее, встречался со строителями железной дороги Очёр-Верещагино, с трудовыми коллективами.

Игорь Александрович Шардаков умер в Симферополе в 1982 году. Похоронен с почестями, как и полагается его званию. Надежда Прокофьевна долгое время работала врачом в больницах Крыма. Дочь после окончания Симферопольского мединститута вышла замуж за морского офицера Михаила Соколова. Михаил служил в Мурманске, Маргарита работала врачом, была депутатом. Внук Игоря Александровича, Александр, тоже стал военным – офицером-подводником.

После смерти Игоря Александровича Надежда Прокофьевна связала свою судьбу с фронтовым другом Шардакова Павлом Трофимовичем Вакулиным. Такие случаи, согласитесь, не так уж и редки в жизни, литературе и киноискусстве, когда офицер считает святым долгом взять на себя заботу о вдове и семье погибшего или умершего боевого товарища.

Игорь Александрович и Надежде Прокофьевна Шардаковы с дочерью Маргаритой, 1958 г.

Маргарита Соколова (Шардакова) с мужем и сыном, 1974 г.

И. А. Шардаков со строителями трассы ж/д ветки Верецагино-Очёр, 1950 г.

После войны уроженец Белгородчины, кавалер многих орденов и медалей, полковник в отставке Павел Вакулин много сделал для увековечивания памяти лётчиков 5-го Гвардейского авиаполка. Вместе с В. И. Попковым, В. П. Рулиным и полковником-инженером Н. Г. Ильиным они создавали историю боевого пути героического подразделения. В этом деле им активно помогала и Надежда Прокофьевна.

Несомненно, наработки Вакулина использовал в своей киноленте «В бой идут одни "старики"» Леонид Быков. На фронте Вакулин был специалистом по обслуживанию авиатехники. Частенько ему приходилось приводить в порядок самолёты Игоря Шардакова после жутких воздушных боев. Так что вполне возможно, в образе Макарыча, которого так блестяще воплотил на экране актер-фронтвик Алексей Смирнов, есть частица и от Павла Трофимовича.

Честные, справедливые, с активной гражданской позицией, никогда не предававшие своих идеалов – сколько бы ещё могли

Алексей Смирнов
в роли механика Макарыча

Павел Трофимович Вакулин –
прототип Макарыча

сделать Надежда Шардакова и Павел Вакулин для истории, для людей, особенно – для подрастающего поколения. Но их жизнь оборвалась – жутко, дико, страшно! То, что случилось с ними... Эх, лучше бы я никогда об этом не знал и не услышал...

***

В роковой день 10 августа 2000 года Надежда Прокофьевна Шардакова вместе с Павлом Трофимовичем, как обычно, с утра занимались домашними делами. Ближе к обеду хозяйка, несмотря на одолевавшие ее недуги (возраст-то уже был за 80), занялась стиркой. Павел Трофимович в это время смотрел телевизор. Когда в дверь позвонили, он поглядел в глазок и увидел за дверью Валеру.

– Сейчас открою, Валерик! – с улыбкой сказал пенсионер.

Этого симпатичного на вид парня супруги-ветераны знали давно. Они жили на третьем этаже, а Валера со своей бабушкой – на первом. Так уж получилось, что родители воспитанием мальчика практически не занимались, с шести лет он был предоставлен сам себе. Часто Надежда Прокофьевна и Павел Трофимович жалеючи подкармливали голодного парня, пускали к себе в квартиру, чтобы мальчик как можно меньше наблюдал тот вертеп, что творился в его жилище.

Но, несмотря на все их старания и заботы, Валера все равно свернул на скользкую дорожку криминала. Связался с компанией подобных себе отморожков – пошли кражи, грабежи, хулиганство. Все эти забавы изрядно подкреплялись алкоголем, а затем и наркотиками...

– Проходи, Вале... – удар ножом и пожилой ветеран, не успев даже вскрикнуть, повалился на пол.

Следующей на очереди жертвой душегуба стала Надежда Прокофьевна...

Поживиться в квартире у скромно живших супругов было практически нечем – едва хватило на дозу...

Как же ты жил после этого, Валера? Неужели земля тебя носила? По совести, даже твои кореша или сокамерники должны были утопить тебя в параше...

***

Бывший глава Верховного Совета республики Крым, ныне лидер партии коммунистов, Леонид Иванович Грач был вне себя от гнева после этой трагедии: «Павел Трофимович Вакулин и Надежда Прокофьевна Шардакова были настоящими патриотами Крыма, настоящими коммунистами, они украшали город, укра-

Надежда Прокофьевна
Шардакова, 1978 г.

шали партийную организацию. Это те люди, которые боролись с пороками общества, выступали против всего того, что дало такие печальные результаты, которые, по сути, принесли им смерть...»

Вот что писала газета «Крымские известия» от 17 августа 2000 года о тех ужасных событиях: «Вчера в Симферополе в Доме офицеров состоялась траурная панихида, на которой из уст видных людей Крыма, руководителей, общественных деятелей, ветеранов войны и труда звучали слова гнева и скорби, сострадания родным и близким покойных супругов – ветеранов Великой Отечественной войны, полковника авиации в отставке Павла Вакулина и гвардии капитана медицинской службы в отставке Надежды Шардаковой, жизнь которых трагически оборвалась от руки убийцы.

Выступая на панихиде, Л. Грач сказал, что кошунственная смерть вызвала гнев, негодование, возмущение широких слоёв общественности. Погибшие – это те люди, которые «ценой своего здоровья, рискуя жизнью, прошли по самым страшным дорогам Великой Отечественной войны, победили кошмарный фашизм, дали многим поколениям жизнь. И столь трагично погибли от руки современного фашиста, которого породило сегодняшнее время, пришедшего грабить, мучить, убивать. Эта смерть не только потрясла нас всех. Эта смерть призывает ещё и ещё раз задуматься: какие времена, какие нравы сегодня? Почему нелюди могут появляться, почему могут идти грабить? Грабить того, кому мы все обязаны».

Обращаясь к присутствующим на панихиде городскому голове Симферополя Валерию Ермаку, руководителю фракции коммунистов горсовета Вячеславу Кутро, Л. Грач сказал, что «одна из улиц Симферополя должна носить имена этих двух легендарных крымчан» и это будет нашим «великим нравственным ответом на всё, что случилось и что до сегодняшнего дня происходит в обществе».

Обидно: замечательные люди, пережившие все беды и горести военного лихолетья, пали в мирное время от руки какого-то подонка. Разве заслужили они такое?

Похоронили Надежду Прокофьевну и Павла Трофимовича в Симферополе, на городском кладбище Абдал-1.

Но память об Игоре и Надежде Шардаковых, конечно, жива. Не только в книгах, статьях и монументах – главное, в людях, в родных и близких славных героев войны. Живут такие и в Очёре. Ведь род Шардаковых – старинный, большой и крепкий. Генеалогическое древо насчитывает почти десяток колен.

Внучатая племянница Игоря Александровича – Виктория – в 2014 году приняла участие в конкурсе «Помнить, чтобы жить», посвящённом 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Её работа, в которой рассказывалось о родословной семьи Шардаковых – ветеранах войны и труда – была особо отмечена жюри.

– Сразу видно, как Вика гордится своими предками, – сказала руководитель проекта и директор по развитию краеведческого журнала «Мы – земляки» Мария Дурбале. – А значит, она через всю жизнь пронесёт святую память о них и передаст её следующему поколению.

Вот выдержки из той работы:

«...Трудно передать моё волнение, когда из газетной статьи «Оханский тенор Первого Украинского» я узнала, что прототипом одного из героев знаменитого фильма «В бой идут одни "старики"» стал мой родственник – двоюродный брат моего дедушки Игорь Александрович Шардаков. <...> Старшая сестра моего прадеда Валентина Ильинична Тиунова приходилась Игорю Шардакову тёткой. Она тоже воевала, дошла до Победы и демобилизовалась только в 1946 году. <...> Муж Валентины Ильиничны Анатолий Иванович Тиунов не дожил до победы. Он был сержантом 16-й роты 338-го стрелкового полка. Известно, что он погиб в бою в 1944 году. У нас нет ни одной его военной фотографии. Но сохранились три его фронтовых письма. Непередаваемое чувство охватывает, когда я держу в руках эти семейные реликвии, которым уже более 70 лет...»

В НЕБЕ – СПЕЦНАЗ!

И много вёсен, много лет
Лежат, свершив святое дело:
В себя собрали ч ёрный свет,
Чтоб оставался белый – белым.

Фёдор Востриков

Что редко случается, по практически единодушному мнению военных историков, одним из решающих факторов успешных действий гитлеровских войск в первые месяцы войны стало то, что люфтваффе быстро сумело завоевать господство в воздухе. Этот момент отражён, пожалуй, почти во всех мемуарах военачальников, в многочисленных воспоминаниях ветеранов, в литературе и кинематографе о войне – под жуткий вой фашистских самолётов красноармейцы прячутся по щелям и окопам, разбегаются по обочинам рокадных дорог, в гневе и недоумении восклицая: дескать, нельзя поднять головы, где же наши «сталинские соколы»?

Надо отметить, что в конкретных воздушных боях превосходство люфтваффе не выглядело столь уж очевидным – в схватках «один на один» кадровые лётчики советских ВВС ни в чём не уступали немцам. Если гитлеровцы обладали превосходством в слётанности, навыках стрельбы, то наши пилоты имели явное преимущество в маневренных поединках.

Другое дело, что ВВС Красной Армии потеряли массу самолётов на земле, в результате бомбовых ударов в первые же дни и часы войны. Авиапромышленность ещё не была целиком перестроена на военный лад, поэтому восполнить ужасные потери было попросту нечем. Естественно, в небе сказывалась острая нехватка самолётов, особенно новейших конструкций. К тому же эффективность их применения оставляла желать лучшего. Большая часть подразделений ВВС находилась в оперативном подчинении сухопутного командования, которое в должной мере не обладало ни умением грамотно использовать авиацию, ни опы-

Степан Супрун – создатель
истребительных авиаполков ОСНАЗ

Пётр Стефановский –
командир И. А. Шардакова в 402-м ИАП

том взаимодействия с ней при планировании войсковых операций.

Люфтваффе же было независимым родом войск, и немецкие авиаторы были более самостоятельны при принятии решений и намного мобильнее при развёртывании. Одной из особенностей

тактики немецких ВВС было создание специальных подразделений – авиагрупп или даже целых эскадр, составленных из самых опытных лётчиков-истребителей. (С ними Игорю Александровичу Шардакову не раз приходилось встречаться в небе). Их использовали на острие главных ударов наземных войск или для того, чтобы расчистить небо для успешных действий бомбардировочных соединений. В результате, команда «Воздух!» стала самой применяемой в Красной Армии, и наши потери от действий фашистских стервятников были очень высоки. Не говоря уже о моральном факторе. «Не дай бог снова побывать под бом-

бёжкой!» – так говорили многие ветераны войны, кто ежедневно бывал в подобном аду в 1941-м...

Но всё равно было нужно хоть как-то противостоять чудовищному натиску – пусть силы и средства для этого были крайне скудны. Один из лучших асов того времени, лётчик-испытатель, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза Степан Супрун, не понаслышке знакомый с тактикой люфтваффе, предложил Сталину по примеру противника собрать в кулак лучших пилотов страны, чтобы дать достойный отпор обнаглевшему врагу.

По плану подполковника Супруна были созданы два истребительных авиаполка на лучших в то время самолётах – МиГ-3 – 401-й и 402-й. 401-й ИАП Степан Павлович возглавил лично. Формирование 402-го истребительного авиационного полка особого назначения началось уже на третий день войны – 25 июня 1941 года. Как отмечается в материалах Минобороны РФ, подразделение появилось по личному распоряжению И. В. Сталина, которое было закреплено в приказе наркома обороны СССР № 0044. Полки предназначались для действий на особо напряжённых участках фронта в качестве резерва Ставки.

Кадровую основу полка составили специалисты Научно-испытательного института ВВС и Наркомата авиационной промышленности, а также другие наиболее подготовленные лётчики, инженеры и техники, в срочном порядке отозванные из разных подразделений. Первым командиром 402-го ИАП был назначен друг Супруна – лётчик-испытатель Пётр Стефановский.¹

---

¹ Позднее Стефановский стал генерал-майором авиации и заслужил «Золотую Звезду» Героя Советского Союза. Так он вспоминал о создании полков ОСНАЗ: «Когда началась война, Супрун был в отпуске в Сочи. Но уже вечером 24 июня он был в Кремле на приёме у Сталина с предложением о создании авиачастей ОСНАЗ.

– Это очень хорошо, – произнёс И. В. Сталин, – что испытатели готовы помочь нам и на фронте. Но одного полка мало.

– Можно поручить моему другу подполковнику Стефановскому, – ответил Супрун, – организовать ещё один полк истребителей.

– Всё равно мало, – сказал И.В. Сталин. – Войне нужны десятки, сотни полков. Постарайтесь организовать в НИИ возможно больше добровольцев. Срок формирования частей – трое суток. По приезде в институт немедленно доложите, сколь-

Истребитель МиГ-3, на котором начал свой боевой путь И. А. Шардаков

Супрун и Стефановский лично отбирали кандидатуры. В приоритете были – боевой или инструкторский опыт, владение высшим пилотажем, умение управлять современными типами самолётов. Особенно – МиГ-3. Не секрет, что к началу войны не так много лётчиков были знакомы с МиГаами, их успели обучить лишь азам – взлёт, посадка, простейшие элементы пилотажа. Остальное планировалось наверстать в бою.

Младший лейтенант Шардаков был совсем ещё молодым лётчиком, однако имел важное преимущество перед остальными кандидатурами – он в совершенстве владел техникой пилотирования на новейшем по тому времени истребителе, имел более 40

ко полков можно организовать у вас на новых самолётах, и кто будет ими командовать. Все необходимые распоряжения будут отданы. Вам на период формирования предоставляются большие полномочия. До свидания. Желаю вам удачи, товарищ Супрун...»

часов налёта на нем. Что и показал буквально в первый же день войны, сбив в воздушном бою Me-109. Поэтому в начале июля 1941 года Игорь Шардаков в числе 24-х пилотов из приграничных авиачастей был отозван из 126-го истребительного авиаполка и прибыл в распоряжение Петра Михайловича Стефановского.

МиГи превосходили немецкие самолёты по скорости на высоте полёта более 5000 метров, а если надо, то могли забраться и на 12-километровую высоту. Однако на малых и средних высотах это преимущество таяло. В манёвренности наш истребитель тоже уступал, к тому же он имел довольно слабое вооружение – без пушек, только пулеметы.

Интересно, что многие опытные лётчики просто не справлялись с управлением и с облегчением пересаживались на устаревшие И-153 и И-16. Даже прославленные пилоты люфтваффе, испытывая захваченные на советских аэродромах трофейные МиГи, отмечали сложность пилотирования и поэтому презрительно называли наш самолёт «Иваном».

Тем не менее, в умелых руках «Иван» был отличным оружием, а на высоком потолке полета ему просто не было равных¹. Особенно, если лётчик обладал нестандартным мышлением в бою, применяя такие фигуры высшего пилотажа, на которые не был способен противник на своем самолёте. Многим приёмам Игорь Шардаков научился у нового командира 402-го полка Константина Груздева², который 15 июля 1941 года сменил на этом посту отозванного в Москву Стефановского.

В бою Шардаков начинал как бы играть в догонялки с противником, постепенно увлекая «мессершмитт» врага на высоту 5–6 километров. Там лётные качества МиГ-3 значительно улучшались, а пилоту Me-109 приходилось крайне тяжело и некомфортно. Лётчик люфтваффе из-за особенностей работы своего мотора на больших высотах никак не мог зайти в хвост советскому само-

---

¹ Впоследствии МиГ отлично зарекомендовал как высотный ночной истребитель-перехватчик в частях противовоздушной обороны, особенно при защите Москвы и Ленинграда.

² Груздев Константин Афанасьевич (1908–1943) – известный советский лётчик-испытатель.

лёту. Огонь его орудий и пулемётов был практически безопасен Шардакову, летевшему гораздо выше врага и под большим углом. Немецкому пилоту, увлечённому боем, приходилось постоянно следить за ускользающим МиГом, забывая, что скорость его машины на 5000 метрах стремительно падает. Этого-то момента и ждал Игорь Шардаков. Он выполнял классический ранверсман¹ и почти в упор расстреливал врага.

Такой способ ведения воздушного боя с использованием сложнейших фигур высшего пилотажа казался настолько рискованным, что поначалу Шардаков не верил в его возможность. Однако несколько боевых вылетов в паре с Груздевым убедили его в исключительно высокой эффективности хитроумного приёма².

МиГ-3 под управлением Игоря Шардакова был крайне опасен и для бомбардировщиков. 22 июля 1941 года аэродром, на котором базировался полк, подвергся бомбовому удару. Лётчик дежурного звена младший лейтенант Шардаков под бомбёжкой вылетел по тревоге. Через десять минут он догнал девять «юнкерсов» и бросился на них.

– Атакуя в просветы из-под облаков, Шардаков с быстротой молнии поражал моторы бомбардировщиков противника, – рассказывает историк Николай Бесстрашников. – В тот день он сбил три «юнкерса». Увлёкшись боем, не заметил, что закончились боеприпасы и горючее. Пришлось садиться на недееспособный аэродром. Горючее подвезли только к ночи, и взлетать Игорю пришлось в тот момент, когда немцы уже прорвались к аэродрому!

Счёт воздушных побед 402-й ИАП открыл уже 2 июля, сбив четыре немецких самолёта на Северо-Западном фронте – три

---

¹ Ранверсман – одна из самых трудновыполнимых фигур высшего пилотажа, позволяющая быстро на 180 градусов изменить направление полета без потери высоты.

² В 1942 году Игорь Шардаков поделился «груздевским» опытом со своими товарищами из 5-го Гвардейского авиаполка, но уже на самолётах ЛаГГ-3.

немецких бомбардировщика Ju-88 и один разведчик Hs-126, который корректировал бомбометание. Только за первые три дня боёв лётчики 402-го ИАП вогнали в землю двенадцать самолётов люфтваффе.

Однако силы были слишком неравны. Полк тоже нёс потери. Авиаторы воевали в условиях крайней нехватки матчасти, особенно моторов для МиГ-3. Изношенность двигателей и самолётов отрицательно сказывалась на боеготовности. Тем не менее, личный состав делал всё возможное и продолжал сражаться.

До 11 июля 1941 года 402-й ИАП вёл напряжённые бои в районе Невеля и Великих Лук. К этому времени в полку остались только три (!) боеготовых самолёта, в том числе и МиГ Игоря Шардакова. Ему приходилось совершать по несколько боевых вылетов за сутки – с утра до ночи. Времени и сил не было даже на то, чтобы элементарно поесть – только спать, чтобы с рассветом вновь подняться в воздух. Такой невыносимый график полётов, что выше человеческих возможностей, потом ещё аукнется на здоровье Игоря Александровича – его долго, на фронте и после войны, будут преследовать приступы головной боли, жуткая слабость.

Всего за время Великой Отечественной войны лётчики 402-го истребительного авиационного Севастопольского Краснознамённого ордена Суворова полка особого назначения уничтожили 810 машин противника на земле и в воздухе, став самым результативным формированием ВВС Красной армии и вторым по количеству сбитых в воздушных боях. Таким образом, Игорю Шардакову посчастливилось служить в двух лучших по общему количеству уничтоженных в небе самолётов противника подразделениях – 402-м и 5-м Гвардейском полках .

В августе 1941 года большинство лётчиков-испытателей 402-го полка были отозваны в Москву. Получил новое назначение и Игорь Шардаков – на Западный фронт, в 29-й ИАП. В составе полка он отбивал налёты вражеской авиации на Ельню, Дорогобуж, Ярцево, Духовщину, Вязьму, защищал столицу. Здесь Шардаков летал на «ишачках» – самолётах И-16, доказывая, что и на

Бомбардировщик Ю-88, сбитый в начале Великой Отечественной войны

этих устаревших машинах можно бить врага. Именно на И-16 ему удалось подбить два бомбардировщика Ю-88, летевших на Москву¹

В середине октября 1941 года Игорь Шардаков был направлен на вновь созданный Калининский фронт – в 187-й истребительный авиаполк, личный состав которого только-только закончил переподготовку на МиГ-3. Дело в том, что из-за неопытности своих пилотов полк нёс большие потери (по данным историка авиации Владимира Савончика, только в октябре не вернулись из боевых вылетов 15 лётчиков, а 5 октября были сбиты сразу 4 МиГ-3), поэтому полку просто позарез были необходимы лётчики, в совершенстве владевшие пилотированием на МиГе. Таким образом, Игорю Александровичу помимо боевой работы при-

---

¹ За образцовое выполнение боевых задач и проявленные при этом мужество и героизм в оборонительных сражениях под Москвой приказом Народного комиссара обороны СССР № 347 от 06.12.41 г. полк был преобразован в 1-й ГвИАП.

шлось взять на себя обязанности инструктора. И это в девятнадцать-то лет от роду!

Правда, чаще всего ему – мастеру воздушного боя – приходилось решать несвойственные для аса задачи. ВВС фронта располагали вдвое меньшим количеством самолётов – 89 наших против 175 машин люфтваффе. Бомбардировщиков и штурмовиков было мало, поэтому их функции брали на себя истребители. Главным образом, они наносили удары по наземным частям противника, громили танковые колонны и тылы врага, прикрывали наши коммуникации и вели разведку. Так, 18 октября Шардаков принял участие в штурме немецкого аэродрома в районе Калинина, когда наши лётчики вывели из строя более 40 вражеских самолётов.

К середине ноября в полку осталось лишь два исправных самолёта МиГ-3. Поэтому было принято решение отозвать его с фронта и направить на доукомплектование и переучивание в 14-й запасной авиаполк, дислоцировавшийся в Рыбинске. Игорю Шардакову предстояло знакомство с новой машиной – истребителем ЛаГГ-3, которой ещё только начал массово поступать на вооружение. На ЛаГГ-3, который перед самой войной первыми испытали боевые товарищи и наставники Шардакова – Степан Супрун¹ и Пётр Стефановский, Игорь Александрович провёл почти весь 1942 год. Не одного фашистского стервятника он навечно «приземлит», сражаясь на этом тяжёлом, но мощном самолёте.

Как видим, много пришлось пережить Игорю Александровичу Шардакову в 1941 году. Наш «сталинский сокол» всегда находился на острие борьбы, на самых опасных участках фронтового неба. 19-летний ас мужал в боях, набирался опыта. Сбивал самолёты врага и терял боевых друзей. Зарекомендовал себя как лётчик-универсал – его воле были подвластны все типы советских истребителей.

---

¹ «На этой штуке летать все равно, что целовать тигрицу: опасно и никакого удовольствия», – однажды пошутил Супрун после испытаний истребителя ЛаГГ-3.

В славно́й семье советских летчиков, сражающихся за освобождение нашей отчизны от немецких оккупантов, выносятся представители всех национальностей Советского Союза. Слева направо: Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант И. Шардаков — сын великого русского героя, лично сбил 18 вражеских самолетов, белорус гвардии подполковник Герой Советского Союза Д. Валентин — опытный мастер бомбометания с парашютом, украинец прославленный летчик-штурмовик, дважды Герой Советского Союза М. Бондаренко, сын свободоловливой Кавказа Герой Советского Союза Кубати Карданов, лично сбил 18 немецких самолетов.

– Игорь мог летать хоть на сенокосилке – и на ней бы, наверное, фрицев сбивал! – сказал мне однажды о своем однополчанине Дважды Герой Советского Союза Виталий Иванович Попков. – Ваш земляк был непревзойденный ас! В нём удачно сочетались исключительное, на грани здравого смысла бесстрашие и тонкий холодный расчёт в бою.

Но главное – Игорь никогда не терял веру в Победу. Даже тогда, в 41-м, когда враг уже захватил Минск, Киев, Одессу, был на подступах к столице, цепкими клещами сжимал кольцо вокруг города Ленина. Но, благодаря тысячам таких людей как Шардаков, временные успехи достигались фашистами очень дорогой ценой. И уже многие из них разуверились в планах Гитлера поработить страну Советов. Никогда и нигде хвалёные немецкие асы не встречали такого сопротивления, как в небе над СССР. Только за первые полгода войны из списков лётного состава люфтваффе на советско-германском фронте безвозвратно выбыли 6052 пилота. В этом большая заслуга и молодого очёрца, младшего лейтенанта Игоря Шардакова.

РУССКИЙ СЧЁТ ПРОТИВ «ГАМБУРГСКОГО»

- Товарищ командир, что с вами?
  - Краску давай...
  - Какую краску?
  - Звездочки малевать!
  - А-а! Я сейчас, мигом достану!
  - «Достану». Вечно у тебя... Свою надо иметь!
  - Сколько рисовать? Две?
  - Две... тут одного пока завалишь – запаришься...
- (Из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

Свой личный счёт к агрессору младший лейтенант Игорь Шардаков открыл одним из первых в стране, уже во втором боевом вылете ранним утром 22 июня 1941 года. Причём сбитый им «мессер» упал на гитлеровскую колонну танков и пехоты, переходившую границу с СССР. Первый воздушный бой и первый уничтоженный самолёт врага, как отмечают крымские исследователи С. Галина и А. Челноков, не попали в сводки и донесения – не до этого было¹.

– В суматохе первых дней войны, поверьте, действительно было не до личной «бухгалтерии», – рассказывал Виталий Иванович Попков. – Счёт был один: главное – врага остановить и разбить! Да и вообще, в советских ВВС было как-то не принято хвалиться своими личными заслугами. Ценились победы коллективные. Когда звено или эскадрилья в воздушном бою сбивали самолёты врага, победы записывались на каждого лётчика, как «победы в группе». Такой подсчёт практиковался до конца войны. И это, считаю, было правильным, справедливым.

Согласно лётной книжке Игоря Шардакова, за ним на конец войны числились: 21 вражеский самолёт, сбитый лично, и ещё 6 – в группе. Казалось бы, совсем не так уж много, да? Особенно по

---

¹ Галина, С. Рождение уверенности / С. Галина, А. Челноков // Звёзды немеркнувшей славы : очерки о крымчанах – Героях Советского Союза : [сборник / автор-составитель Ф. А. Третьяков]. – Симферополь: Таврия», 1984. – С. 282–284.

Лётная книжка И. А. Шардакова

сравнению с результатами гитлеровских асов, многие из которых, якобы, насшибали по 200–300 наших самолётов, или даже 352 – именно столько приписывают гауптману 52-й эскадры Эриху Хартманну. Если верить подобной статистике, то наш герой выглядит желторотым птенцом на фоне старого стервятника.

Читатели часто спрашивают: почему у наших лётчиков количество сбитых намного меньше, чем у их немецких оппонентов? Значит, дескать, они хуже воевали?

Всегда отвечаю вопросом на вопрос: «А кто победил?» Разве немецкие асы парадным строем прошли над Москвой? Нет – это наши, в том числе и пилоты «второй поющей», сбросили красные вымпелы на поверженный рейхстаг. С любых точек зрения, ответ очевиден, поэтому раньше и не возникало таких вопросов, но...

Они начали массово муссироваться на радио и телевидении, в книгах и прессе после перестройки, когда историю перекраивали – кто-как и на всякий лад. Так называемые «эксперты», которых в просторечии удачно окрестили «диванными», перебивая

Виталий Попков (слева) с лётчиками 5-го ГвИАП

друг друга, пытались доказать, что советские лётчики – просто патологические дебилы, неумёхи, пушечное мясо. Они захлёб расхваливали гитлеровских асов, восхищаясь мастерством и благородством несостоявшихся завоевателей. Да и сейчас в сети всё ещё блуждают «фейсбучьи» пересуды подобных господ. Трудно объяснить, на каком фундаменте зиждутся их суждения: скорее всего, этот вопрос из области здравого смысла, совести и порядочности. Спорить с ними так же бессмысленно, как, например, с пылесосом или пациентом специфической клиники. Поэтому просто не нужно воспринимать их всерьёз. Тем более, что сейчас всё опять постепенно встаёт на свои места: документы становятся доступнее, появляются серьёзные исследования, что возвращают добрые имена нашим воинам. У музы истории Клио с гигиеной всё в порядке: дайте время – и она вычистит всю грязь...

Игорь Александрович Шардаков, слава богу, не дожил до того позорища. Но, представляете, каково было читать всю эту бре-

дядину Виталию Ивановичу Попкову? Он до конца своих дней боролся за честь советских ВВС с «диванными экспертами», как когда-то сражался с врагами на фронте. За своих боевых друзей – Шардакова, Зайцева, Лавейкина, Мастеркова, Рулина, за тех, кого уже не было на свете, и они не могли сами постоять за себя. А они это, как мы знаем, умели!

Виталий Иванович с корнем рвал ростки лжи, пробивающиеся сквозь грязь информационного поля: объяснял, доказывал, приводил свидетельства. Может, и из жизни ушёл раньше срока, сложив голову в борьбе с разными фарисеями, изменниками, флюгерами и просто откровенными негодями. И, конечно же, мы поверим не им, а ему – дважды Герою Советского Союза, члену Международной ассоциации лётчиков-истребителей – участников Второй мировой войны, почётному гражданину, Москвы, Киева, Одессы, Днепропетровска, Праги, Вены, Будапешта, Братиславы... Нашему любимому Маэстро.

Не вдаваясь в тонкости, остановимся на главном.

– В отличие от немецкой, наша система подсчёта уничтоженных самолётов врага была довольно жёсткой, – рассказывал Маэстро. – Причём ужесточалась она с каждым годом. Как говорили лётчики, легче было сбить, чем доказать, что сбил.

Количество сбитых самолётов устанавливалось в каждом отдельном случае показаниями лётчика-истребителя на месте, где упал сбитый самолёт противника, а также свидетелей и очевидцев. Всё это оговаривалось в приказе наркома обороны СССР И. В. Сталина № 0299 от 19 августа 1941 г. «О порядке награждения лётного состава ВВС Красной армии за хорошую боевую работу и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных лётчиков». Сбитый самолёт засчитывался лётчику по свидетельствам штабов наземных войск, например пехоты, партизан, или постов ВНОС. Составлялся акт. Ближе к концу войны в качестве подтверждения начали требовать фотоснимки сбитых самолётов и таблички с его заводским номером. Так что самолёты, сбитые над чужой территорией или, к примеру, над морем, нашим пилотам практически не засчитывались.

Случалось, победу подтверждали ещё и сами немецкие лётчики, попавшие в плен. Так, 31 августа 1944 года гвардии капитан Игорь Шардаков во главе шестёрки Ла-5 прикрывал штурмовики Ил-2 на Сандомирском плацдарме. У цели из облачности появились 4 Ме-109. Один из них, не задумываясь, пошёл в атаку на штурмовиков. Шардаков в паре с Трутневым резко развернули свои машины, чтобы пресечь намерение фашистов. Вот дистанция сократилась до 200 метров. Враг заметил нависшую угрозу и ввёл свой истребитель в так называемый «королевский» боевой разворот, которым владели только асы. «Лавочкины» неотступно преследовали его, и, когда «Мессершмитт» оказался в положении вверх колёсами, Шардаков с вертикали дал короткую очередь. Шквал огня обрушился на Ме-109. На его капоте мотора разорвалось несколько пушечных снарядов. Выйдя из боевого разворота, наша пара устремилась в лобовую атаку на оставшиеся вверху вражеские машины, но те ретировались в облака.

Когда наши истребители возвратились на аэродром, Шардаков собрал лётчиков и кратко разобрал результаты боевого вылета. Подошёл капитан Григорий Яковлев – заместитель начальника штаба полка по оперативной части. Записал в блокнот всё услышанное, чтобы затем доложить в штаб дивизии. Под конец спросил Шардакова:

– А что стало с тем Ме-109, которого вы атаковали?

– К сожалению, сам я не видел. Но лётчик Полунин подтверждает, что «Мессершмитт» был сбит. Да вы сами спросите его.

Так и доложили в дивизию, что в бою Шардаков атаковал один «мессер», но результата не наблюдал.

Это было 31 августа, а 4 сентября во время ужина в столовую доставили пленного фашистского лётчика. Как оказалось, одна из пушечных очередей Шардакова попала в заливной бензобачок, самолёт загорелся. Фашист покинул машину на последнем своём «королевском» развороте».

У немцев поначалу тоже был, похоже, образцовый порядок. Но ближе к концу войны они начали откровенно халтурить. Если

в 1941–43 годах их боевые результаты вполне соотносились с нашими потерями, то с 1944 года количество заявленных побед стало превышать все разумные рамки. Казалось, господство в воздухе – у советских ВВС, мастерство наших пилотов выросло, количество немецких асов существенно поубавилось, а счета фашистских лётчиков росли в разы. Некоторые индивиды, оказывается, в сутки сбивали по 15 наших самолётов. В чём же дело?

– Немцы учитывали просто попадания, их не интересовала дальнейшая судьба самолёта, – объяснял мне Попков. – А попал – ещё не значит уничтожил! Как говорится, русского мало убить, его надо ещё и повалить.

В самолёт Игоря Шардакова тоже, случалось, попадали. Не исключено, что немецкие асы не по одному разу записывали его в свой актив, как сбитого...

В качестве доказательства в люфтваффе использовались и показания ведомых, и снимок фотопулемёта. Но на нём достаточно было отображения даже не попадания в чужой самолёт, а лишь факта атаки на него. Однако самым распространённым подтверждением победы было... честное слово истребителя! Просто исключительная доверчивость... Как в анекдоте:

«Одессит хвастает, как обыграл в блэкджек всё лондонское казино. Англичанин посмотрел на свои карты и, никому не показывая, небрежно бросил их на стол:

– У меня 21!

– Покажи!

– Мы, джентльмены, верим на слово, – ответил англичанин.

– Вот тут-то у меня карта и пошла, – говорит друзьям одессит».

Вот таким «джентльменским» образом Хартманн и многие другие пачками сбивали наших «неумех». К тому же, после коренного перелома в войне немцам, по большей части, приходилось вести бой не над своей территорией, поэтому их наземные части не могли подтвердить факт уничтожения советского самолёта. Потому что, во-первых, не видели. А во-вторых, потому что этого

факта, вероятнее всего, попросту не было. Зато было честное слово!

Такой вот получается «гамбургский» или «мюнхенский» или ещё какой-то там германский счет. А вот в 27-ми самолётах, что сбил Игорь Шардаков, можно не сомневаться, что эти «мессеры» и «фоккеры» вогнаны в землю – железно, с ручательством...

Кстати, Виталий Попков после войны встречался с немецкими асами, против которых сражался 5-й гвардейский авиаполк. Любопытно, что враги оказались честнее и благороднее наших доморощенных «диванных экспертов».

– Однажды мы ехали на поезде в Волгоград с бывшим немецким асом Германом Графом, который заявил 202 победы на Восточном фронте, – рассказывал Маэстро. – У нас было время по-честному, без обиняков подсчитать, сколько же на самом деле он сбил. Так вот он сам признал, что подтвердить может только 47 сбитых, остальные – плоды пропаганды.

То есть, если даже у самых совестливых лётчиков люфтваффе количество побед нужно как минимум делить на четыре, то что говорить об остальных, менее щепетильных в вопросах правды и чести. К примеру, о Вилли Батце, яром нацисте, которого Попков сбил в воздушном бою, а после войны встретил в Германии. Когда Маэстро попытался поспорить с ним о количестве побед, тот попросту позорно сбежал от нашего ветерана. А то вдруг выяснилось бы, что и его 237 сбитых – сплошная геббельсовская «лапша»...

Встречался Маэстро и с самим «белокурым рыцарем рейха» Эрихом Хартманном. Тем самым, что сказал однажды: «Желание принижать всё русское (в первую очередь – самими русскими) сослужило плохую службу. Выдающиеся русские асы, несомненно, заслуживают большего внимания со стороны военных историков. Ведь многие из них до сих пор малоизвестны, а то и вовсе преданы забвению даже в России». И это, заметьте, писал враг, когда-то обласканный Гитлером. Ему ли, неоднократно битому, не знать, кто такие советские лётчики...

Хотя были, наверное, и у нас попытки словчить, иначе не было бы жёстких приказов.

– А вот Шардаков ловчил в другую сторону, – лукаво улыбается Виталий Иванович. – Имел Игорь Саныч одну «вредную» привычку – записывать лично сбитые им самолёты на своих ведомых, менее опытных лётчиков. Чтобы поддержать их, помочь молодым пилотам в их трудном становлении как лётчиков-истребителей. Ведь он и сам в начале войны был ведомым, поэтому знал, как важна его роль. Он прикрывает спину, сам рискуя быть сбитым. Игорь справедливо полагал, что в таких схватках единоличных побед не бывает.

Это была обычная практика. Так поступали и Покрышкин, и Кожедуб, и сам Попков.

– Долго скрывать от начальства такую механику невозможно, – говорил Маэстро. – Наши командиры – сами лётчики, их не проведёшь. И они, порой, закрывали глаза на это. Но только на это! Попробуй соврать по поводу сбитого или не выполнить задание – трибунал, позор, погоны долой перед строем.

Это, кстати, не только благородство, но и определённый расчёт. Ведомый мог годами летать за своим ведущим и не сбить ни одного самолёта. А это – награды, звания, да и деньги. За каждый сбитый полагались определённые суммы. А у всех в тылу семьи – голодали, изламывались, куя победу. Игорь Александрович был заботливым сыном и братом – почитайте его письма. Но не только о семье заботился Шардаков, но и о своих подчиненных. Так что список побед Шардакова далеко не полон и по этой причине.

– У Игоря Шардакова, полагаю, было примерно 35–37 сбитых, а может и больше! – считал Попков. – Он ведь часто летал на задания в одиночку. Да и вообще был, порой, скромн и даже замкнут. Прилетит из разведки – весь потный, на фюзеляже самолёта – дырки. «Что такое?» – техники спрашивают. «Зенитки причесали», – отвечает. Но видно же было, что пробоины от пулемётных очередей. И боезапас истрачен. Значит, в воздушный бой ввязывался. А в разведке нельзя так было – влетит от началь-

ства! Пытались допытываться у него вне строя, так сказать. «Отстаньте, – улыбается. – Ну сбил какого-то дурака – сам прямо под прицел залез. Не считово!» Разумеется, эти победы в личный счёт не шли, у самого таких несколько было...

Кстати, сам Игорь ни разу не был сбит. Это о чем-то говорит! В сражениях на вертикалях Шардакову не было равных в полку, бесстрашен был и в лобовых. К бомбардировщикам подкрадывался, как кошка к птичке. Когда немецкий пилот или бортстрелок его замечали, было уже поздно. От боя не уклонялся, хотя азартным не был, скорее – скуп, расчётлив. Тараны не признавал, хотя отдавал дань мужеству лётчиков, шедших на такой подвиг. Игорь шутил, что таран – это вредительство, порча народного имущества. Дескать, люди в тылу у станков ночей не спят, дают фронту самые лучшие самолёты, а некоторые разгильдяи, расстреляв в белый свет боезапас, их гробят.

А в том, что Игорь Шардаков не сбил больше тех 27 самолётов, «виноваты» его другие лётные специализации.

– Шардаков был лётчиком-универсалом, – говорил о своём друге Маэстро. – Летал на МиГ-3, И-16, ЛаГГ-3, Ла-5. До войны – на У-2, после – освоил реактивные МиГи. На моей памяти, во всех схватках с врагом Игорь оказывался победителем. В лучшем случае гитлеровским асам удавалось просто удрать от него. Если уж он ввязывался в бой – всё, как говорится, сливай воду. Но дело в том, что большинство своих боевых вылетов он совершил на сопровождение бомбардировщиков, штурмовку наземных целей и разведку¹.

---

¹ Об этом подробнее читайте в очерке «Орлиный глаз», стр. 207.

ДУЭЛИ С «БУБНОВЫМИ»

– Можешь за хвост подержаться! Дракон уже не кусается...

(из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

...Мессер» хищно, явно красуясь, заходил в хвост медленно разгонявшегося по взлетной полосе истребителя.

– Сзади гляди, прямо под солнце! – содрогались динамики радиации от срывававшегося с баса на фальцет голоса командира полка.

На Бате не было лица. «Как я мог позволить себе такую авантюру? Как я – старый битый хрыч – умудрился поверить в благородство фашистов? Не на дуэли с ними надо сражаться, а давить как гадин, безжалостно крошить в капусту, мерзавцев!», – какие только мысли не пронеслись в его на глазах седевшей голове. Он понимал, что молодого лётчика, которого он ещё вчера потечески хлопал по плечу, поздравляя с первым сбитым «Юнкерсом», может спасти только чудо. Или невероятное мастерство комэска-3 Игоря Шардакова, который уже почти взлетел.

Не раз и не два «Батя» наблюдал, как Игорь на грани фантастики вытворял в воздухе сумасшедшие трюки, выбираясь живым и невредимым из, казалось, безнадежных ситуаций. Бесстрашный парень! Год назад они вместе гоняли по небу этих хваленых «бубновых», сбив по паре искусных экспертов люфтваффе – любимчиков Геринга, на счету которых было по несколько десятков сбитых самолётов в небесах Франции и Норвегии, Северной Африки и Крита, Британии и ещё больше – в нашем родном небе. Поэтому он, коммунист, никогда не веривший в бога, молился сейчас на своего лучшего аса как на чудотворную икону: «Игорек, дружище, ты же все можешь, все умеешь, сделай же что-нибудь! Ко второй «звездочке» представляю – свою сниму и отдам! Только спаси парня, Христа ради!»...

***

Пять минут назад четвёрка Ме-109, размалёванных аляповатыми картинками – с драконами, голыми бабами, тузами и джокерами из игральных карт на плоскостях и фюзеляжах, лихо, словно компашка блатняжек из подворотни, вынырнула из облаков прямо над аэродромом. И как они только пробрались, черти, минуя зенитки и точно рассчитав, что у дежурного звена заканчивается время патрулирования, а, значит, на бой горючего не хватит.

Ведущий – командир 5/JG-52 Вилли Батц – перешел на бреющий полет, приоткрыл кабину и сбросил какую-то штуквину, которая полетела к земле с душераздирающим визгом и шмякнулась на обочине «взлётки». Это была не бомба. Боец аэродромной команды принес расплющенный кусок жести, оказавшийся большой консервной банкой из-под гороха, до которого фрицы были весьма охочи. Внутри лежал свернутый вымпел с посланием на довольно грамотном русском языке: *«Господа! Поднимайтесь драться двое на двое. На взлёте бить не будем»*.

А для убедительности, что их правильно поймут, немец тут же продублировал послание по радио. Даже частоту знали, на которой работает полковая радиостанция. Да ещё издевательски вежливо представился: мол, я Вильгельм Батц, который сбил ваших лётчиков там-то и там-то. Батя, потерявший за последние недели нескольких молодых авиаторов из пополнения, пришел в ярость.

– Уничтожить хвастунов! Чтоб духу их над нами не было через минуту!

Приказание было излишним. К своим самолётам уже бросилась дежурная пара – Герой Советского Союза комэск Игорь Шардаков и его ведомый Смуглянка. Ла-5 Шардакова резко рванул с места, стремительно набирая скорость. Напарник же чуть

замешкался, о чем-то, нервно жестикулируя, заспорив с пожилым авиатехником.

Нерасторопность молодого пилота не ускользнула от немцев. Батц тут же забыл про честь и благородство, которыми так кичились гитлеровские асы ещё со времен «красного барона» Рихтгофена. Сработал шакалий инстинкт – бей слабого! Одна пара зашла со стороны солнца и начала пикирование на взлетающую машину, вторая осталась на господствующей высоте для прикрытия. Ведущий на желтобрюхом Me-109 с пиковым тюзом на фюзеляже неумолимо подкрадывался к машине Смуглянки...

Лётчики сгрудились вокруг навеса с динамиками. Одни, стиснув зубы, молчали. Другие указывали руками на надвигающуюся опасность, жестами пытались показать маневр, который должен сделать Смуглянка, будто он мог их видеть. Но некоторые, самые опытные, отвернулись, потому что давно всё поняли. А пожилой техник упал на землю, закрыл голову руками и зарыдал. Он уже потерял троих лётчиков, совсем ещё зеленых «желторотиков», к которым даже не успевал толком привыкнуть и притереться...

Смуглянка беспомощно озирался, ничего не видя вокруг себя. От волнения он и полслова не мог разобрать из какофонии звуков, гремевших в наушниках шлемофона. Солнце слепило так, что лётчик не сумел разглядеть, как две черные точки увеличивались на фоне солнечного диска, словно пожирая его.

– Да где ж они, етиушумать?! – закричал пилот. – Они же обещали!

– Я сейчас, браток! Я быстро! – успокаивал ведомого Шардаков. – Не паникуй. Как оторвешься – сразу вправо. Я – здесь, я – рядом.

– Успеет-успеет, должен успеть, должен, – шептал Батя.

С земли наблюдали, как «Лавочкин» Игоря взмыл вверх почти вертикально, потом заложил столь смелый вираж, что сразу

Сергей Подгорный в роли Смуглянки (кадр из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

вышел из под угла атаки «мессеров» прикрытия. Однако всем было ясно: даже такой по-цирковому невероятный маневр был уже бесполезен. Чтобы выручить товарища, Шардакову ещё надо было делать круг, а Батц со своим прихвостнем уже в считанных секундах от машины Смуглянки. Шасси его «Лавочкина», наконец, оторвались от полосы. Но, увы...

Короткая пушечная очередь почти в упор – и красnozвёздый истребитель, нелепо клюнув носом, ткнулся в землю и по инерции перевернулся.

– Ха-ха-ха! Привьет Сталину, соколы! – съязвил Батц и, издевательски покачав крыльями, скрылся в облаках.

Командир «2-й поющей» Попков с напарником, отчаянно матерясь, поспешили к своим истребителям...

– Ты меня слышишь, мразь? Я знаю, что слышишь! – кричал Шардаков. – Я найду тебя. В небе, на земле – где угодно! И уж под землей – это наверняка. Потому что там тебе и место вместе с твоими хваленными стервятниками. Когда Игорь приземлился, то тело Смуглянки уже достали из развороченной кабины и бережно уложили на плащ-палатку. Шардаков сорвал с себя шлемофон, содрал с груди лоскутья гимнастерки со Звездой Героя и тремя орденами Красного Знамени и зашвырнул ком далеко в бурьян. Не выбирая дороги, он уныло брел за территорию аэродрома пока не остановился у кострища, где ещё вчера они со Смуглянкой пытались разучивать мелодию из «Джаз-лихорадки» Терпиловского, чтобы удивить товарищей на концерте. В голове Игоря до сих пор гудели эти синкопы, путаясь с развеселым смехом отчаянного Смуглянки...

***

Этот эпизод оставил глубокую рану в душе Игоря Александровича. Он долго не мог прийти в себя, переживая за погибшего друга. Что интересно, по словам Виталия Попкова, он просил командование до полной победы над Германией больше никогда не награждать его: дескать, все равно не примет. Зная крутой характер Шардакова, который, по словам ещё одного лётчика 5-го ГвИАП Георгия Баевского, временами был просто непредсказуем, командование больше не представляло Игоря к орденам, отмечая его подвиги лишь благодарностями в приказах. А то ведь он действительно мог публично отказаться от награды, что было бы по тем временам большим скандалом.

Как человек совестливый, крайне щепетильный в вопросах чести, Шардаков чувствовал свою вину в смерти ведомого, как ни старались однополчане его переубедить. Тем более, что это был уже не первый случай, когда буквально на глазах Игоря гибли боевые друзья.

В начале 1943 года Батя приказал Игорю Шардакову и недавно прибывшему в полк молодому лётчику лейтенанту Петру

Борсуку перегнать два новых Ла-5 с тылового аэродрома. Приняв самолёты, пилоты вылетели рано утром 5 января. Однако они не сумели настроить свои радиостанции на заданную в тот день волну.

«В районе Богучара на большой высоте за ними увязались два Ме-109, которые при подходе к нашему аэродрому, прикрываясь солнцем, стали заходить в хвост самолёта лейтенанта Борсука для атаки. И когда Шардаков уже приземлился, в эфир с наземной радиостанции немедленно понеслось предупреждение лётчику о грозящей ему опасности. По тревоге пошли на взлёт две пары самолётов дежурного звена. Но... было уже поздно. Атака со стороны солнца, сзади, справа на пикировании была скоротечной, наш самолёт загорелся. Пламя перекинулось на мотор и кабину.

«Лавочкин» рухнул на восточной окраине деревни. Взрыв бензобаков поднял вверх столбы густого чёрного дыма, который тут же заволок чистое небо. К месту пожара нельзя было подойти ближе, чем на 15-20 шагов. Полыхал огонь, рвались снаряды. Наконец удалось с большим трудом извлечь из обломков обугленное тело Петра Борсука.

В тот же день командир полка Зайцев долго беседовал со всеми, детально анализируя причины трагической гибели лётчика. Разобрал различные способы наблюдения за воздушной обстановкой при следовании к цели, при ведении группового боя, при выходе из него и возвращении на аэродром. Предупреждал, что опаснее всего для воздушного бойца неосмотрительность. Есть люди, которые храбро дерутся, умело маневрируют в воздушном бою, метко поражают противника. Но вот бой заканчи-

Летчик Пётр Иванович Борсук

вается, враг бежит, и молодой лётчик, упоенный победой, забывает об осторожности. Только этого и ждёт фашистский «охотник». Выйдя из боя и спрятавшись в облаках, он ищет случая, чтобы «из-за угла» ударить того, от кого только что бежал. Надо быть готовым в любую минуту к встрече с врагом. Опытный истребитель чувствует в полёте всю глубину неба, как говорят, видит на все 360 градусов. Вот тогда он может своевременно принять разумное решение, упредить внезапную атаку.

– Кто не умеет видеть в воздухе, тот не истребитель, а летающая мишень, – этими словами закончился подробный разбор.

Гибель Петра Борсука многому научила лётчиков, послужила уроком не только полку, но и всей дивизии. И надолго запомнилась всем»¹.

Можно только представить, что пережил Игорь Шардаков, потеряв боевого друга: уже довольно опытные авиаторы, но так глупо, так неосмотрительно они себя вели... Видя удрученное состояние подчиненного, комполка Зайцев даже запретил ему боевые вылеты в этот день. Все-таки большой психолог был Батя: понимал, что лётчик мог запросто наломать дров в горячке мести или наоборот – стал бы искать смерти, чувствуя свою вину за гибель товарища.

Однако в 5-м Гвардейском не было принято оставлять безнаказанным коварство гитлеровцев. Уже в 10 утра в воздух поднялись другие лётчики, чтобы жестоко отомстить за Петра Борсука. Четверка Ла-5 вместе с четырьмя Як-1 соседнего 867-го авиаполка в районе Зориновки встретили 13 пикирующих бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием пяти «мессеров». Атака была стремительной и беспощадной. Отличились гвардии капитан Николай Дмитриев и гвардии старший лейтенант Василий Гринёв, которые подошли к вражеской армаде на убойную дистанцию и сбили по одному «лаптёжнику». Всего наши лётчики вогнали в землю четыре «Юнкерса» и без потерь возвратились на свой аэродром.

---

¹ Баевский, Г. А. Сталинские соколы против асов Люфтваффе / Г. Баевский. – Москва : Эксмо : Яуза, 2009. – 286 с. – (Вторая мировая война . За Родину! За Сталина!)

Лейтенанта Петра Борсука похоронили рядом с взлетной полосой, по традиции завернув тело лётчика в парашют. В 2003 году группа Богучарского поискового отряда «Память» под командованием Николая Львовича Новикова обнаружила могилы Борсука и ещё одного лётчика 5-го ГвИАП старшего лейтенанта Фёдора Горчакова, трагически погибшего в том же 1943 году. Старейшая жительница села Радченское Александра Семеновна Шахунова показала поисковикам место и рассказала, что помнит, как хоронили лётчиков.

Интересно, что Виталий Иванович Попков вспоминал, как в конце 40-х или начале 50-х годов прошлого века он вместе с Игорем Александровичем Шардаковым и ещё несколькими однополчанами приезжали в Радченское, чтобы поклониться могилам погибших пилотов и установить памятник. Как вариант они рассматривали вопрос о перезахоронении их останков в братскую могилу или у близлежащего монумента, которые в те годы массово начали возводиться повсеместно на местах боев. Однако точное расположение могилы им тогда так и не удалось найти. И винить их в этом, сами понимаете, не стоит. Сколько аэродромов пришлось сменить гвардейцам на пути к Берлину, сколько боевых друзей зарыли они в сырую землю...

В фильме об этом говорит Маэстро, сыгранный Леонидом Быковым: *«Мы вот с Серёгой от Бреста до Сталинграда топали – с любовью... и от Сталинграда сюда, до Днепра – с любовью... Я по этому маршруту смогу через сто лет без карты летать... Потому что по всему маршруту могилы наших ребят из поющей... и там не одна эскадрилья, там дивизия легла!.. А сколько ещё...»*

Их память была просто перегружена трагическими событиями. И Шардаков, и Попков никого не забыли и до конца своих жизней оплакивали не доживших до Победы товарищей.

А восстановление памяти, считаю, – это удел нас, потомков. Не так уж она у нас перегружена ради такого святого дела. Поэтому низкий поклон всем бойцам поисковых отрядов России, Белоруссии, Украины. Отважным и неравнодушным людям, что,

Леонид Быков в роли Маэстро (кадр из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

не считаясь с трудностями, год за годом ведут свою большую работу и дают возможность семьям погибших воинов обрести, наконец, успокоение и, главное, место, где можно преклонить колени перед последним приютом мужа, отца, деда и прадеда.

***

Стоит отметить, что с «бубновыми» асами Геринга лётчики 5-го Гвардейского были давненько знакомы. В сентябре 1942 года юго-восточнее Ржева Игорь Шардаков на ЛаГГ-3 сбил свой очередной «мессер», который был ведущим группы прикрытия армады бомбардировщиков, совершавшим налет на Москву. Пилот выбросился из горящей машины с парашютом и приземлился в расположении советских войск.

Лётчик оказался настоящим асом, выпускником Берлинской школы высшего пилотажа и воздушного боя. Он пояснил на до-

просе, что на Калининский фронт прибыла специальная ягдт-группа, набранная из инструкторов и лучших слушателей этой школы. Все 60 лётчиков – эксперты с большим опытом боев на Западе, имеющие на своем счету не менее двадцати пяти сбитых самолётов противника. Теперь они, дескать, хотят навести «орднунг» на Восточном фронте. Особенно на участке, где действовал 5-й Гвардейский авиаполк. Тут немцы начали терять привычное господство в воздухе, командование люфтваффе было крайне обеспокоено возросшим количеством потерь.

В общем-то, это была обычная проверенная на деле и в целом оправдавшая себя практика в гитлеровских ВВС: на постоянной или временной основе формировались ударные группы из числа лучших асов-истребителей. Они направлялись туда, где возрастала активность вражеской авиации. Штабные аналитики следили за динамикой потерь своих самолётов, оценивало количество и эффективность бомбовых и штурмовых ударов по наземным войскам. Если коэффициент переваливал за определенную цифру, следовал приказ, и «спецназ» люфтваффе отправлялся в «командировку» на проблемный участок фронта.

Такая тактика в просторечии называлась «тасовкой карт». Причем немецкие лётчики ввели своеобразную «авиамоду» – размалевывали фюзеляжи своих самолётов изображениями тузов, королей и валетов. Ерунда, конечно, если бы это оставалось банальной рисовкой, мальчишеским хвастовством...

Но за штурвалами «мессеров» сидели отнюдь не юнцы. С иконостасами орденов на кителях, тактически грамотные, в совершенстве овладевшие всеми тонкостями воздушного боя. Обожавшие свои боевые машины больше, чем жен, невест и самого фюрера. Бесстрашные, готовые выполнить самую невыполнимую задачу, если этот самый фюрер прикажет.

Некоторые лётчики-эксперты получили боевое крещение ещё в Испании, где, кстати, схватывались и с лучшими советскими асами. Не сочли зазорным подучиться кое-каким трюкам у наших мастеров. Зато потом они, казалось, без особого труда завоевали господство в небе Западной и Северной Европы, на Бал

Лейтенант Генрих Штурм, майор Герхард Бархорн, майор Вильгельм Батц – асы люфтваффе, якобы сбившие на троих более 600 советских самолётов.

канах, в Средиземноморье, чаще всего сражаясь с превосходящими силами противника. Это они практически выключили из войны хваленые британские ВВС, заперев их на своих аэродромах и позволяя действовать лишь на второстепенных театрах военных действий. Это они, словно коршуны стаю воробьев, в небесную пыль рассеяли авиацию Франции и Польши...

Готовили этих асов на совесть – на перспективу, на большой срок службы, с гарантией, так сказать. Знали, что война будет большая. Блицкриг? Это воздушные замки штабных умников. Советы – это вам не Европа. Придется попотеть...

У каждого начинающего «эксперта» был потрясающая практика в воздухе. Налет – не менее 600 часов. Так, например, уже знакомый нам Вилли Батц во время своей учебы налетал 5240 часов – больше чем весь ускоренный выпуск курсантов Оренбургского летного училища вместе взятый. Помните диалог в фильме:

- *Какое училище?*
- *Оренбургское... Ускоренный выпуск.*
- *Ясно... Взлёт-посадка...*

В бой их вводили не сразу, постепенно приучая к скоростям, развивали наблюдательность, меткость стрельбы. Опытные лётчики на личном примере показывали, как нужно ориентироваться на местности, а главное – как держаться бою, как заходить на атаку. И только потом, словно спартанцев на илотах, испытывали в умении убивать. Сначала на слабых – подбитых, поврежденных, израсходовавших горючее или боезапас. Слабонервных, трусоватых и неумех отсеивали – пушечное мясо фрицам тоже было необходимо. Зато из оставшихся вырастали настоящие воздушные волки – безжалостные, хитрые.

Как признавались позднее некоторые из тех асов-охотников, кому посчастливилось пережить войну, почти все они были далеки от идей национал-социализма, презирали Гитлера и его свору и, конечно, ничего не знали о зверствах фашизма. Ведь они были все такие молодые мечтатели, благородные рыцари неба...

Отнесемся к запоздалому раскаянию критично. Может, были и такие, конечно. Однако вряд ли Геринг доверил бы подобным простодушным «михелям» опасную и, порой, грязную работу.

Одни называли себя охотниками, которым был интересен только сам процесс. Найти дичь, преследовать ее и, если повезет, уничтожить. Кое-то даже носил альпийскую охотничью шляпу с перышком. Другие считали себя спортсменами, для которых война – веселая прогулка. Продолжение Берлинской Олимпиады. Главное – больше медалей. И победа в войне – ничто, по сравнению с кайфом от триумфа в личной схватке. Но были и просто откровенные садисты, расстреливавшие в воздухе выбросившихся с парашютом сбитых лётчиков или мирные колонны беженцев на дорогах.

Но, в целом, такие ягдт-группы были крайне опасным врагом. Командованию ВВС фронта это стало ясно довольно быстро после того, как резко возросло число потерь наших самолётов. Фашистские асы вели себя в воздухе самоуверенно, действовали

нагло. Немцы прилетали незаметно, били чаще всего неопытных пилотов на взлете или при посадке – и уходили безнаказанно.

5-му ГвИАП была поставлена задача – «причесать» «бубновых», сбить с них спесь. И все как в фильме: «Вылет через 12 минут. Пацанов не брать. В бой идут одни "старики"!»

А вот как описан первый крупный воздушный бой с экспертами Берлинской авиашколы в книге «Гвардейцы в воздухе»: «Василию Зайцеву захотелось встретиться с ними, помериться силами, доказать, что «русские прусских всегда бивали». Вечером Зайцев и комиссар полка провели совещание о предстоящем боевом вылете. С командиром пошли лучшие, наиболее опытные лётчики. Среди них пять Героев Советского Союза: Василий Ефремов, Григорий Онуфриенко, Александр Кондратюк, Павел Песков (и три будущих Героя, в том числе и Игорь Шардаков. – прим. авт.). Ведущим группы был сам Василий Зайцев.

На другой день, едва занялся рассвет, гвардейцы прибыли на аэродром и разошлись по машинам. Усаживаясь в самолёт, Зайцев с улыбкой оглядел своих орлов. Он первым запустил мотор, проверил его работу на максимальных оборотах, затем дал команду убрать колодки.

Поднялись в воздух. Подошли к линии фронта. Разделившись на две четвёрки, они вышли к окраинам русского города. Внизу лежали дымящиеся развалины, на спокойной поверхности Волги то и дело вставали пенистые султаны: немцы обстреливали переправы. И вот, словно по уговору, в небе появилась шестёрка Me-109. По команде Зайцева четвёрка самолётов, шедшая за ним в первом эшелоне, бросилась на немцев. Те резко пошли вверх, чтобы занять выгодную для себя позицию. Но не тут-то было!

Зайцев и Ефремов нагнали их с такой быстротой, какой никак не ожидали надменные асы. Два «мессера» тут же попали под огонь пулемётов и пушек наших лётчиков. Вражеские самолёты упали, объятые пламенем.

Фашисты вызвали на помощь ещё десять «мессеров». Завязалась ожесточённая схватка. Взаимные атаки следовали одна за другой. В воздухе образовалась карусель из 22 машин. В ходе боя

два наших самолёта были подбиты, а лётчики ранены. Они покинули неуправляемые машины и опустились на парашютах. Теперь против 14 немецких самолётов осталось только 6 советских. Но гвардейцы и не думали отступать. Зайцев уверенно вёл бой, командовал, направлял. Как всегда в минуты крайней опасности, Василия охватывало чувство дерзкой отваги, страстное стремление победить во что бы то ни стало. Вот он с предельной скоростью ринулся навстречу немецкому асу. Матёрый фашистский волк, видимо, решил принять лобовую атаку и тоже держал курс на Зайцева. Самолёты с рёвом неслись друг на друга. Ближе, ближе...

Это уже был бой нервов. В самый последний момент, когда катастрофа казалась уже неизбежной, немецкий самолёт резко изменил курс. Зайцев без промедления прошил «Мессершмитт» меткой пулемётно-пушечной очередью. Самолёт берлинского аса накренился. Лётчик попытался было восстановить горизонтальный полёт. Но, получив дополнительную очередь, «мессер» загорелся и стал падать на нейтральную полосу. Залп реактивных миномётов накрыл его.

А бой продолжался. Атаки, огонь, рёв моторов. Ещё одного самолёта недосчитался враг. Уцелевшие немецкие лётчики поспешно стали выходить из боя, удирая за линию фронта.

Политуправление ВВС выпустило листовку с описанием подробностей и результатов этого боя. А некоторое время спустя лётчики Лавейкин, Романов и Шардаков сбили ещё по одному Me-109 из группы фашистских асов»¹.

26 сентября комполка Василий Зайцев получил телеграмму из штаба фронта: «Командование ВВС и наземных войск Калининского фронта боевую работу наших лётных подразделений оценивает как отличную. Боевое задание в течение дня выполнено на «отлично», за что ведущим групп тов. Зайцеву, Ефремову, Шардакову, Балалуеву, Фёдорову, Разоренову, Чертову и всему

---

¹ Баевский, Г. А. Сталинские соколы против асов Люфтваффе / Г. Баевский. – Москва : Эксмо : Язуа, 2009. – 286 с. – (Вторая мировая война . За Родину! За Сталина!)

личному составу, участвовавшему в боевой работе, объявить благодарность».

А потом уже и наши гвардейцы стали специально охотиться за «тузами». Однажды Шардаков так загонял размалеванного во все цвета радуги фашиста, что тот, пытаясь спастись, позорно рухнул на брюхо на нейтральной полосе. Игорь даже не стал записывать его на свой счет, подумав, что имел дело с простофилей-новичком, «не по чину и не в масть» разукрасившим свой самолёт, видимо, чтоб его боялись. Однако через некоторое время в столовую, где после боя обедали наши лётчики, привели «трофей» – немецкого офицера с рыцарским крестом на мундире, пожелавшего взглянуть на своего победителя. Не склонный к театральным позам Игорь Александрович не удостоил даже взглядом «бубнового» фашиста.

Наши лётчики, как и Батц, тоже неоднократно пытались вызвать на дуэль «картежников» подобным образом. Переписка, порой, принимала далеко не дипломатичный характер.

– Мы ж совсем ещё пацаны были – детство в одном месте играло, – вспоминал Виталий Попков. – Чудили... Но даже сам Батя горел желанием ответить на вызов! Хотя командование жестко запретило вступать в какую бы то ни было переписку с фашистскими лётчиками. Заинтересовались подобным эпистолярным и особисты...

В беседе он подтвердил историю, которая красочно изображена в фильме «В бой идут одни «старики». Однажды после налёта на немецкий аэродром в Краматорске¹, когда лётчики 5-го ГвИАП уничтожили на земле изрядное количество самолетов врага, немцы сбросили на наше летное поле записку, в которой клялись, что наша атака не принесла им никакого вреда. Прилетайте, дескать, и убедитесь сами – не тронем! А если, мол,

---

¹ Что интересно, Краматорск – родина режиссера фильма «В бой идут одни «старики» Леонида Быкова.

- «День у вас такой, как у нас, за что поцелуйте в...» может, многоточие поставим? Грубо! Дипломатический документ...
- Казацкое послание султану!
- Готово!
- Так. Кузнечик, перевод на немецкий язык...
- Есть!
- Быстро! Но постарайся так, чтобы это был добротный литературный язык...
- Готово.
- Что? Это все?
- Остальное переводу не подлежит.

Кадр из к/ф «В бой идут одни "старики"»

невтерпёж, то можем помериться силами один на один в удобном для вас месте. Хоть сейчас!¹ Естественно, командование строго настрого запретило отвечать на провокацию.

Однако в эскадрилье Ивана Лавейкина служил бойкий и дерзкий парень, однокашник Игоря Шардакова по Качинскому

---

¹ Этот эпизод детально описан в книге Г.А.Баевского «Сталинские соколы» против асов Люфтваффе». М.: «Издательство «Яуза», 2009

Лётчик-истребитель
Иван Гаврилович Кильдюшев

летному училищу, краснодарец Иван Кильдюшев. Под диктовку товарищей он написал ответ на записку – крупными буквами и непечатным «штилем». Послание вложили в пустую гильзу от ракетницы, привязав к ней лоскут красной материи, чтоб не потерялась. Во время очередного налета Кильдюшев сбросил гильзу поближе к дому коменданта аэродрома. Когда начальство узнало о проделках молодого лётчика, то его едва не отправили под арест.

Иван Гаврилович был отважным истребителем. 4 февраля 1943 года четвёрка Ла-5, ведомая Игорем Шардаковым, прикрывала переправы через Северный Донец. В районе деревни Звановки, наши лётчики встретили шесть немецких бомбардировщиков «Хейнкель». Они смело атаковали He-111, разбили строй, а затем стали уничтожать их поодиночке. Двух сбили. Гвардии лейтенант Иван Кильдюшев, преследуя третьего, непрерывно атаковал его, несколько раз зажигал моторы, но фашисту удавалось сбить пламя. Увлёкшись боем, пилот загнал врага далеко за линию фронта. Пытаясь спастись, «Хейнкель» даже избежал от бомб, но Кильдюшев не отставал. Он поочередно расстрелял бортстрелка, затем – штурмана. Заходя на очередную атаку, он нажал на гашетки, однако пушки молчали: боекомплект иссяк. Иван мгновенно принял решение: таранить! Правым крылом своего истребителя он нанёс удар по хвостовому оперению He-111 и тот, потеряв управление, наконец, рухнул на землю.

– Серёга, прыгай! Прыгай! Серёга-а-а!

– Ребята, будем жи-и-ить!

(Кадр из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

Однако до Победы бесстрашный лётчик не дожил... 15 мая 1943 года у деревни Мессерош Кильдюшев вступил в бой с группой «бубновых». В неравной схватке его истребитель был подбит. Понимая, что находится над территорией врага (а плен для новоиспечённого кандидата в члены ВКП (б) был просто невыносим! Иван Гаврилович направил горящий самолёт на механизированную колонну противника, повторив подвиг Николая Гастелло.

Трагический эпизод огненного тарана тоже показан в быковской ленте, когда старший лейтенант Скворцов погибает, направляя свой горящий самолёт в гущу вражеской техники, перед тараном выкрикивая в радиоэфир: «Ребята! Будем жить!»

Изрядно досталось хвалёным «тузам» на Курской дуге, где отличились лётчики 5-го ГвИАП Сытов, Шардаков, Кальсин, Пчелкин, Баевский и другие.¹ Однако наиважнейшим этапом в истории полка стали бои за Днепр, когда истребители почти на сто процентов применялись по своему прямому назначению – для уничтожения самолётов противника в воздушных боях. Здесь полностью раскрылось широкие возможности полка, его превосходство над «бубновыми» как в летном мастерстве пилотов, так и в техническом оснащении, благодаря современным самолётам Ла-5ФН.

Значительно увеличили в этих боях свой «счёт мести» многие лётчики-гвардейцы: И. Лавейкин, В. Попков, П. Кальсин, С. Глинкин, И. Шардаков, Е. Яременко². Потери элитных частей люфтваффе были ужасающими. Только с октября по декабрь 43-го самое знаменитое в истории германских ВВС подразделение – 52-я истребительная эскадра – потеряла 43(!) аса.

«В этих ожесточённых боях с лучшими пилотами люфтваффе наши лётчики обрели уверенность в своих возможностях. Не оставалось сомнений в том, что нет таких лётчиков у люфтваффе, с которыми мы не могли бы вести успешные воздушные бои», – писал про своих однополчан Герой Советского Союза Георгий Баевский³.

Надо признать, что и враг с большим уважением относился к лётчикам-гвардейцам. Виталию Ивановичу Попкову удалось познакомиться после войны с некоторыми из немецких экспертов. В беседах с ним, а также в послевоенных воспоминаниях многие бывшие «бубновые», битые Игорем Шардаковым, Виталием Попковым, Василием Зайцевым и другими советскими асами,

---

¹ 17-я воздушная армия в боях от Сталинграда до Вены : военно-исторический очерк о боевом пути 17-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны / [Н. Н. Бурляй, В. М. Гучок, Н. М. Скоморохов и др.]. – Москва : Воениздат, 1977. – 261 с.

² Баевский, Г. А. Сталинские соколы против асов Люфтваффе / Г. Баевский. – Москва : Эксмо : Яуза, 2009. – 286 с. – (Вторая мировая война . За Родину! За Сталина!)

³ Там же.

признавали, что лучше бы никогда не встречались с ними в воздухе.

«...Имеет место полное единодушие в оценке гвардейских частей, элиты советской истребительной авиации. В этих гвардейских частях были собраны лучшие русские лётчики. Они были настоящим типом истребителя: агрессивны, тактически умны, бесстрашны и летали на лучших самолётах...», – перефразировали слова самого результативного аса Второй Мировой войны Эриха Хартманна американские историки Толивер и Констебль¹.

Кадр из к/ф «В бой идут одни "старики"»

---

¹ Толивер Р. Ф. 352 победы в воздухе. Лучший ас Люфтваффе Эрих Хартманн : [«Белокурый рыцарь Рейха»] / Р. Ф. Толивер, Т. Д. Констебль ; [перевод с английского А. Больных]. – Москва : Яуза-пресс, 2013. – 381 с. – (Асы против асов)

ТРИ ВАСИЛИЯ

« – А сбил, сбил-то как!.. Ну, чего ржёте? Отстань! Чего ржёте? Учитесь! Почерк... против всех законов физики... на взлёте!

– Да не я, послушай!

– А, помолчи! Начальник штаба, оформляй наградные документы.

– Не на меня. Это на лейтенанта Кузнечика, э-э... как тебя, Александров сбил!

– Кузнечик?

– Вот именно, Кузнечик...

– Разыгрываете, да?

– Нет, точно завалил.

– Ты сбил?

– Так точно. Я мог бы, конечно, и больше, но вы, товарищ командир своим нижним бельём распугали всех немцев».

(из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

Лейтенант Кузнечик лихо сбивает прорвавшегося на советский аэродром «мессера», а командир полка – в майке, с полотенцем через плечо и с несмытой мыльной пеной на лице (налёт застал его во время бритья) – вбегает в столовую, где Кузнечик пытается выпить свои положенные «100 грамм» за сбитый. Комполка удивляется и не верит, как такой «желторотик» мог свалить матёрого врага, а потом крепко обнимает лётчика, искренне гордясь за своего подопечного. Этот эпизод – один из самых сильных в фильме «В бой идут одни старики». А один из самых ярких персонажей ленты – несомненно, Батя, гвардии майор Иван Ермаков, командир авиаполка. Эта роль стала «лебединой песней» в карьере замечательного актёра театра и кино, народного артиста Украинской ССР Виктора Мирошниченко.

– Леонид Быков вспоминал, что Виктор Мирошниченко обратился к нему перед съёмками фильма и попросил взять его на роль авиационного техника. Если не Макарыча, то любого другого, – рассказала модератор сайта leonid-bykov.ru Наталья Малахова. – Дело в том, что в армии Виктор Николаевич служил

авиамехаником на аэродроме, и специфика этой воинской профессии ему была известна не понаслышке. К тому же отец Мирошниченко геройски погиб на войне, как умирали те самые «желторотики» в быковском сценарии. И всё, что осталось от него – портсигар как память...

Ненадолго задумавшись, Быков заявил: «А знаешь, я беру тебя на роль комполка Ермакова». Мирошниченко заскромничал: дескать, потяну ли такого героя? «А ты, старик, не волнуйся. Раскрепостись и вперёд со своим театральным черниговским!» – со своей непередаваемой интонацией успокоил Леонид Фёдорович. Так Виктор Мирошниченко повёл в бой своих «стариков». Да как повёл! Кажется, персонаж в сюжетной линии далеко не самый главный, эпизодов совсем немного, однако своей несуетливой, искренней игрой он затмил многих героев. Хорошая половина его немногочисленных реплик разобрана на цитаты. – И сейчас, почти через полвека, трудно представить в роли Ермакова какого-нибудь другого артиста.

Актёр Виктор Николаевич
Мирошниченко («Батя»)

Василий Александрович
Зайцев (прототип героя)

Согласитесь, нет более точного слова для выражения уважения, авторитета и любви к командиру со стороны подчинённых, чем коллективное прозвище – Батя.

Основным прототипом Ермакова, как известно, был командир 5-го Гвардейского авиаполка Василий Александрович Зайцев. Эпизоды из боевой жизни и военного быта, черты характера и даже внешний облик киношного Бати – на 90 процентов от Зайцева. Почему только на девяносто? Да потому что герой Мирошниченко – прототип коллективный, как и другие герои быковской ленты.

Чтобы в кино майор Ермаков получился таким выразительным, что-то своё, кровное, ему отдали опытные лётчики полка, наставники молодых – Николай Дмитриев, Иван Лавейкин, Василий Ефремов, Иван Сытов и в какой-то мере, как ни странно, Игорь Шардаков. Ведь для «желторотиков» и он был «стариком», «Батей», особенно – в воздухе...

– Многие, и не реже, чем Зайцева, Батей называли заместителя командира полка по политчасти Виктора Петровича Рулина. Это высокое простонародное звание им было заслужено его душевной простотой, заботой и вниманием ко всем подчинённым, трудолюбием, а главное – боевыми делами. На фронте Виктор Петрович часто по своей инициативе поднимался на своем Ла-5 и вместе со всеми летал на выполнение боевых заданий, разделяя с ними всю опасность их жизни на войне, хотя по службе ему заниматься этим было вовсе не обязательно, – вспоминал началь

Виктор Петрович Рулин – еще один прототип Бати

ник связи 11-й гвардейской авиадивизии Пётр Михайлович Ожимков¹.

Когда в декабре 1943 года комполка Василий Зайцев выбыл по ранению, у командования не было сомнений в выборе кандидатуры, которая должна заменить Батю – только Рулин! Второй раз Виктор Петрович исполнял обязанности командира 5 ГвИАП с февраля 1945 года, а гвардии капитан Шардаков был тогда его заместителем. Именно Рулин подписал Игорю Александровичу направление на учёбу в академию ВВС.

Так уж вышло, что в лётной судьбе Игоря Александровича Шардакова огромную роль сыграли три Василия – три старших товарища, три выдающихся авиатора, три блестящих офицера, три строгих, но заботливых наставника.

Уроженец Кривого Рога Василий Михайлович Найденко, командир эскадрильи 126-го истребительного авиационного полка (а с осени 1941 года – его командир. – прим. авт.), куда после окончания лётного училища был распределён Игорь Шардаков, был уникальным лётчиком.

Участник четырёх войн – в Испании, на Халхин-Голе, с белофиннами и Великой Отечественной, он в каждой добился воздушных побед!

Василий Михайлович Найденко

---

¹ Ожимков, П. М. Из воспоминаний о войне / П. М. Ожимков // Военная литература : сайт. – [Москва], 2005. – Текст : электронный. – URL : http://militera.lib.ru/memo/russian/ozhimkov_pm/index.html (дата обращения: 06.08.2021).

Перед самой войной Найденко усиленно натаскивал младшего лейтенанта Шардакова, отрабатывая с ним различные приёмы воздушного боя и высшего пилотажа. Как наставник Василий Михайлович сразу отметил великолепные лётные данные молодого лётчика. Он быстро понял, что Шардаков способен вырасти в большого аса, поэтому, не жалея ни сил, ни горючего безжалостно гонял Игоря, заставляя делать по нескольку вылетов в день на самолётах разных типов. Тяжело в учении, но зато как горд был командир эскадрильи за своего подопечного, когда тот сбил вражеский самолёт уже во втором боевом вылете, в своём первом воздушном бою ранним утром 22 июня 1941 года.

Во многом благодаря воспитанию Найденко Шардаков и в дальнейшем показал себя отважным и хладнокровным воздушным бойцом. Игорь не растерялся в трагические дни начала войны, когда гитлеровцы нанесли серьёзный урон нашим ВВС, и воевать пришлось, увы, не малой кровью и не на чужой территории. Он грамотно делал своё дело, как учил его Найденко, умело используя своё мастерство и преимущества истребителя МиГ-3.

Поэтому, когда в конце июня 1941 года лётчик-испытатель Степан Супрун задумал создать свой авиационный «спецназ» и запросил своего боевого товарища Василия Найденко – нет ли у него на примете достойных лётчиков, то тот сразу предложил кандидатуру Шардакова, который был незамедлительно откомандирован в распоряжение командира 402-го истребительного авиаполка особого назначения Стефановского.

Третьим Василием, с которого Игорь Шардаков постоянно брал пример, был ещё один замечательный лётчик – Василий Васильевич Ефремов. В 1941–42 годах он был сначала заместителем, а потом и командиром той самой «поющей» эскадрильи 5 Гвардейского авиаполка – один из первых в подразделении, кому было присвоено высокое звание Героя.

В полку, как мы уже знаем, большое внимание уделялось воспитанию и боевой учёбе молодых пилотов.

– «Желторотиков» в бой не пускали, порой, очень долго, несмотря на горячие просьбы и даже требования, – рассказывал Виталий Иванович Попков. – «Летать не умеют. Стрелять тоже пока не умеют... Но орлы!», – так, кажется, говорил капитан Титаренко в фильме «В бой идут одни старики».

«В полку нас приняли хорошо, по-свойски, доброжелательно. Со стороны лётного состава не было попыток как-то показать своё превосходство, никто не кичился боевым опытом и не пытался принизить тебя, «салагу». Сразу было видно, что отношения у них строились, прежде всего, исходя из оценки каждого как воздушного бойца, главным критерием был уровень его боевой работы, результаты которой у всех на виду.

Командиры эскадрилий, их заместители были лучшими, наиболее опытными лётчиками в полку, на личном счету каждого из них уже тогда было много, подчас десятки, сбитых самолётов противника. «Старики» возглавляли выполнение наиболее сложных и опасных заданий, таких, как воздушные бои с превосходящим количеством немецких истребителей, штурмовку аэродромов, прикрытие переправ, когда противник стремился массированными ударами разрушить их и сбросить наши войска в воду»

Василий Васильевич Ефремов

– вспоминал другой ас 5-го Гвардейского, Герой Советского Союза Георгий Артурович Баевский¹.

Ефремов был как раз из числа тех «стариков». И хотя Шардаков к маю 1942-го был уже далеко не «желторотиком», он не гнушался поучиться у Ефремова строгому расчёту и дисциплине в бою. Игорь перенял у своего старшего товарища требовательность и внимательность к подчинённым, а главное, к себе.

– Как и Ефремов, Игорь всегда был опрятен, подтянут, на вопросы отвечал лаконично – слова он также экономил, как снаряды в бою, – вспоминал Виктор Рулин.²

За годы войны Василий Ефремов совершил 401 боевой вылет, провёл около 120 воздушных боёв, сбил 19 самолётов противника лично и в составе группы. После войны, окончив Военную академию Генерального Штаба, продолжал службу в ВВС. Василий Васильевич скончался в октябре 2002 года, на двадцать лет пережив своего подопечного Игоря Шардакова, который был многим обязан своему старшему товарищу. В том числе, наверное, и жизнью... Хотя тут у них было всё взаимно. Однажды восьмёрка наших истребителей, ведомая Зайцевым, встретила в небе с шестнадцатью «мессерами». Первым устремился в атаку Василий Ефремов. И тут Шардаков заметил, как в хвост его другу и наставнику зашёл стервятник. Не раздумывая ни секунды, Игорь бросил свою машину наперерез. Короткая очередь – и Ме-109, оставляя за собой дымный шлейф, понёсся к земле.

Но, безусловно, тем человеком, которого Игорь Александрович просто боготворил, был Василий Зайцев. Именно Батя преподавал Шардакову все те уроки, после которых наш земляк стал таким, каким мы его знаем – выдающимся лётчиком, и, главное, Героем и Человеком с большой буквы.

В воздухе Зайцеву не было равных. По словам Андрея Горбунова, методиста научного отдела Музея Победы, что на По-

---

¹ Баевский, Г. А. Сталинские соколы против асов Люфтваффе / Г. Баевский. – Москва : Эксмо : Яуза, 2009. – 286 с. – (Вторая мировая война . За Родину! За Сталина!)

² Ильин, Н. Г. Гвардейцы в воздухе : сборник / Н. Г. Ильин, В. П. Рулин. — Москва : ДОСААФ, 1973. – 271 с.

клонной горе в Москве, Зайцев отдавал преимущество бою на коротких дистанциях. Боевые лётчики (в том числе Виталий Попков и, по его словам, Игорь Шардаков. – прим. авт.) сходились во мнении, что это самый эффективный. Огонь пушек и пулемётов с дистанции 50–100 метров настолько губителен для противника, что при попадании в любую часть самолёта у него практически не было шансов продолжать полёт. Однако и сам атакующий мог попасть под взрывную волну или быть повреждённым обломками уничтоженного самолёта – такие случаи были не редки. К тому же, когда истребитель во время атаки подлетал слишком близко к бомбардировщику, то и сам становился хорошей мишенью для бортстрелка.

Непревзойдённым мужеством, помноженным на хладнокровие, надо было обладать, чтобы вплотную подобраться к плюющему огнём бомбовозу. Однако и этого было мало – нужно особое мастерство, чтобы сбивать хорошо вооружённые и защищённые бронёй бомбардировщики. Но в 5-м Гвардейском авиаполку трусов не было, а летать они учились не у кого-нибудь, а у самого Бати.

30 августа 1942 года две пятерки ЛаГГ-3, возглавляемые Игорем Шардаковым и Василием Гринёвым¹, встретили над линией фронта смешанную группу бомбардировщиков: восемь Ju-87, шесть двухмоторных Ju-88, четыре Do-215 под прикрытием двух четверок Me-109. Такое построение в воздухе лишнее раз доказывало, что «блицкриг» у фашистов безнадежно сорвался. Война оказалась затяжной, они потеряли много машин, поэтому вынуждены были посылать на задание самолёты разных типов, с неодинаковой скоростью полета. Шардаков и Гринёв сразу определили: в первую очередь надо бить по Дорнье-215 – они громоздкие и маломанёвренные. А после выхода из атаки стоит поочередно заняться «Юнкерсами».

---

¹ Гринев Василий Никитович, ст. лейтенант, замкомэска 5 ГвИАП, 239 боевых вылетов, 7 сбитых самолётов противника. Не вернулся с боевого задания в июне 1943 года.

Мысленно спланировав бой, наши пилоты решительно бросились на врага. Сначала Григорий Инякин¹ сбил Do-215. Шардаков исхитрился снизу зайти под Ju-87 и с ходу поразил «лаптёжника». Его примеру последовал Николай Макаренко, умело уничтожив второй «Юнкерс». Но Ju-88 оказались более крепкими орешками. На них, похоже, были опытные лётчики: самолёты мгновенно перестроились ближе друг к другу, чтобы усилить плотность огня своих воздушных стрелков. И всё же Гринёву и Лавренко удалось в упор расстрелять по одному бомбардировщику Ju-88. Гитлеровская армада была рассеяна и так и не смогла донести свой смертоносный груз до наших позиций. Чтобы удрать подобру-поздорову на свой аэродром, бомберам пришлось сбросить его в чистом поле. Вот что такое – воевать по-зайцевски!

– Зайцева высоко ценили однополчане. Список его побед был огромен. Он учил подчинённых беречь товарищей и хорошо знать врага. Он проявил себя одновременно и как великий лётчик, и как отличный организатор. Его боевая работа была бесподобна, он всегда умел удивить необычным ходом и неприятеля, и сослуживцев, – рассказал историк авиации, писатель Николай Бодрихин.

Ценило Зайцева и командование. Его призывали делиться своим успешным опытом с лётчиками других подразделений. Более того – новаторство и тактические наработки Василия Александровича начали транслировать в масштабах ВВС Красной Армии. Так, в 1942 году в газете «Красная Звезда» была опубликована статья Василия Зайцева, в которой авиатор давал дельные советы молодым лётчикам-истребителям.

«Перед атакой взвесь обстановку и, если нет возможности удобно подойти к врагу, лучше немного выждать. Пройдёт несколько минут, и противник вдруг совершит такой разворот, что подставит своё уязвимое место, либо облако удобное подвернётся, откуда будет легче незаметно сблизиться с противником. Ко-

---

¹ Инякин Григорий Александрович, в 1942 году – адъютант эскадрильи 5 ГвИАП. Одержал 7 побед в воздухе. После войны – командир авиаполка ПВО.

гда атакуешь, не забывай самого главного – веди только прицельный огонь и только с коротких дистанций», – просто и доходчиво объяснял прославленный ас азы воздушного боя.

Но главное, что теорию Зайцев подтверждал конкретными примерами из боев, в которых лично принимал участие, и подробно разбирал действия своих подчиненных из 5-го Гвардейского авиаполка.

– Умение беречь людей, внимательность и осмотрительность, бесстрашие в ближнем бою с опасным врагом, детальный разбор полетов – все это в Игоре Шардакове было от нашего любимого командира Василия Зайцева, – вспоминал Виталий Попков.

Кадр из фильма «В бой идут одни "старики"»

ОТ ТРИБУНАЛА ДО НАГРАДЫ

– Все мы были не манекены, а люди! – рассказал Виталий Иванович, – даже война не смогла вытравить из нас человеческое. Изнурительные воздушные бои, количество вылетов превышало все допустимые нормы, ранения и гибель товарищей – это с одной стороны. С другой – чего греха таить, бывали гусарские загулы в свободное от полетов время, высокое понимание чести – вплоть до дуэлей, фрондерство и пререкания с начальством. Порой наши фортели на земле и в воздухе кое-кого доводили до гауптвахты и даже до трибунала. Мы ж «стариками» были только в небе: в 43-м, когда разворачиваются события фильма, нам с Игорем, к примеру, было всего по 21 году. Юнцы-желторотики – по нынешним-то временам!

Стояли мы и под расстрелом... В одном из боев увлеклись воздушной дуэлью с «мессерами», сбили несколько стервятников. А когда возвратились на аэродром, с ужасом услышали, что пока мы гонялись за истребителями, вражеские бомбардировщики без помех превратили в кровавое месиво только что прибывший на передовую полк вместе с техникой. Командующий приказал расстрелять нас перед строем, и в тот миг себя уже было не жалко – только стыд жег...

***

– Вот это да! И в кого же стрелять? – в шлемофоне послышался слегка растерянный голос Виталия Попкова.

– Да хоть во всех сразу – не промахнешься! – такого количества самолётов в небе Игорь ни до, ни после этого никогда не видел.

До сотни бомбардировщиков, среди которых преобладали выкрашенные в камуфляж «лаптёжники» – самые вреднющие для пехоты пикировщики Ю-87, густой взвесью заволокли все небо над линией фронта. Их страховали не меньше пяти десятков ис-

требителей: половина стерегла бомбовозы, а другие с протяжным визгом утюжили наши окопы.

Немцы, уверенные в собственной безнаказанности, делали свое черное дело не спеша, даже картинно.

Сперва, мерно урча, отбомбились двухмоторные «восемьдесят восьмые». Затем, для пущего страха включив сирены, хвост в хвост, как на учениях, в пики устремилась головная девятка «лаптёжников». «Мессеры», жужжа, словно осы юрко маневрировали среди скопища машин и редких зенитных разрывов.

Но вот один резко отвернул в сторону и, потеряв управление, понесся прямо на холм: видимо, пилот был ранен или убит винтовочным огнем с земли. Что ещё может противопоставить против лавины огня и бомб пехотинец, вросший в тесную нору стрелковой ячейки? Только трехлинейку родимую, образца допотопного 1891 года. Но и от нее, бывало, доставалось стервятникам, рискнувшим спуститься на бреющий полет. А не нагличай, не дразни «царицу полей»!

«Мессеры» набирали высоту для очередного захода, поэтому не видели, как им в хвост заходит звено Шардакова на ЛаГГ-3.

– Поддадим добавки «худым»¹! Внимание! – скомандовал Игорь. – Макаренко и Попков атакуют, я прикрываю!

Сразу три самолёта потерял враг после стремительной атаки. Один шаровой молнией взорвался прямо в воздухе, обдав жаром и сыпью осколков ЛаГГ Игоря. Второго настигла огненная трасса из пулеметов истребителя Попкова – «мессер», продырявленный от винта до стабилизатора, ушел в свое последнее пики. Ещё один Me-109, задымив и теряя скорость, пошел на снижение, пытаясь увильнуть, но Шардаков перехватил «подранка» и короткой очередью зажег его. Почин удачный!

---

¹ Так наши лётчики иронично называли «Мессершмитт-109» за «изящество» линий и узкий фюзеляж.

«Лаптёжники» – пикировщики «Юнкерс-87»

– А теперь – к бомберам! Ну, кто тут с полным брюхом? Щас лопнете, гады!

Расторопно перестроившись, наши истребители прошли над изготовившимися перед бомбометанием «Юнкерсами». Один Ю-87, задрав когтистые лапы шасси, перевернулся в воздухе и загорелся. Остальные, почуяв смерть, кинулись врассыпную, так и не успев избавиться от бомб.

Только теперь немцы словно опомнились. Бомбардировщики сомкнули строй, а на наши самолёты набросилась целая орава «мессеров». Норовя отличиться и мешая друг дружке, они никак не могли поразить ЛаГГи. Завертелась подлинная карусель: кто за кем гонялся, было уже не видно. Да и не важно. Главное, пять советских истребителей – всего пять! – разметали по небу полтора-два десятка машин с черными крестами на крыльях. Было ли где такое?..

Давно не видел такой коловерти и командующий. Пожалуй, с самого Халхин-Гола, когда вместе с долговязым военкором Константином Симоновым он наблюдал за воздушными сражениями против японцев.

Выйдя из блиндажа КП, он вместе со штабом глядел на пять краснозвездных ЛаГГов, что смело вонзились в самолётную кашу. Завертелась карусель, из которой то и дело выпадали машины и, оставляя за собой дымную повитель, кувыркались к земле.

– Немцы горят! Наши всё ещё живы, – удивлялись военные.

Через несколько минут схватка переместилась далеко за линию фронта, и о том, что она никак не завершится, можно было понять только по непрерывному стрекоту очередей и предсмертному вою падавших машин.

Тем временем никем не замеченная стайка «Юнкерсов» спокойно выплыла из-за редкой облачности и устремилась на позиции только-только занявшего траншеи стрелкового полка, что был буквально вчера со слезами выклянчен командующим у Ставки в качестве пополнения. Бомбы густо посыпались на окопы. Через десять минут полка, можно считать, уже не существовало...

А пятерка наших истребителей, фасонисто покачивая крыльями, цела и невредима вынырнула из коловерти боя. Истребители, не открывая огня, прошли мимо продолжавших бомбежку «Юнкерсов» и потянули на восток.

– Весь боезапас на «мессеров» изнахратили, черти! Все дело погубили, чем сейчас держаться будем? – командующий побагровел от гнева. – Начальника ВВС сюда! Нет связи? Так наладьте, бес вас возьми! Меня не волнует как!

Когда командира авиакорпуса вызвали-таки по радио, генерал, все ещё на взводе, резко спросил у него:

– Чьи самолёты сейчас красовались над нами?

– Немецкие, товарищ генерал армии! – не поняв, о чем речь, ответил начальник ВВС. – Массированно бомбили наши позиции.

– Сам видел, что немецкие! С такими «соколами», как у тебя, небо всегда будет только немецкое! Я спрашиваю, что за летуны с ними сцепились? Ах, 5-го Гвардейского?! Едем туда сейчас же...

***

Пятёрка Игоря только что приземлилась. Без потерь и урону, если не считать пробитый колпак на ЛаГГ-3 Шардакова. На ходу обсуждая перипетии боя, лётчики двинулись на доклад к Бате.

– Товарищ майор! Выполняя боевое задание, встретили до сотни самолётов люфтваффе. Семерых сбили. Лётчик Попков отличился дважды. Наши потери – ноль! – не сдержав улыбки, отрапортовал Игорь.

– Ой-е-ей! Прямо уж до сотни? Не показалось ли со страшных глаз? – подначил комполка, уже зная от поста ВНОС о результатах боя.

– Даже больше было, но до остальных мы не успели добраться... Разрешите ещё один вылет?

Но лететь не пришлось. По проселку, ведущему к аэродрому, уже пылила кавалькада «виллисов» и «эмок». Из второй по счету машины вылез коренастый военный аж с пятью генеральскими звездами на петлицах и, подбоченясь, хмуро огляделся.

«Никак сам командующий! – удивился Батя. – Наверное, видел бой и сейчас наградит моих соколов по-генеральски». И, услышав властную команду «Майор, ко мне!», уважительной, но не шибко подобострастной рысцой двинулся навстречу высокому начальству.

– Это что, весь полк? – небрежно козырнув на приветствие Бати, строго спросил командующий. – Только семь машин? Где остальные?

– Ещё в пути, товарищ генерал. Мы только сегодня утром получили приказ на передислокацию. Одна эскадрилья прибыла,

другие будут по расчетному времени к 19.00, – ответил комполка, глянув на часы.

– Только прибыли и уже отличились! Черт знает что... Построить личный состав!

– Только лётчиков?

– Всех!

Когда перед командующим выстроилась небольшая шеренга, он выкрикнул:

– Пятерка, что сейчас развлекалась в воздухе, выйти из строя!

Игорь, весело переглянувшись с Попковым, сделал пять шагов вперед. «Красная звезда», не меньше», – замечтался он. – А если сам командующий, то может и Героя дадут».

Его примеру последовали остальные лётчики, что совсем недавно победили в неравном бою с целой тучей самолётов врага.

– Комполка Зайцев! Этых – расстрелять! Немедленно! Перед строем, – от слов командующего все замерли.

Лица лётчиков серели прямо на глазах. Услышав команду, из крайнего «виллиса» уже вылезала четверка автоматчиков...

– За что? – вытаращился Батя, силясь что-то ещё сказать, но командующий и рта не давал раскрыть.

– Ишь – вернулись живы-здоровы! Бросили бомбардировщики, погнались за «мессерами»... Орденов захотелось, гер-рой? Хрен вам, а не ордена! Да вам фашисты за такие дела должны Железные кресты повесить! Целый полк как корова языком слизала... Похоронки – на полторы тыщи душ – вы будете писать семьям? Молчите? Вы же видели, что «Юнкерсы» творят! Как посмели мимо них прошмыгнуть? Сдрейфили?

– Да они ж пустые пришли совсем, все до последнего снаряда истратили, – вновь попытался вклиниться в гневную речь командующего Батя.

– На таран идти, как положено советскому лётчику, «сталинскому соколу»! Насмерть биться, как ваши товарищи на земле! – голос у генерала почти совсем сорвался. – Приказ №227¹ позабыли, трусы паршивые?!

«Как же так? – неслись мысли в голове Игоря. – Мы же все, что могли, сделали! Даже сверх того... Как же так, неужели расстреляют? Какой позор-то... Как же мама, отец? Эх...»

И тут, словно гром с ясного неба, – так, чтобы все вокруг слышали, – Батин голос:

– А не пошли бы вы куда подальше, товарищ командующий!

Зайцев в тот момент был просто хорош: набычился, немигающий взгляд прямо в лицо генералу, Звезда Героя блестит, руки по швам – не дрожат. Чувствовалось, что и врезал бы, если б дотянулся...

– Ааах! – словно солдатское «ура» прокатилось над летным полем.

Командующий был не из тех, кто при матерном слове падает в обморок. Но в последний раз генерала вот так просто и грубо посылали в далекие времена кавалерийской молодости, когда его, молодого драгуна-новобранца, «по матушке и по бабушке» расчихвостил старик-фельдфебель за нерасторопность в сабельной рубке. С тех пор редко кто повышал на него голос. Даже Сталин...

Командующий оторопел, но лишь на мгновение. Он, сузив глаза, с интересом смотрел на Батю. Сцена оставалась поголеовски немой. В свите кому-то стало плохо – ждали страшного, уже ничем не поправимого...

«Теперь точно расстреляют, – свыкся с судьбой Игорь, вытирая со лба проступившие капли пота. – Но уже вместе с Батей».

Однако Батя тоже был не из пужливых...

---

¹ «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» или в просторечии «Ни шагу назад!» – приказ № 227 Народного комиссара обороны СССР И. В. Сталина от 28 июля 1942 года, публично зачитанный всему личному составу Красной армии.

Теперь пришёл его черёд: надо было прямо сейчас найти необходимо важные слова, чтобы спасти своих парней, каждого из которых он за короткое время полюбил как сына.

– Расстрелять – это проще некуда, – спокойно начал он. – Только – вместе со мной! Но следующий ваш приказ, товарищ командующий, выполнять будет некому. Других лётчиков-истребителей на этом участке фронта нет.

– От твоих истребителей, майор, толку как от свиньи: визгу много, шерсти – ноль. – То, что командующий тоже говорил спокойно, крайне озадачило окружающих. – Нечего их жалеть. Свет клином на них не сошелся. Лётных училищ у нас много – придут другие, более смелые и сознательные. А незаменимых, заруби себе на носу, у нас в Красной Армии нет. Понадобится, и тебя заменим...

– Воля ваша. Вот фрицы-то обрадуются... Чтобы ваших смелых и сознательных хоть чуть-чуть летать научить, не один месяц ещё понадобится. А вот этих, что перед вами стоят, учить не надо. Каждый из них лучше любого немецкого аса – ручаюсь! Но если нет нам веры – стреляйте! – и Батя начал отстегивать портупею с кобурой.

– И это вас надо вместе со штабом под трибунал отдавать, товарищ командующий, – совсем уже осмелел комполка. – Как такое вышло, что пять моих лётчиков сражались против такой армады? Почему мы не получили никакой поддержки? Или кроме 5-го Гвардейского нет больше у Красной Армии авиации? А ребята, сами видели, героически бились и выжили. А вы хотите их жизни лишить...

Командующий был крут, но отходчив. Про него много болтали зряшного: самодур, дескать, кровушку солдатскую льет не жалея, чуть что – расстрел. Но никого ещё не наказал он ни за что ни про что. Даже тогда, в конце 30-х, когда начальники требовали от него подписей под расстрельными списками, он послал их при-

близительно по тому же адресу, что и этот строптивый майор-летун. Людям, оступившимся по первости да по молодости, всегда давал второй шанс – и никогда не ошибался. А без крови на войне не бывает. Вот только пролил он ее меньше, чем любой другой полководец...

А в храбрости и упрямстве он и десяти «батям» дал бы фору. Потому что проявлять их приходилось перед такими людьми, при одном упоминании которых даже самые разгеройские герои могли штаны прохудить. Поэтому смелых и честных людей – и в бою, и перед начальством – командующий крепко уважал.

Командующий хмыкнул, в последний раз мазнул взглядом по шеренге понурых лётчиков и, ничего не сказав, твердой походкой направился к «виллису». За ним, облегченно вздохнув, тронулись штабные командиры.

Но Зайцев не сразу поверил в генеральское великодушие. Готовясь к худшему, на всякий случай он написал последнее письмо своим родным и то же самое посоветовал сделать лётчикам.

Игорь не стал писать – зачем тревожить семью, которая и так бедует где-то в эвакуации...

А на следующий день в полк прибыл адъютант командующего и молча достал из вещмешка пять алых коробочек. С орденами Красного Знамени.

Вот так Игорь познакомился с будущим маршалом Победы – Георгием Константиновичем Жуковым.

ПОД ЗВЕЗДОЙ ШВЕЦОВА

- Вот это драка была... Думал, каюк!
- Как аппарат?
- Мирowo!

(из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

В фильме «В бой идут одни старики» отчётливо видно, насколько бережно и с любовью относятся лётчики к своим боевым машинам. Полк, в котором воевала «вторая поющая», летал на великолепных Ла-5 конструкции Семена Алексеевича Лавочкина. Грозные в воздушных сражениях истребители по праву считались одними из лучших самолётов времен Второй Мировой войны. А может быть, и самыми лучшими. Во многом благодаря тому, что Ла-5 был оснащён мотором выдающегося конструктора, Героя Социалистического труда Аркадия Дмитриевича Швецова – двухрядной звездой М-82, собранной пермскими моторостроителями.

Истребитель ЛА-5ФН

Шла третья неделя ожесточенной Курской битвы. Один из лучших асов истребительной эскадры люфтваффе «Зелёное сердце» гауптман Хайнрих Юнг (68 побед. – прим. авт.) вместе с ведомым лейтенантом Хербертом Броендле¹ отправились в свободную охоту, чтобы подкараулить зазевавшегося новичка-«желторотика». Вскоре им повезло: в небе повстречался одинокий краснозвездный Ла-5, который, как показалось Юнгу, летел как-то неуверенно, плохо ориентировался в обстановке. Ведь они дважды пронесли в прямой видимости советского лётчика, однако тот никаких действий не предпринял, будто не видел их. Как известно, для немецких асов подобные «слепые котята» – основная добыча. Юнг был опытен: чем хлестаться с равным себе пилотом без гарантии на успех – себе дороже, лучше без проблем на свою шею поджечь такого вот пентюха, а ещё слаще – двух или трех за раз. И – домой, где ждут горячий кофе, лестные похвалы и неспешные беседы под французский коньячок с такими же асами – пожирателями «желторотиков».

– Иван есть Иван, деревня благая, ничего не видит, как всегда. Наверное, тупо уставился в приборную доску, только и думает, как бы не заблудиться. Мне что, по плечу его похлопать, чтоб он нас соблаговолил заметить? – непринужденно разглагольствовал в эфире гауптман. – Поприветствуй-ка его, Херберт! Только не насмерть, он – мой. Мне ж до семидесяти всего пару большевиков осталось свалить, а это верный «Железный Крест» из рук папаши Геринга!

---

¹ Херберт Броендле (58 побед) уже через неделю после описываемого события, 2 августа 1943 года, был сбит лётчиками Балтийского флота. Попад в плен, он рассказал о воздушном бое, где погиб его ведущий. Вероятно, если бы Юнг не был столь именитым противником, то победу нашему лётчику вряд ли бы засчитали. Не оказалось подтверждения, не было свидетелей боя – да и сам лётчик честно признался, что не видел падения самолёта врага. Но после свидетельства Броендле, победа задним числом была засчитана лейтенанту Сидоренкову. После гибели командира эскадры в Северной группе войск был объявлен трёхдневный траур. Хайнрих Юнг посмертно был награждён Рыцарским крестом.

Ведомый послушно лёг на крыло и, как на учениях, устремился к «Лавочкину»...

Пушечная трасса хлестнула по кабине и словно бритвой срезала мачту радиоантенны. «Ну вот, черт, теперь даже на помощь не позвать», – подумал наш лётчик.

Он видел, как в стороне пролетели два «фоккера», но почему-то не атаковали. Видимо, боезапас расстреляли или задание было другое. А может, не заметили?

Вот у него, действительно, задание было особым. Командир 254-го истребительного авиаполка строго настроено запретил отвлекаться на воздушные бои. Главное – разведка! Сведения, которые вез домой пилот, были на самом деле очень важными. Его зоркий глаз засек в мелкоколесье близ рокадной дороги замаскированную танковую колонну. Поэтому он просто обязан долететь. Тем более что остался совсем один – командир, который должен был лететь вместе с ним, так и не смог подняться в воздух из-за неполадок с мотором.

– Какие там могли быть неполадки? – все удивлялся лётчик. – Работает как часы, даже слушать приятно – музыка! Видимо, недосмотрел механик что-то...

Ещё совсем недавно в летном училище он вместе с курсантами, чумазыми от машинного масла, по винтику разбирали новый мотор. Даже беспросветным двоечникам было понятно – это вещь! На носу зарубили: двухрядная звезда, конструктор – Швецов А. Д.

– Но теперь всё – придется приказ нарушить, – решил пилот и огляделся по сторонам. – Эти так просто не отстанут. «Грюнхертц» – свободные охотники, о которых на инструктаже настойчиво предупреждал начштаба. Ну, выручай «звезда»! Выручай, дорогой Швецов А. Д.!

Конструктор А. Д. Швецов за работой

Мотор советского истребителя взревел львиным рыком, Ла-5 заложил немыслимый вираж и скрылся в облаке. Хайнрих Юнг с ведомым не успели даже переглянуться, как через мгновение

«Лавочкин» оказался на хвосте у обоих «фокке-вульфов». «О, майн гот!» – короткая очередь, и вражеский стервятник, заваливаясь на нос, устремился к земле. Второй не стал испытывать судьбу и на всех парах пустился наутек.

– Вот это моторище, вот это обороты! Зверь! – восхитился лётчик, переведя дух. – Спасибо тебе, Швецов А.Д.!

А матерый Юнг так никогда и не узнал, что сбил его совсем ещё молодой пилот Василий Сидоренков¹ в своем первом же воздушном бою.

---

¹ Василий Кузьмич Сидоренков (1918—1991) – во время Великой Отечественной войны – лётчик-истребитель 254-го истребительного авиационного полка. Сбил

***

А впервые немецкие стервятники полной чашей хватили лиха от незнакомых советских истребителей в небе под Сталинградом.

15 декабря 1942 года 5-й Гвардейский ИАП в составе 207-й истребительной авиационной дивизии 3-го смешанного авиационного корпуса 17-й Воздушной армии приступил к боевой работе в средней излучине Дона.

16 декабря войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. В первые часы операции из-за обильного снегопада авиация не смогла поддержать войска, которые, встретив упорное сопротивление противника, продвигались медленно. Но в середине дня, когда распогодилось, эскадрильи штурмовиков и бомбардировщиков под прикрытием истребителей обрушили бомбовые удары на оборону противника и его тылы. Так, совместно с наземными частями 1-й гвардейской и 6-й армий, 4-го гвардейского танкового корпуса полк принял участие в разгроме немецких и итальянских войск, а также в воздушной блокаде окруженной группировки в районе Сталинграда.

5-й Гвардейский ИАП стал первым подразделением в 207-й истребительной авиадивизии, полностью оснащённым новыми самолётами Ла-5 с мотором конструкции Аркадия Швецова¹. В начале ноября 1942 года закончилось перевооружение полка. Всего лишь за месяц лётчики освоили новый истребитель, и уже 12 декабря полк перебазировался на аэродром Троицкое на Юго-Западный фронт.

Гвардии старший лейтенант Игорь Шардаков первым в полку и, что любопытно, первым из земляков Швецова открыл счет сбитых вражеских самолётов на Ла-5 с мотором пермского кон

---

25 самолёта противника. Герой Советского Союза, генерал-лейтенант авиации. Одинокашник И. А. Шардакова по учебе в Военно-Воздушной Академии.

¹ Кроме 5-го ГвИАП, в нее входили ещё два истребительных полка на «Яках» под командованием М. В. Кузнецова и С. Л. Индык. Вскоре они тоже стали гвардейскими.

Прикамцы, которые воевали на Ла-5 с мотором А. Д. Швецова

Иван Семенович
Козич

Виктор Васильевич
Кирилюк

Николай Васильевич Крас-
нов

структора. В самый разгар контрнаступления под Сталинградом, встретив в районе Новой Калитвы четыре «мессершмитта», он смело атаковал ведущего группы. Остальных связали боем его однополчане Виталий Попков и Николай Макаренко. После меткой атаки Шардакова вражеский самолёт на высоте триста метров перевернулся на спину и, уйдя в штопор, врезался в землю. Опасаясь разделить участь ведущего, три других «мессера» попросту удрали.

Надо сказать, не могли нахвалиться швецовским мотором и другие лётчики-истребители, уроженцы Прикамья. Иван Козич из Сюзьвы, что в Юрлинском районе, пересев на новый Ла-5, сбил тяжёлый двухмоторный истребитель Ме-110 на Орловщине. Пермяк Николай Краснов в один день (!) свалил четыре Ме-109 над венгерским Секешфехерваром. В небе над Веной 21-летний оханец Виктор Кирилюк на Ла-5 сбил свой 30-й вражеский самолёт, став самым молодым в истории лётчиком, добившимся такого результата.

Несомненно, для Шардакова – признанного мастера воздушного боя на коротких дистанциях – «Лавочкин» с швецовской «звездой» был сущей находкой. Однажды Игорь Александрович вел тяжелейшую схватку с гитлеровским асом на Ме-109 послед-

ней модификации. Немецкий лётчик не уступал Шардакову ни в технике пилотирования, ни в бесстрашии. Не раз они сходились в лобовых атаках, трепали друг друга на виражах и на вертикалях. Самолёт Игоря несколько раз содрогался от вражеских попаданий, но машина оставалась послушной в управлении, мотор не давал никаких сбоев. Соперники одновременно израсходовали боезапас и разлетелись по своим аэродромам, так и не выявив победителя.

После приземления техник, как обычно, осмотрел самолёт и пришел в ужас. Мало того, что плоскости были изрешечены пулями – в нескольких ключевых деталях мотора зияли дыры! Удивительно, но даже такие повреждения не помешали нормальной работе детища Аркадия Дмитриевича Швецова. Можно только представить, как гордился Игорь Шардаков своим земляком-конструктором:

– Уверен в моторе Швецова как в своем боевом товарище, он словно прикрывает меня своим телом.

«Лавочкины» 5-го ГвИАП ежедневно делали от пяти до десяти боевых вылетов. Несмотря на такую огромную нагрузку, швецовские авиадвигатели работали безотказно. Испытав новые машины в бою, лётчики в письме самолётостроителям сообщали: «Наш гвардейский истребительный авиаполк дерется с фашистскими стервятниками на самолётах типа Ла-5, выпущенных вашим заводом. Лётчики-гвардейцы довольны вашими самолётами и горячо благодарят за самоотверженный труд. В воздушных боях с фашистскими самолётами Ла-5 показал себя исключительно с хорошей стороны. Машина проста в пилотировании, устойчива и вынослива. Пресловутые «мессершмитты» всех модификаций в открытый бой с нами не вступают. Можем доложить вам, что на ваших самолётах гвардейцы-лётчики нашего полка только за месяц сбили 47 фашистских самолётов, не потеряв своего ни одного».

Отдавали должное «Лавочкину» с швецовским мотором и немецкие пилоты. Уже на закате своей жизни один из самых результативных асов люфтваффе Гюнтер Ралль писал, вспоминая о

воздушных боях над территорией Советского Союза: «Это были мощные и маневренные самолёты. Неоднократно я пытался превзойти Ла-5 в боях на горизонтали, и никогда мне это не удавалось, даже несмотря на то, что рычаг управления двигателем я передвигал вперед до упора». Поверим асу – он знает, о чём говорит. Потому что неоднократно был бит нашими лётчиками на Ла-5 в воздушных боях.

На «Лавочкиных», оснащённых моторами Аркадия Швецова, кроме Игоря Шардакова, воевали такие асы, как Виталий Попков, Алексей Алелюхин, Павел Головачев, Кирилл Евстигнеев, Владимир Лавриненков и однокашник Игоря Александровича по Симферопольскому аэроклубу Амет-Хан Султан.

Уникальное по результативности воздушное сражение на Ла-5 провел старший лейтенант Александр Горовец. Во время Курской битвы 6 июля 1943 года в одном бою он уничтожил 9 (!) бомбардировщиков Ju-87, но сам был сбит подоспевшими истребителями противника уже после того, как израсходовал боезапас. Посмертно ему присвоили звание Героя Советского Союза.

20 февраля трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб в воздушном бою уничтожил немецкий реактивный истребитель Me-262. Победу обеспечили не только блестящее мастерство лётчика, но исключительные качества самолёта конструкции Лавочкина. Аркадий Дмитриевич Швецов гордился, что его двухрядная звезда выдержала и победила в схватке с реактивным двигателем – мотором новой качественной эры в развитии авиации.

Но с внедрением мотора в серийное производство все шло не так гладко. Поначалу ведущие авиаконструкторы страны, в том числе и Лавочкин, не хотели устанавливать двухрядную звезду Швецова на свои самолёты. Но не из-за того, что он был плох, а потому что имел принципиальные отличия от других двигателей.

А значит, было необходимо в корне менять технологии производственного процесса на заводах, предварительно остановив выпуск так необходимых на фронте самолётов. Но в тяжёлом для страны 1942 году, когда враг рвался к Волге, никто не решался рискнуть предложить подобную перестройку.

И. А. Шардаков (крайний слева) и И. Н. Кожедуб (в центре) – одни из лучших советских асов, воевавших на Ла-5 со швецовским мотором

Однако по техническим характеристикам преимущества «звезды» Швецова были очевидны даже не для специалистов. И, как это часто случалось во время войны, решить проблему помог сам верховный главнокомандующий.

Сталин, как известно, отлично разбирался в вопросах, связанных с авиацией. Он очень ценил Швецова как выдающегося конструктора. Весной 1942 года Аркадий Дмитриевич был удостоен Сталинской премии первой степени за изобретение двухрядной «звезды» – поршневого двигателя М-82, успешно применявшегося в истребительной и бомбардировочной авиации. Но Швецов не был бы Швецовым, если бы стал поживать на лаврах. В его голове уже давно зрела идея по усовершенствованию мотора. Вторая модификация швецовской «звезды» – М-82Ф с улучшенной системой охлаждения – таила в себе небывалые перспективы по увеличению скоростных возможностей истребителей.

Естественно, Сталин был в курсе разработок Аркадия Дмитриевича. Ведь Швецов постоянно докладывал о ходе работ в Молотовский обком партии, секретарь которого Николай Иванович Гусаров отчитывался перед Центральным Комитетом партии и лично перед Сталиным.

Моторостроители завода № 19 (завод имени Свердлова в Перми, ныне – «Пермские моторы». – *прим. авт.*) во главе с Солдатовым, сотрудники конструкторского бюро продолжали убеждать Ставку, ГКО и наркомат авиапрома в необходимости внедрения швецовского мотора. Под их напором, а также благодаря

ходатайствам первых секретарей Горьковского и Молотовского обкомов ВКП(б) М. И. Родионова и Н. И. Гусарова, 19 мая 1942 года вышло постановление ГКО № 1786 «О выпуске самолётов ЛаГГ-3 на заводе № 21», обязывавшее наркома Шахурина, главного конструктора Лавочкина и директора завода № 21 Гостинцева сверх программы по ЛаГГ-3 с М-105ПФ немедленно приступить к выпуску самолётов ЛаГГ-3 с мотором М-82 (позднее он получил наименование – Ла-5. – *прим. авт.*).

Сталин и в дальнейшем внимательно следил, как постановление ГКО, касающееся швецовского мотора, претворяется в жизнь. Однажды в кабинете Верховного произошел разговор на повышенных тонах, о котором в своих мемуарах вспоминал бывший замнаркома авиапромышленности Александр Яковлев:

Лауреат Сталинской премии А. Д. Швецов в Кремле с лётчиками, Героями Советского Союза

«В Кремль были вызваны нарком Шахурин, я и командование ВВС. В кабинете у Сталина находились Молотов, Микоян и Щербаков. Шахурину был задан вопрос о моторе М-82 – мощном двигателе воздушного охлаждения конструкции Швецова. Сталин и раньше неоднократно говорил, что нужно выпускать больше этих моторов, а теперь спросил Шахурин, почему задерживается их освоение в серийном производстве. Нарком стал приводить ряд причин, объясняющих задержки.

Сталин вспыхнул:

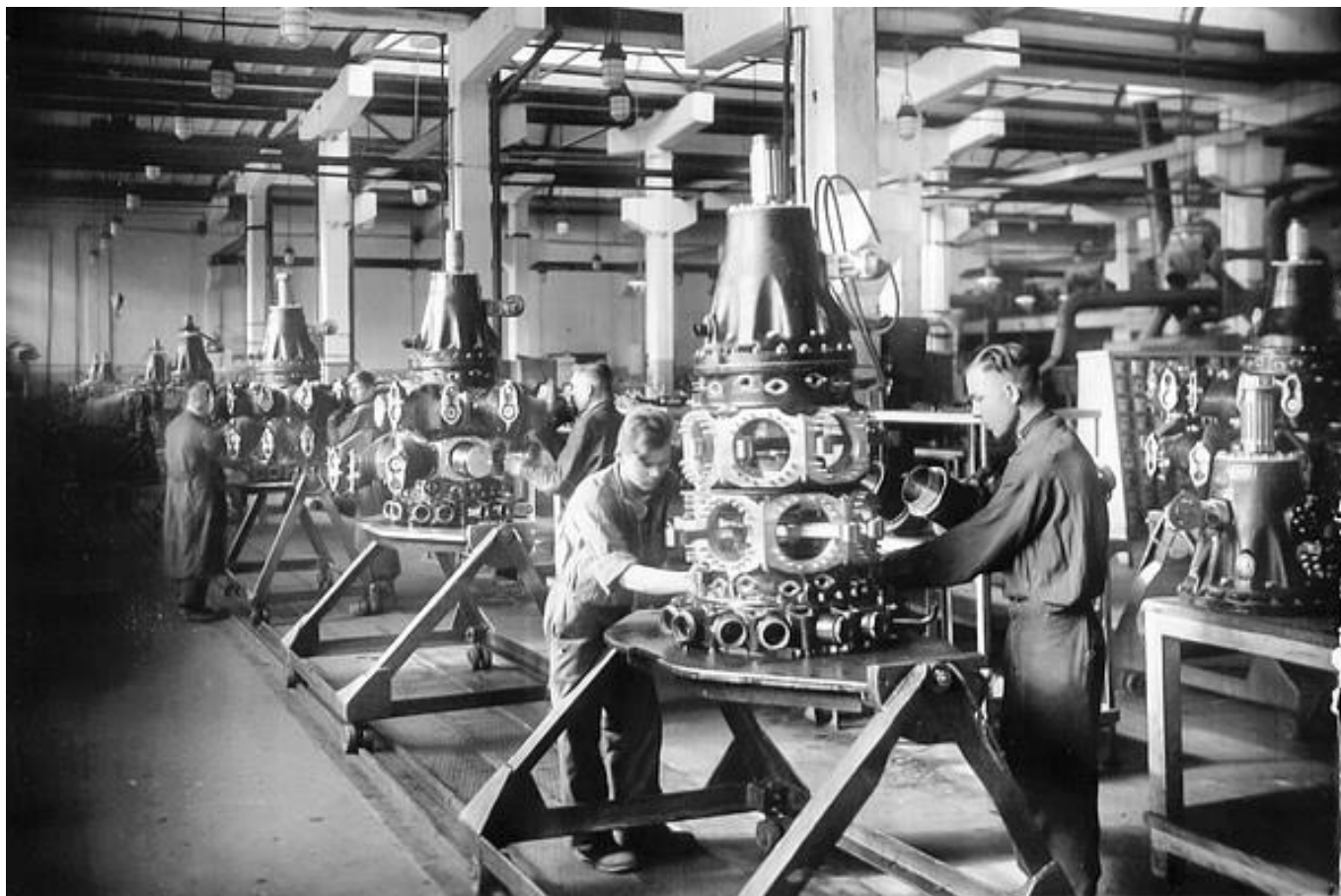
– Почему вовремя не докладываете о своих затруднениях? Если не можете сами их ликвидировать или решить, нужно докладывать. Мы не отказываемся помочь, но своевременно докладывайте о затруднениях, если не можете сами справиться.

Этот разговор имел благоприятные последствия для завода № 19. Гусарову, который был не только первым секретарем областного комитета партии, но и уполномоченным ГКО по заводу, Сталин поручил принять срочные меры по увеличению выпуска моторов»¹.

Но в это время сам Швецов со своим КБ был уже всецело поглощён созданием нового двигателя, который вот-вот собирались передать на испытания. Ведь Сталин поставил задачу не позднее лета 1943 года выпустить истребитель, превосходящий по своим летным данным все до одного самолёты противника. Когда на молотовский завод № 19 привезли немецкий авиамотор Даймлер-Бенц, снятый со сбитого «мессера» новейшей модификации, Швецов распорядился, чтобы ведущие конструкторы ознакомились с двигателем. «Стоял жестокий мороз, и мотор двое суток оттаивал в сборочном цехе, да так до конца и не оттаял. Но, стремясь быстрее выполнить указание главного, рабочие принялись за дело. Когда мотор был разложен по косточкам, собрались ведущие конструкторы. Они долго глядели на детали, о чём-то переговариваясь, потом разошлись.

---

¹ Журавлев, П. А. Встречи со Сталиным / П. А. Журавлев. – Москва : Альтернатива, 2004. – 407 с.

Швецовская двухрядная звезда на конвейере завода № 19, г. Молотов.

Появился Швецов. Он тоже внимательно осмотрел узлы, наклонялся к ним с разных сторон, а уходя, сказал сборщикам:

– Наш будет лучше!»¹

И это не было хвастливым и беспочвенным заявлением! М-82ФН – так назывался новый двигатель. Он был построен на основе всё той же двухрядной звезды, но оказался намного мощнее своих прототипов. Примечательно, что габариты и размеры остались прежними. Это упрощало его внедрение в серийное производство и не требовало коренной переделки самолётов. Внешне похожий на прежние моторы, новый двигатель в то же время имел существенное отличие. Аркадий Дмитриевич убрал карбюратор и вместо него установил аппаратуру непосредственного впрыска горючего в цилиндры. Были улучшены системы всасывания и охлаждения головок цилиндров, повышена надежность

---

¹ Грин, Б. Д. Высокое небо / Б. Д. Грин. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1969. – 234 с. : ил.

важнейших деталей и узлов. Испытания, как и ожидалось, прошли успешно.

Как только государственная комиссия приняла мотор, Лавочкин установил его на свой истребитель. Теперь это был Ла-5ФН, отличавшийся ещё большей горизонтальной и вертикальной скоростью.

Чудо, а не машина – этот Ла-5ФН! Однажды лётчики эскадрильи Шардакова сбили Me-109. Пилот, ефрейтор Диниус, покинул падающий самолёт, выпрыгнув с парашютом, но был взят в плен советской пехотой. Когда его доставили на аэродром, немецкий ас попросил показать ему самолёт, который его сбил. А увидев, изумился: «Почему вы меня обманываете? Это же Ла-фюнф! Он не мог меня догнать на «горке»!»

– Хрен тебе, фриц! – засмеялись наши лётчики. – Ла-фюнф да не тот!

Пилот 5-го ГвИАП Георгий Баевский, хорошо знавший немецкий язык, перевел загрустившему немцу, что сбил его не просто Ла-5 и даже не Ла-5Ф, а новый Ла-5ФН, с существенно улучшенными летно-техническими характеристиками. И таких истребителей, дескать, в вашем рейхе нет и никогда не будет!

Так что в воздушных победах Игоря Шардакова есть немалая доля участия Аркадия Дмитриевича Швецова. Пусть они не были знакомы лично, но Игорь Александрович был уверен, что его земляк-конструктор не спит, не ест, а думает, как усовершенствовать и без того отличный мотор. А Швецов не сомневался, что его двигатель эксплуатирует достойный земляк-авиатор...

Когда в 1945 году Шардаков уезжал на учебу в Военно-Воздушную академию, то на прощальном ужине поднял тост не только за Победу и за своих боевых товарищей, но и за представителей передовой авиаконструкторской мысли – Семена Лавочкина и Аркадия Швецова.

ОРЛИНЫЙ ГЛАЗ

– Сведения не проверены. Так что лети, ходи по крышам, заглядывай в стволы зениток, а танки обнаружь!

(Из к/ф «В бой идут одни "старики"»)

Игорь Александрович Шардаков был не только мастером воздушного боя. Это был ещё и прирождённый разведчик: недаром его звали «глазами полка».

Всем памятен диалог Бати и Маэстро из кинофильма «В бой идут одни «старики», когда возвратившийся из полёта капитан Титаренко докладывал своему командиру о результатах разведки. Задание лётчик выполнил, но, оказывается, всё прошло не так гладко. Он чувствует, что провинился, и пытается замять разговор, но Батя – его не проведёшь! – со строгой иронией возвращает его в необходимое русло.

Многие зрители искренне не понимают, почему храбрый капитан Титаренко получил выговор от комполка? Ведь он нашел танки, да ещё и расстрелял колонну фашистов во главе с наглым генералом на белом коне – герой!

Но Батя был прав. Труд воздушного разведчика тяжёл и сложен. И не всякий хороший истребитель способен быть хорошим разведчиком. Ведь ему мало уметь отлично пилотировать машину, мастерски и смело бросаться в бой. Разведчик должен обладать ледяным спокойствием, острым глазомером, замечать всё, что делает враг, распознавать его намерения, разгадывать самые неожиданные манёвры и помыслы сильного противника.

– Отвага, хладнокровие и смекалка! – три таких качества считал Виталий Попков необходимыми для разведчика. – И хладнокровие, пожалуй, я поставил бы на первое место.

Виталий Иванович знал, о чём говорил: ведь разведчику во вражеском тылу приходилось сталкиваться с самолётами противника. И, как бы не рвалась душа в бой, нужно было сдерживать себя. Тут уж не было постыдным уклониться от схватки и попросту сбежать. Даже наоборот – любой ценой оторваться или

- А всё ты мне, милый друг, доложил?
- Всё... Табак хороший...
- Хороший... А дальше?
- Хм... Да ты представляешь, как в оперетте: танки, а вот этот, на белом коне, мне вот так ручкой...
- Ну и ты...
- Ну и я разочек махнул! Слушай, ну надо же было наказать! Это же не сорок первый!..
- Тебе было приказано не раскрывать себя.
- Да хрен с ним!.. А чего ж он, гад, на белом коне ещё так...
- Я тебе эту белую лошадь ещё вспомню.

обойти стороной опасность. И никто не обвинит пилота в трусости. Задание, которое тебе поручено, важнее какого-нибудь «мессера». Важнее тебя самого: умри, а сведения доставь! Вернее – даже умереть лётчик не имел права: от результатов разведки порой зависели тысячи жизней наших бойцов, успех крупномасштабных войсковых операций. Поэтому собери волю в кулак, нервы завяжи узлом, но в драку не ввязывайся...

Само собой, всё то, что фашисты усиленно пытались скрыть от глаз советских лётчиков, усиленно же и маскировалось, а ещё сильнее – прикрывалось зенитным огнём. В разведполётах Игорю Шардакову не раз приходилось прорываться сквозь убийственно плотный огненный заслон ПВО. Однажды он наткнулся на такой огонь зениток, что мысленно попрощался с жизнью. Казалось, из кромешного ада уже не выбраться, но выручило другое качество разведчика – смекалка.

Притворившись, что его самолёт подбит, Шардаков резко вошел в пике. Видя, что машина падает, немцы прекратили огонь и уже радовались своей меткости. Однако перед самой землёй искусным манёвром Игорь вышел из пикирования и на бреющем полёте преспокойно ушёл прямо над головами оторопевших зенитчиков.

Но самый опасный вид разведки – это аэрофотосъёмка. Для результативной съёмки пилоту было необходимо строго придерживаться заданной высоты, одинаковой скорости и чёткого направления. Как на параде. Будто психическая атака в фильме «Чапаев». Ничего не скажешь: отличная мишень не только для зенитки – хоть из рогатки стреляй: завидная цель – не промажешь! К тому же фашистские стервятники были отлично осведомлены, что советский лётчик – боец дисциплинированный, он ни за что не смалодушничает, не посмеет прервать полёт или уклониться от курса, поэтому асы Геринга рады были встретить такую лёгкую добычу в воздухе.

Даже представить сложно, каким аршином надо было измерять третье качество разведчика – бесстрашие. И, без сомнения, Шардаков им обладал в полной мере, как и двумя предыдущими.

«Однажды Игорю Шардакову поставили задачу произвести фотосъёмку двух аэродромов противника. Это значит, что над целями нужно было пройти на небольшой высоте, при постоянных скорости и курсе. А такой самолёт – лучшая мишень для зенитчиков.

Прикрывало Шардакова звено ЛаГГ-3. На высоте 3000 метров наши лётчики обошли группировку немцев с севера, затем

пересекли линию фронта левым разворотом со снижением. Ещё при подходе к цели Шардаков снизился до заданной высоты, установил нужные для фотографирования курс и скорость. Три его товарища шли выше, оберегая разведчика от атак истребителей врага.

В воздухе спокойно. Зенитки на аэродроме тоже молчат. Лётчик включил фотоаппарат. В каждую секунду – десятки кадров. Но и враг ожил – затрещали зенитки разных калибров. Снаряды рвутся почти рядом. Их много...

Представьте себе на минуту одного истребителя, вынужденного без манёвра лететь среди десятков разрывов на заданных высоте, скорости и курсе. Повернуть бы ему чуть в сторону от огневой трассы, и было бы хорошо; или ударить по вражеской батарее... Но этого делать нельзя: плановая съёмка требует строго установленного режима полёта. Надо во что бы то ни стало выждать немного – ещё 5 секунд. А чёрные шапки разрывов плотным кольцом окружают самолёт. Секунды кажутся вечностью. Но и у вечности есть конец, Шардаков резким правым разворотом со снижением выходит из зоны обстрела и берёт курс на следующий аэродром.

Здесь картина повторяется снова: опять заданные курс, высота, скорость, опять зенитный огонь врага губительный, ураганный. Как сумеет выйти из этого кромешного ада, одному ему известно. При разрыве одного из снарядов градом раскалённых осколков обдало самолёт Шардакова. «Лавочкин» сильно тряхнуло. Но лётчик с удивительным необычайным хладнокровием вёл фотосъёмку. Руки и ноги его продолжали удерживать машину на точно заданном курсе.

– Пом-пом-пом! Пом-пом-пом! – красные и фиолетовые шарики снарядов «эрликонов», словно бусины, одна за другой бежали в его направлении. Некоторые прошли совсем близко. Выстоял наш лётчик. Задание выполнено, пора домой... Самолёты на максимальной скорости спешат на базу. Там их ждут. Вот и аэродром. Шардаков садится первым, остальные обеспечивают его посадку от внезапных нападений вражеских истребителей.

На земле техники насчитали более тридцати осколочных пробоин в плоскостях и фюзеляже истребителя-разведчика.

Пройдёт немного времени, и дешифровщики фотоплёнки не только подсчитают число и типы самолётов, окопы, доты, но и перенесут их расположения на крупномасштабные карты, которые затем будут переданы истребительным, штурмовым и бомбардировочным частям.

Шардакову удавалось привозить такие замечательные кадры, что и профессиональные фотостудии могли бы позавидовать качеству его снимков. А сейчас, достав свою потрёпанную лётную карту, Игорь подробно докладывает начальнику штаба полка Калашникову всё, что он успел увидеть своими глазами»¹.

Дотошный начальник штаба остался доволен. Сделав последние сокращённые записи в блокноте, Николай Михайлович похвалил Шардакова и заключил: «Орлиные у тебя глаза, товарищ старший лейтенант!». С тех пор Игоря так и стали звать в полку – Орлиный глаз.

Если подсчитать, сколько важных объектов противника уничтожено благодаря его разведанным, сколько танков, автомашин и пушек он потерял, сколько гитлеровцев нашли могилу в нашей земле, то станет ясно, каким опасным врагом для фашистов был Игорь Шардаков. В сводках и наградных документах эти цифры, хотя и далеко не полные, отражены. Одной только живой силы противника – не меньше полка, а это больше двух с половиной тысяч солдат и офицеров вермахта! Ведь часто Шардакову приходилось и самому участвовать в реализации результатов собственной разведки. И это разумно – лучше него никто не ориентировался на объектах. Игорь Александрович вел за собой эскадрильи «Илов» и «Петляковых» и точно наводил их на цель.

11 февраля 1945 года шестёрка Ла-5, под командованием Шардакова (лётчики Павел Куделя, Иван Артамонов, Михаил Подгорный, Александр Бузункин и Дмитрий Штоколов) успешно проштурмовала вражеские самолёты на аэродроме Шпроттау.

---

¹ См: Ильин, Н. Г. Гвардейцы в воздухе : сборник / Н. Г. Ильин, В. П. Рулин. — Москва : ДОСААФ, 1973. — 271 с.

Пилоты наблюдали три больших взрыва, один самолёт загорелся, более десяти было повреждено.

«Как одному из лучших лётчиков полка товарищу Шардакову поручали самые сложные задания по штурмовке и сковыванию аэродромов противника. Как правило, на задания он ходил ведущим группы и своими грамотными действиями наносил большой урон врагу» – такие строки есть в представлении Игоря Александровича к высшей награде – званию Героя Советского Союза.

***

Сентябрь 43-го. Москва. Четверо военных в красивой лётной форме неспешно прогуливаются по площади Свердлова. На статных молодых офицеров то и дело оборачиваются прохожие: пожилые – с гордостью, девушки – с лукавым интересом, а детвора – с нескрываемым восхищением.

Игорь потрепал по ершистой шевелюре веснушчатого пострела, который старательно прошёлся мимо них строевым шагом. Пошарив в кармане галифе, он достал конфету в золотистой обёртке, злодейски добытую им со стола ресторана «Метрополь», и вручил ее мальчугану:

– От лица ВВС Красной Армии объявляю вам благодарность за службу!

Все дружно расхохотались, а смущённый парнишка неловко козырнул.

– Пустой голове честь не отдают! – с шутливым назиданием промолвил москвич Виталик Попков и, сняв с себя фуражку, лихо надел её на голову готового лопнуть от счастья пацана. – Всё равно мала, – шепнул он Игорю в ответ на его изумленный взгляд.

Наблюдавшие эту сценку жители столицы решили, что весёлые лётчики сделали их день хоть на чуточку счастливее, и поспешили по своим делам: к станкам, к кульманам, к госпитальным операционным. Война...

Площадь Свердлова... Последний раз Игорь был в Москве в 41-м, проездом на формировку. Столица была тогда совсем другой – пустынной, тревожной, серой от страха. Осенний ветер веером гнал по мостовым бумажные обрывки. Бронзовый Пушкин, стыдливо выглядывающий из-под мешков с песком...

На Ленинградском шоссе – строй ощетинившихся противотанковых «ежей». Смоленскую улицу перегородила баррикада, построенная из новёхоньких школьных парт. И посередине – чёрный квадрат доски, на которой, словно девиз на щите, жирно начертано мелом: «Враг не пройдёт!» И ведь не прошёл...

Игорь начал мысленно сравнивать, чем отличается от тогдашней Москва нынешняя. Она, словно расцветающая девушка, заметно похорошела, приосанилась. Отбросив от себя липкие комья фашистских полчищ, она расправила плечи и вздохнула полной грудью, разъяв от своей шеи клещи танковых клиньев.

На улицах стало меньше людей в военной форме – это раз! Примета хорошая – мирная.

Однако вот через дорогу перебежала стройная студентка в лёгком платице, но через плечо у нее – противогаз вместо дамского ридикюля. Значит, война ещё близко.

Ой, да у девушки из противогазной сумки торчит буханка хлеба! Примета – мирнее не придумаешь...

Но количество патрулей не уменьшилось. Надо же – в поле зрения сразу три тройки хмурых военных в красных нарукавных повязках. Всё верно – враг ещё близко...

Однако ж компания лётчиков с орденами на груди подозрения не вызывает. Хоть и ведут себя не по-военному празднично: смеются, пытаются заговорить с встречными девушками, один – вообще без фуражки. А вдруг пьяные или в самоволке? Снова мирный признак: два года назад всех бы взяли под белые ручки да в комендатуру и на губу!

Подтверждая мысли Игоря, проходивший мимо патруль не обращает на друзей никакого внимания...

Говорят, всего два месяца назад в столице последний раз ревели сирены воздушной тревоги. Мирная примета? Пожалуй... И в этом тоже есть их заслуга – каждый из его товарищей-гвардейцев насмерть стоял на пути рвущихся к Москве немецких самолётов, а нескольких особо настырных стервятников навечно загнали в сырую подмосковную землю. Игорь вспомнил, как долго не хотел падать сбитый им бомбер Ю-88, неумолимо снижаясь, все тянул и тянул в сторону столицы, но уже – неопасный, беззубый, жалкий...

Но на крыше библиотеки Ленина всё ещё торчит ствол зенитки. Правильно – радоваться рано. Линия фронта пока ещё ближе к Москве, чем к Берлину. Ничего – пододвинем!

Уже двигаем – недаром август был окрашен заревом победных салютов. Сначала – за Орёл, Курск и Белгород, а совсем недавно – за Харьков. Вчера Игорь прочитал на газетном щите рядом с «Метрополем» строки из «Известий»: «Двадцать залпов с интервалами в четверть минуты: пять минут висели над Москвой обвалы артиллерийского грома. Пять минут прошивали атласное небо разноцветные нити трассирующих пуль; зенитный огонь вычерчивал красным, голубым, зелёным, белым сверкающий узор, прихотливый и нежный, как украинское шитьё. Пять минут распускались, словно неведомые цветы, ослепительные ракеты».

«Ради этих счастливых пяти минут – сколько парней сложили головы, сколько отважных соколов из Пятого Гвардейского не вернулись домой... Эти салюты – и в нашу честь. Ох, и надрали же мы уши размалёванным «бубновым», дали асам по мордасам!» – вспомнил Игорь...

– Ребята, а может махнём в Парк Горького – на тигров смотреть? – предложил друзьям Попков.

– Там что, тигры водятся? Не брешу – это же не зоосад, – удивился Ваня Сытов, самый старший из них по годам, первый раз видевший Москву.

– Не тигры, а «Тигры» – громадные, с толстой бронёй, с пушками зевластыми. По сравнению с ними, амурские полосатые – коты домашние! Да танки же, чудак! Трофейные, – рассмеялся Виталий.

– А что? Любопытно вблизи глянуть, я ж на них только с неба охотился, – согласился Иван Лавейкин, которого в конце августа Батя представил к званию Героя, за эти самые «Тигры» в том числе. – Говорят, сам товарищ Сталин трофеи рассматривал.

– Там отличный зоопарк из фрицевской техники сделали москвичам на загляденье – пушки, танки, самолёты. Можно трогать и гладить – не кусаются уже! – увлеченно продолжал Попков. – Даже ягуары имеются. Помнишь, Игорь, какого ты под Славянском обескозырил?

«Ягуаром» немцы прозвали свой «Мессершмитт-110». Пакостная машина, неприятная... Но горит как и все.

– Как же тут хорошо! – одновременно воскликнули Попков с Лавейкиным, рассмеялись неожиданному унисону и, подталкивая друг друга плечами, начали гонять по мостовой консервную банку.

– Три дня на фронте не были, как бы не привыкнуть к хорошему-то, – пытался охладить их пыл рассудительный Сытов.

– Скучный ты, Ваня! А в Лефортово сегодня в футбол играют – наши «Крылышки» против «Динамо». Эх! – Виталий ловко по-

полотёрски обвёл фонарный столб и начал увлечённо комментировать:

– «Вторая поющая» атакует! Сытов проходит по правому флангу и навешивает на Лавейкина. Тот одним касанием перепасовывает мяч Попкову. Он увидел набегающего в штрафную Шардакова и в разрез между защитниками прокинул мяч на форварда. Опасно!

Банка ударилась о начищенный до блеска сапог Игоря. Он озорно огляделся по сторонам и со всего размаху пыром ударил по жестянке, отравив её точнехонько под капот припаркованного «ЗиСа».

– Гоооол! 18:2 в пользу «поющей»! – зашлись в радостном крике лётчики и победно вскинули руки.

Проходившая мимо старушка отшатнулось было, испуганно перекрестилась, а потом, оглядев молодых воинов, перекрестила и их...

Лётчики подходили к «Метрополю», где после сырости землянок и провонявших немецким одеколоном хат в только что освобождённых сёлах, уже третьи сутки жили они в непривычной белопростынной роскоши.

У знакомого газетного щита столпились люди. Сводки должны быть хорошими, обнадеживающими. И так будет, похоже, до самого Берлина. По-другому никак нельзя...

– Может, опять какой-нибудь город освободили, пока мы тут прохлаждаемся, – Попков, беспардонно работая локтями, начал протискиваться сквозь людскую толщу. Из уважения к орденскому иконостасу на груди молодого лётчика его деликатно пропускали...

– Ураааа! – радостно-истощный крик Виталика расслышал, наверное, сам Сталин в Кремле. – Братцы, да мы ж все – Герои! Урррааа! Вон, тут, глядите! Ваня, Игорёша, пулей сюда!

Игорь, обогнав обоих Иванов, подбежал к Попкову, который водил пальцем по стеклу щита. Там в свежем номере газеты «Известия» чёрным по белому было написано: *«За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Гвардии лейтенантам Попкову В. И., Сытову И. Н., Гвардии старшему лейтенанту Шардакову И. А.»*

«Шардакову... Так это ж – я, черт возьми! – мелькнуло в мозгу ошарашенного Игоря. – И Ванька тут, и Виталька!»

Лётчики надолго замерли, не в силах оторваться от строк. А потом, разом подбросив вверх свои фуражки, кинулись обнимать друг дружку и, рискуя свалиться, заскакали в неистовом хороводе.

– Ураааа! Слава гвардейцам! Ааааа! Братцыыыы!

Виталик Попков первым вывалился из круга и, отбивая ляжки, вжарил такой «краковяк в присядку», что стоявшие рядом москвичи начали невольнo приплясывать. «Пятка-носок, носок-пятка!» – лётчик мгновенно перешёл на «русского», втапывая в асфальт новую фуражку Игоря. Свою-то, шельмец, подарил...

– Ас-сааа! Хек-хек-хек! – даже застенчивый Ваня Сытов, зажав в зубах какую-то хворостину, с резким придыханием погорски воинственно размахивал руками.

Игорь в паре с Лавейкиным, словно шерочка с машерочкой, вразной напевая мотив «Риориты», бодро шаркали сапогами по московской мостовой.

– Я же говорил, что вам тоже присвоят! – радовался за друзей Лавейкин и щедро открыл свой знаменитый портсигар. – Закурим моих, Москва!

– Контуженные, наверно, не обращайтесь внимания, граждане, – со знанием дела покивал головой лысый дядька в полу-

Группа Героев Советского Союза, которым вчера были вручены ордена: (слева направо) первый ряд—ст. лейтенант А. Г. Мачнев, гвардии ст. лейтенант Г. И. Богомазов, гвардии ст. лейтенант И. А. Шардаков, гвардии ст. лейтенант Ф. М. Косолапов; второй ряд—гвардии лейтенант В. И. Попков, капитан Я. И. Андришин, лейтенант А. Е. Боровых. Фото Н. Петрова.

Газета «Известия» от 15 сентября 1943 года

военном френче и выразительно постучал по лбу. — Это у них скоро пройдёт.

— Совсем молоденькие, страдальцы, — промокнула платочком глаза сердобольная женщина в форме трамвайного кондуктора.

— Как бы не кинулись на нас, — испугалась молодящаяся особа, раскрыв густо на помаженный рот. — Надо милиционера позвать!

А он тут как тут — высокий, как михалковский дядя Стёпа, предупредительно вежливый:

— Почему нарушаете, товарищи военные?

— Дружище! — потянул его за рукав Виталий. — Вот, обрати внимание. Я — Попков!

— И что с того? — удивился постовой. — А я — Попов!

И. А. Шардаков – Герой
Советского Союза

– Да какой там Попов! Гляди – это я, – обрисовал пальцем свою физиономию лётчик. – И это – тоже я, – ткнул он в газету. – Могу документики показать!

Любопытные вместе с милиционером растерянно следили за передвижениями виталиного пальца:

– А это – Сытов! Вот его фамилия – сверься с текстом. Это, – остановил он взгляд на Лавейкине, – это – Сан Палыч, ему ещё раньше Героя дали. А этот красавчик старлей – Игорь Шардаков. Читай газеты, милиция!

«Дядя Стёпа» улыбнулся и изящно козырнул:

– Поздравляю, товарищи! От всей души поздравляю!

– И мы! И мы поздравляем! Спасибо вам от метростроевцев! Бейте

фашистов! Будьте живы! – со всех сторон неслись восклицания.

– Будем жить! – ответил за всех Игорь.

***

«Интересно, знает ли мама? – думал он. – Дошли ли газеты в Очёр?»

Но в Очёре узнали новость о своём земляке раньше самого виновника торжества, когда из чёрных громкоговорителей по всему поселку – на заводе, Зарекой, на Мызе, в Черёмушках – раздался непередаваемый голос Левитана: *«Присвоить звание Героя Советского Союза ... гвардии старшему лейтенанту Шардакову».*

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ШАРДАКОВ ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ
2. Звание Гвардии ст. лейтенант 3. Должность, часть Зам.к-ра, он-же,
штурман авиаэскадрильи 5 Гвардейского Истребительного авиаполка
- Представляется к званию "ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА"
4. Год рождения 19.4. 1922 5. Национальность Русский 6. Партийность к-т ВКП/б/
с 1948 г.
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) В Отечественной войне участвует с 22.6.41.
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет
9. С какого времени в Красной Армии 28.12 1938 г. 10. Каким РВК призван Симферопольским РВК
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) 3 ордена "КРАСНОГО ЗНАМЕНИ" 1942-43.
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Смелый и бесстрашный летчик-истребитель. С первых дней Отечественной войны мужественно сражается на фронтах. Преданный партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине воздушный боец. Свою преданность доказал в боях по уничтожению немецких оккупантов на земле и в воздухе. Успешно участвовал в операциях на Ельненском, Оршеском, Смоленском направлениях Западного фронта. Принимал самое активное участие в освобождении г.г. Калинин и Старица. Неоднократно один ходил за 150 и больше километров в тыл врага на разведку и благодаря летному мастерству, практической смекалке, всегда доставлял ценные сведения о противнике. Тов. Шардакову как одному из лучших летчиков-командиров доверяли сложные задания по штурмовке войск и аэродромов противника. Как правило, на задание ходит ведущим групп и своими грамотными действиями наносил противнику большой урон, приходя без потерь. Приобретенный боевой опыт за время Отечественной войны, передает его личным примером молодому летному составу как надо ходить и уничтожать злейшего коварного врага. Обладает большим чувством взаимной выручки в бою и эти чувства воспитывает у своих подчиненных.

Первую награду т. Шардаков получал за боевую работу на Западном и Калининском фронтах. За успешное выполнение боевых заданий и 6 сбитых самолетов противника - награжден орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ приказом войскам КФ № 0333 от 4.9.1942 г.

Командир (начальник)

(звание)

194 г.

Наградной лист И. А. Шардакова

«Так вот зачем Батя «Метрополь» для нас, дремучих фронтовиков, выбил. Зна-ал, старый черт!» – Игорь с благодарностью припомнил хитрый взгляд комполка Зайцева.

А лысый дядька решительно разломал защитную решётку на щите (милиционер деликатно отвернулся), аккуратно снял газету, подошёл к улыбающемуся Виталику и, крепко обняв его, вручил:

– Держи, лейтенант! Храни для потомков!

***

Эту газету – пожелтевшую от времени, побывавшую в тысяче рук, – довелось повидать и мне. Виталий Иванович Попков сохранил её для нас, как и обещал.

К концу войны он станет самым результативным асом в полку. А тогда, в 43-м, Михаил Иванович Калинин, награждая его Звездой Героя, сказал, улыбаясь из-под усов: «Товарищ лейтенант, если хотите, чтобы я вам вторую звёздочку вручил, поторопитесь! Я человек старый, могу не дожить». Дожили оба! И Все-союзный староста успел поздравить Виталия Попкова со второй Звездой Героя.

А Батя стал дважды Героем в тот же сентябрьский день, одним указом со своими подопечными из «второй поющей». Если верить солдатскому радио, звезду вручал ему сам маршал Жуков... А почему ж ему не верить? Так оно и должно было быть!

Портсигар Ивана Лавейкина, из которого тот на радостях угощал всю Москву, полвека спустя полетит в космос – вместе с сыном Александром, который тоже стал Героем Советского Союза. На борту станции «Мир» был и сам Иван Павлович – только уже в исполнении портретном. Лётчик-космонавт Александр Лавейкин приспособил его фотографию поближе к иллюминатору, из которого была видна Земля, которую защищал его отец. И тот будто бы смотрел на неё и на небо, в котором прошла вся его жизнь.

Его тёзка Ваня Сытов погибнет в воздушном бою над Днепром, в этом же 43-м, протаранив фашистский «мессер», так толком и не успев поносить на своей гимнастёрке Звезду Героя.

А Игорь Шардаков всё-таки вернулся в родной Очер, чтобы погулять с маленькой дочуркой по старинной берёзовой аллее вдоль пруда. На войне он не пытался выжить, но раз так счастливо получилось, Игорь Александрович стал жить и за себя, и за Ваню Сытова, и за тысячи других парней, обещавших: «Я вернусь, мама...»

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Краткая биография Аркадия Фёдоровича Хренова

Родился в заводе Очёр Пермской губернии в семье потомственного краснодеревщика. 1910 – окончил двухклассное Очёрское училище. 1916 – окончил ремесленную школу, работал помощником мастера в столярном цехе Верхнетурунского завода. Участвовал в митингах. Вскоре вернулся в Очёр. Избран секретарём Союза рабочей молодежи. Преподаватель труда и одновременно студент Очёрского среднего технического училища. 1917 – устанавливал советскую власть в окрестностях Очёра.

Лето 1918 – занимался во Всеобуче на курсе командиров взводов. 1918, сентябрь – записался добровольцем в КА, телефонист штаба 30 стрелковой дивизии. Переведён в политотдел председателем музыкально-художественной секции. 1919, лето – помощник командира сапёрной роты Глазовской военнотехнической партии (с декабря 1919 – 1 инженерного военнодорожного батальона) при Зармии (с января.1920 – 1 Революционной армии труда). 1920, июнь – участвовал в боях против панской Польши на Западном фронте..1922, весна – заведующий дорожно-мостовым классом батальонной школы 2 инженерного батальона. 1922-26 – начальник батальонной школы 5 сапёрного батальона и 5 понтонного б-на. Призёр 1 Олимпиады инженерных войск Западного фронта.

1925 – разработал «Наставление по наводке усиленных понтонных мостов». 1926–28 – начальник команды одногодичников.

1929 – окончил курсы усовершенствования командного состав (КУКС) при Ленинградской краснознаменной военно-

инженерной школе (КВИШ с КУКС). 1930 – командир 5 понтонного б-на. На Всесармейском конкурсе получил одобрение проект понтонно-мостового парка.

1930, осень – старший преподаватель Ленинградской КВИШ с КУКС. Член партии большевиков/КПСС с 1931 г. За период преподавания: руководил учебно-методической секцией; 1932 – разработал нормы мостовых работ и плановую таблицу по наводке моста; разработал учебное пособие «Памятка по расчёту мостов»; совместно с А. А. Ховратовичем разработал учебное пособие «Курс мостов».

1932, лето – стажировался в войсках в должности дивизионного инженера. 1933, осень – начальник технической части и командир учебного сапёрного батальона Детскосельской объединённой военной школы им. В.И. Ленина. 1934, март – помощник начальника Инженерного управления Ленинградского военного округа. 1936 – начальник отдела Штаба, ведавшего учебной работой. 1937 – начальник Инженерного управления Ленинградского военного округа, майор. Полковник. 1940, июль – 1941, 12 марта – начальник главного военно-инженерного управления РККА. С 1941, весна – начальник инженерных войск (НИВ) Московского военного округа.

1941, 22 июня – начальник Инженерного управления Южного фронта. Обеспечивал сдерживающие бои на территории Молдавии, переправу через Днестр отходящих войск и занятие обороны на левом берегу Днестра. 1941, 19 августа – помощник командующего Одесским ОР по оборонному строительству. Одесский оборонительный район приковал к себе 18 вражеских дивизий. Награждён орденом Ленина. 1941, 14 октября – заместитель командующего – НИВ 51А. 1941, 4 ноября – заместитель командующего Севастопольским оборонительным районом по инженерной обороне – НИВ. Героическая оборона Севастополя сорвала план гитлеровского руководства по захвату Кавказа.

1942, арпель-май – заместитель командующего – НИВ Крымского фронта. 1942, май – заместитель командующего – НИВ Волховского фронта. Генерал-лейтенант инженерных войск

(7 декабря 1942). 1944–45 – заместитель командующего – НИВ Карельского фронта. Генерал-полковник ИВ (2 ноября 1944). 1945 – заместитель командующего – НИВ 1 Дальневосточного фронта.

После войны с Японией – НИВ Приморского военного округа. 1945, декабрь – 1949, май – НИВ Дальнего Востока. 1949 – окончил высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К.Е. Ворошилова. 1949–60 – генерал-инспектор инженерных войск Главной инспекции Министерства обороны СССР.

1960, сентябрь – вышел в отставку. Заместитель председателя Советского комитета ветеранов Великой Отечественной войны. Много и активно занимался воспитанием молодёжи.

1973 – Почётный гражданин г. Кириши и Киришского района. Почётный гражданин г. Очёр и других городов. Почётный рабочий Очёрского завода.

Герой Советского Союза. Награждён тремя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Боевого Красного Знамени, тремя орденами Кутузова, орденом Суворова, орденом Отечественной войны 1 ст., многими отечественными и иностранными медалями.

Жена – Софья Васильевна, урожденная Хондого из Старого Быхова. Дети: Пётр (1925) – окончил Московское ВИУ (1944), военный инженер, участник Великой Отечественной и Советско-японской войн, генерал-майор; Борис (1931) – окончил физический факультет МГУ (1954), доктор физико-математических наук (1987), ведущий научный сотрудник НИИ ядерной физики им. Д.В. Скобельцына МГУ им. М.В. Ломоносова.

Умер 29 декабря 1987 г. в Москве, похоронен на Кунцевском кладбище.

Краткая биография Петра Аркадьевича Хренова

Родился 1 октября 1926 года в Белоруссии. В рядах Красной Армии с 16 июля 1943 года. Член ВЛКСМ с 1941 года. Окончил Московское ВИУ в 1944 году, лейтенант.

Участие в Великой Отечественной войне: Волховский, 2-й Белорусский, Карельский, 1-й Дальневосточный фронт. Командир взвода, затем командир 3-й роты 2-го гвардейского отдельного моторизованного штурмового инженерно-сапёрного батальона 20-й моторизованной штурмовой инженерно-сапёрной бригады РГК, гвардии лейтенант.

После окончания войны – слушатель Военно-Инженерной Академии имени В. В. Куйбышева. По окончании Академии проходил службу в войсках Ленинградского, Прибалтийского, Белорусского военных округов, в Группе советских войск в Германии. Затем слушатель Военной Академии Генерального штаба военных сил СССР имени К. Е. Ворошилова. Старший преподаватель академии имени В. В. Куйбышева, а затем – академии Генерального штаба ВС СССР, заместитель начальника кафедры Военной Академии имени К. Е. Ворошилова.

С апреля 1987 года – в отставке. Генерал-майор инженерных войск. С ноября 1987 года заведующий специальной библиотеки Военной академии Генерального Штаба военных сил СССР, одновременно продолжал вести преподавательскую деятельность. Награждён орденами Отечественной войны I степени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда, другими советскими и иностранными наградами.

Умер 26 ноября 1992 года. Похоронен на Троекуровском кладбище г. Москвы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Из протокола совещания начальствующего состава войск, участвовавших в войне против белофиннов

ВОРОШИЛОВ. Совещание начальствующего состава войск, участвовавших в войне против белофиннов, объявляю открытым. Товарищи, настоящее совещание созвано по инициативе Главного Военного Совета с целью подведения итогов и учёта того опыта, который был вынесен начальствующим составом из войны с Финляндией. Главный Военный Совет считает, что на этом совещании не нужно выступать специальным докладчиком; а просто приступить к заслушиванию товарищей, которые непосредственно принимали участие в этой войне. Прошу подавать записки всех тех, кто желает выступить и поделиться своими впечатлениями и опытом за этот последний период, который пережила наша армия и страна.

СТАЛИН. Недостатки отметить.

ВОРОШИЛОВ. Да, я думаю, что товарищи должны будут нам сообщить и о положительных сторонах, а главным образом об отрицательных сторонах, которые имели место в этой войне и в вопросах организации нашей армии, и в вопросах руководства частями, и в вопросах командования, в том числе и высшего, верховного и т.д. Прошу записываться, товарищи. Кто желает слово взять без записи.

ГОЛОС С МЕСТА. Комбриг Хренов.

ВОРОШИЛОВ. Пожалуйста. Давайте с вас начнём. Обмен опытом нач. состава войск, участвовавших в войне против белофиннов

ХРЕНОВ (*комбриг, начальник инженеров Северо-Западного фронта*) Товарищи, я участник войны на Карельском перешейке. Здесь история вновь повторяется, когда постоянные враги и постоянные друзья – артиллерия и фортификация вновь встретились, чтобы помериться силами и на основе этого опыта взять новые темпы, взять новые качества для того, чтобы в будущих войнах быть более сильными, быть более мощными. По данным опыта войны и ряда мобилизационных документов нам известно было, что укрепления на финляндском Карельском перешейке нужно было рассматривать не просто как оборонительный рубеж, а нужно было рассматривать как разработанный, заранее подготовленный плацдарм для нападения на наш Союз. Здесь интересно отметить систему этих укреплений, здесь интересно отметить и ту характеристику всех укреплений, которые возвела белофинская армия. Бой белофинской армии и вся система укреплений были заранее разработаны. Был заранее разработан план оборонительный, план на предполье и план боя на линии Маннергейма. Об этом говорят все мобилизационные документы, которые удалось захватить в ряде их населенных пунктов, главным образом, в расположении штаба.

ВОРОШИЛОВ. Извините, мы не установили регламента. Нужно установить, сколько времени потребуется для того, чтобы сказать самое главное.

ГОЛОСА С МЕСТА. 15 минут.

ВОРОШИЛОВ. 15 минут. Если собрание найдет нужным, то продолжим.

ХРЕНОВ. Система укреплений на Карельском перешейке характеризуется широким и глубоким предпольем. Это предполье построено по системе ряда позиционных линий с большой насыщенностью заграждениями против пехоты и танков,

при этом каждая из них представляла собой большой глубины оборонительную полосу. Всего в Карельском укрепленном районе, на Выборгском направлении, было 8 таких линий заграждений. Линия Маннергейма состояла из основной оборонительной полосы, тыловой и Выборгской укрепленной позиции с современными железобетонными сооружениями, усиленными древокаменными и древоземляными укреплениями и средствами полевой фортификации. Всё это вместе взятое и составляло общую систему укреплений на Карельском перешейке. В общей сложности на Карельском перешейке нами было захвачено и разрушено 285 железобетонных укреплений и 2026 древокаменных и древоземляных сооружений. Сюда не входит громадное количество окопов и отдельных пулемётных и орудийных гнёзд. В указанных сооружениях насчитывалось 1443 пулемета и 186 артиллерийских орудий. Общая протяжённость Выборгского укрепленного района по фронту составляла 80 км, а в глубину 30 км, не считая полосы предполья. Инженерная подготовка плацдарма была проведена грамотно и прочно. От командования и штабов наших частей потребовалась чёткая, смелая и продуманная организация инженерного обеспечения боя и операции. Потребовалось большое насыщение общевойсковых соединений инженерными частями и высокое напряжение в работе сапёров при обеспечении операций.

Я считаю нужным довести до сведения те выводы, которые можно сделать по линии фортификации о плотности заграждений. На Карельском перешейке плотность заграждений значительно сильнее, чем плотность заграждений, которую имели немцы в предполье на линии Зигфрида (1914–1918 гг.). Всего на Карельском перешейке финны имели следующие основные виды заграждений:

1) проволочных препятствий 220 км, или в среднем каждый квадратный километр фронта имел 0,5 километро-проволоко-препятствий;

2) лесных завалов 200 км, или в среднем на один квадратный километр фронта 0,5 км завалов;

3) минных полей 386 км, или в среднем 0,9 км на 1 км² фронта;

4) эскарпов и рвов 50 км;

5) надолб, в основном гранитных и частично железобетонных, 80 км.

Достаточно указать, что в полосе наступления наших войск финнами было взорвано 142 моста, виадука и других дорожных сооружений. Плотность огня в полосе предполья не превышала наши уставные нормы. Например, плотность пулемётного огня здесь достигала двух пуль на один метр. В укрепленных же узлах линии Маннергейма плотность пулемётного огня достигала 6–7 пуль, а на Выборгском направлении и 8 пуль погонный метр, что уже в значительной мере превышало наши нормы.

Помимо этих данных нужно учесть и данные такого порядка, что сам рельеф местности и природные условия Карельского перешейка в значительной степени усиливали всю систему указанных укреплений. Железобетонные сооружения на Карельском перешейке относятся к двум периодам постройки. Первый период – до 1937 г. это железобетонные сооружения, рассчитанные на 1–2 пулемета. Второй период – 1938–1939 гг. Укрепления, построенные в этот период, представляют собой целый комплекс в основном железобетонных сооружений на 4–6–10 амбразур каждое с подземной казармой на гарнизон в 60–100 человек, в свою очередь прикрытых

кольцевыми пулемётными сооружениями и средствами полевой фортификации. Это близко подходит уже к так называемому французскому ансамблю, который дает достаточное сопротивление и достаточную маневренность гарнизону для того, чтобы вести оборонительный бой в данном укреплении.

Все укрепления противника, как показало обследование, были сведены в соответствующие узлы и опорные пункты. Интересно отметить плотность фортификационных сооружений. Так, например, если мы возьмем самый мощный их Хотиненский узел, то на каждый квадратный километр площади приходилось долговременных железобетонных огневых точек 2 и деревоземляных и деревокаменных – 5, а на погонный километр этого фронта приходилось долговременных железобетонных огневых точек 5 и деревоземляных – 10. Доложенным характеризуется непроницаемость той стены, которая стояла перед нашими войсками, действующими на Карельском перешейке.

Каким же образом действовали наши части и каким образом была прорвана ими полоса предполья и линия Маннергейма? Нужно прямо сказать, что в современной войне с прорывом укрепленных районов ставится вопрос во всю ширь о качестве и количестве артиллерии, т.е. артиллерия должна обладать не только скоростью, но и должна обладать мощностью огня настолько большой, чтобы она могла меньшим количеством снарядов вести огневое разрушение укреплений противника. В то же время и пропорция между калибрами должна резко измениться в сторону крупного калибра, а артиллерия, непосредственно сопровождающая пехоту, должна быть легче, иметь большую маневренность, обладать большей скоростью и большей начальной скоростью.

Артиллерийский огонь на Карельском перешейке был очень силен, потому что артиллерии у нас было много и огневое воздействие на всю систему укреплений было вполне достаточным, благодаря чему пехоте и сапёрам, сопровождающим пехоту, оставалось лишь добивать оставшееся. Это самое главное и самое важное в действиях частей 7-й армии на Карельском перешейке.

СТАЛИН. Что добивать?

ХРЕНОВ. Укрепления противника. Артиллерийский огонь особенно характерен был на Хотиненском и Междуболотном узлах и на высоте 38,2. Система укреплений Междуболотного узла и система Хотиненского узла были нарушены огнём артиллерии, авиации и танков, а также подрывными работами саперов, благодаря чему 11 февраля части 123-й стрелковой ордена Ленина дивизии прорвали укрепленную полосу линии Маннергейма.

Какие же трудности и основные недостатки мы имели при борьбе в современном укрепленном районе? Основным недостатком я считаю то, что мы недооценили инженерную мощь укреплений финского театра, недооценили и в количественном, и в качественном отношении. Тем самым недооценили необходимость ведения инженерной разведки, которая должна быть в период подготовки операций наиболее сильной и наиболее эффективной. Недооценили в первоначальном периоде необходимость и роль блокировочных (штурмовых) отрядов (групп), составленных из всех родов войск и тесного взаимодействия между ними. В начале у нас были попытки железобетонные укрепления захватить или силами только пехоты, или силами саперов, или танками, но из этого ничего не получилось и только после того, когда опыт

этих разрозненных действий был изучен, систематизирован и войскам была дана специальная инструкция, мы быстро получили хорошо натренированные блокировочные (штурмовые) крупные и мелкие отряды и группы, которые усиленно действовали по захвату и разрушению всех систем укреплений.

В вопросах инженерного обеспечения для всех инженерных начальников было много нового. Нужно прямо сказать, что опыта в борьбе за укрепленные районы мы не имели. Приходилось изучать это дело непосредственно на поле боя и изыскивать методы как обеспечивать бой в инженерном отношении, чтобы пехота могла выполнить задачи с наименьшими потерями. Доподготовка войск на поле боя - не совсем хороша, потому что мы все-таки имели здесь излишние потери. Видимо, во всей подготовке Красной Армии нужно взять особый упор на отработку методов борьбы за укрепленные позиции и районы, полностью использовав весь полученный в этой войне опыт.

Товарищ народный комиссар обороны, опыт войны показал, что необходимо реорганизовать инженерные части и инженерные управления. Это крайне необходимо! Мы маневрировали сапёрами так: сначала саперы обеспечивали продвижение боевых порядков наступающих частей, потом часть сапёров перебрасывалась на выдвижение тыловых частей, начинали исправлять мосты и дороги, и таким образом всё время приходилось маневрировать, не имея никаких резервов в своем распоряжении.

ВОРОШИЛОВ. Отсюда какой вывод?

ХРЕНОВ. Нужно иметь побольше инженерных частей, улучшить их качество, в техническом отношении нужно иметь их в более подготовленном виде, чего мы не имели на протяжении всей войны. В отношении управления и инженерных начальников. Я по отношению к своим товарищам других армий был в выгодных условиях, потому что я являлся начальником инженерного отдела Округа и какой-то штат подготовленных людей взял с собой и с этим штатом работал, в то время как другие начальники инженеров армий, корпусные и дивизионные инженеры, на которых выпадала вся тяжесть организационного и технического порядка по руководству войсками при прорыве, оставались в единственном числе, приходилось прикомандировывать к ним ряд командиров с тем, чтобы эти лица помогали корпусным инженерам лучше организовывать войска при прорыве. Следовательно, необходимо пересмотреть наши штаты,

Не всё у нас было благополучно и во взаимодействии инженерных начальников с начальниками других родов войск. Здесь сказались условия нашей мирной учебы, когда недопонимали роль инженерного дела в системе борьбы за укрепленные районы и отодвигали инженерных начальников на второстепенные роли. Между тем, опыт этой войны показал, что инженерный начальник должен быть оперативным работником, помогающим общевойсковому командиру и его штабу правильно обеспечить действия войск в инженерном отношении как при борьбе за укрепленные районы, так и при их создании.

В борьбе за укрепленный район особую роль играет служба дешифрования. Мы долгое время не могли понять, как здесь работать, пока не организовали хорошую авиа- и фоторазведку и не наладили службу дешифрования. Мы не имели кадров по дешифровке, и у нас получились затруднения. Видимо, систему дешифровки

надо оставить в ведении инженерного начальника с тем, чтобы можно было организовать это дело, дешифровать документ, правильно и своевременно доложить и этим самым помочь командованию.

Последнее - это в отношении строительства наших укрепленных районов. Не так давно, несколько дней тому назад, я получил штаты инженерного отдела, где вопрос современной фортификации от меня взят и передан в ведение начальника инженерного снабжения. Я считаю, что этого ни в коем случае допустить нельзя потому, что это дело инженерного отдела и от него отбирать строительство укрепленных районов ни в коем случае нельзя. Но в тоже время нельзя, чтобы этот инженерный отдел был превращен в строительный. Видимо, нужно будет провести реорганизацию в этой части, чтобы в инженерном отделе оставалось общее руководство строительством укрепленных районов, но производство работ и проектирование возложить на коменданта укрепленного района и на его инженерный отдел.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3
Лётная книжка лётчика-истребителя
Героя Советского Союза И. А. Шардакова
(по материалам фондов Центрального музея Тавриды)

«Итоги боевой работы с 22 июня 1941г по 15 марта 1945г.»:

вид работы	кол-во	налет час.
боевые вылеты	483	443-24
штурмовки	75	54-10
сопровождений	135	116-30
прикрытие	176	172-08
разведка	36	28-45
перехват	63	56-20
сковывание аэродромов противника	22	1-38
свободный вылет	16	13-04
Вылет на бомбометание	39	итого 36,8 суток
воздушных боёв	76	
сбито самолетов	20	
подбито	1	
групповых	6	

В боевых вылетах (дневных и ночных) И. А. Шардаков провёл в небе почти 37 суток.

В книге использованы фотографии М. Н. Карелиной, В. С. Бикмаева, материалы из фондов Очёрского краеведческого музея, Центральной библиотеки Очёрского городского округа, редакций газет «Звезда» и «Очёрский край».

Автор благодарит:

Центральную библиотеку Очёрского городского округа, лично директора Светлану Александровну Афанасьеву, руководителя проекта Елену Олеговну Шадскую;

Очёрский краеведческий музей им. А. В. Нецветаева;

Музей Очёрского машиностроительного завода и лично Людмилу Геннадьевну Шарову;

Городскую библиотеку г. Джанкой;

Пермское краевое отделение Союза писателей России;

Семьи Хреновых и Шардаковых.

Максим Алексеевич Шардаков – историк, журналист пермской краевой газеты «Звезда», литературный обозреватель. Трижды дипломант краевого творческого конкурса им. А. П. Гайдара. Родился в 1972 году в Очёре. Проект «PRO героев» – дебютная книга автора, изданная Центральной библиотекой Очёрского городского округа при поддержке Министерства культуры Пермского края. Документальные исторические очерки о прикамцах, ставших прототипами персонажей фильмов и книг, перемежаются в ней с литературными зарисовками из реальной жизни героев. В центре внимания автора – Герои Советского Союза лётчик Игорь Александрович Шардаков и генерал-полковник инженерных войск Аркадий Фёдорович Хренов.